

Annotation

Героиня детектива «Мисс Пим расставляет точки» — мисс Пим — вслед за мисс Марпл Агаты Кристи доказывает, что с помощью знания психологии можно раскрыть любое преступление.

- [Джозефина Тэй](#)

- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
- [XXII](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
-

Джозефина Тэй

МИСС ПИМ РАССТАВЛЯЕТ ТОЧКИ

I

Звонил колокол. Назойливо, требовательно, раздражающе.

Звук разносился по тихим коридорам, бесстыдно разрушая утреннюю тишину. Сквозь распахнутые, словно зевающие рты, окна, смотревшие внутрь небольшого четырехугольного двора, оглушительный трезвон выливался в безмолвие залитого солнцем сада, где трава была еще седой от росы.

Маленькая мисс Пим зашевелилась, еще в полусне приоткрыла серый глаз и, не глядя, потянулась за часами. Часов не было. Она открыла второй глаз. Кажется, не было и ночного столика. Ну, конечно, теперь она вспомнила. Вчера вечером она обнаружила, что никакого ночного столика нет. Ничего не поделаешь, часы пришлось положить под подушку. Она сунула туда руку и попыталась нащупать их. Силы небесные, ну и трезвон! Отвратительно. Часов под подушкой не было. Но они должны там быть! Мисс Пим подняла подушку и обнаружила под ней только батистовый платочек с веселым бело-голубым рисунком. Она положила подушку на место и, нагнувшись, заглянула в пространство между кроватью и стеной. Да, там лежало что-то, похожее на часы. Распластавшись на животе и опустив руку, мисс Пим с трудом дотянулась до них, захватила кончиками большого и указательного пальцев и осторожно подняла. Если она теперь их уронит, придется выбираться из постели и лезть под кровать. Со вздохом облегчения она перевернулась на спину, торжествуя держа часы перед собой.

На часах было половина шестого.

Половина шестого!

Мисс Пим перестала дышать и в изумлении вытаращила глаза, не веря себе. Неужели и правда в каком-нибудь колледже — пусть даже физического воспитания — начинают день в полшестого! Конечно, в заведении, где не испытывают необходимости ни в ночных столиках, ни в ночных лампах, всего можно ожидать, — но в полшестого! Мисс Пим поднесла часы к своему маленькому розовому ушку. Они честно тикали. Она перевела глаза на видневшийся в окне за кроватью сад. Да, действительно, еще очень рано; весь мир выглядел так, как бывает только ранним утром — неподвижно, призрачно. Ну, Ну! Вчера вечером Генриетта, стоя в дверях комнаты мисс Пим и заполняя их своей крупной величественной фигурой, сказала: «Спокойной ночи. Студентки в восторге

от твоей лекции, дорогая. Увидимся утром». Но предупредить о звонке в половине шестого ей не пришло в голову.

Ладно. В конце концов колокол звонил не по ней. Когда-то и она вела жизнь по звонкам, но это было давно. Почти двадцать лет назад. Теперь в жизни мисс Пим звонок раздавался только тогда, когда она нажимала на кнопку кончиком пальца. Когда трезвон перешел сначала в жалобное дребезжанье, а затем замер, мисс Пим повернулась к стене и с удовольствием зарылась лицом в подушку. Это не по ней. Роса на траве и все такое — это для юных; для великолепной сияющей юности, и пусть это у них будет. А у нее будет еще два часа сна.

Мисс Пим выглядела очень по-детски — круглое розовое личико, аккуратный носик-пуговка и каштановые волосы, уложенные по всей голове волнами, которые удерживались заколками-невидимками. Ей пришлось выдержать душевную борьбу из-за них! Она очень устала — поездка в поезде, встреча с Генриеттой, лекция; Слабая сторона ее «я» подсказывала, что, по всей вероятности, она уедет сегодня же после ленча, а ее перманенту всего два месяца, и потому волосы на одну ночь можно было совершенно спокойно не закалывать зажимками. Однако отчасти назло слабой стороне своего «я», с которой она постоянно вела жестокую борьбу, отчасти желая оказать честь Генриетте, она вколола все четырнадцать зажимок и последила за тем, чтобы они несли свою ночную службу. Вспоминая ум и энергию Генриетты (сегодня утром это помогало побороть всякие попытки потворствовать себе), мисс Пим изумлялась тому, как живо в ней желание быть достойной Генриетты. В школе она, маленький крольчонок-четвероклассница, до умопомрачения восхищалась шестиклассницей Генриеттой. Генриетта была прирожденной Старостой. Ее талант заключался в исключительной способности следить за тем, чтобы другие проявляли свои таланты. Именно поэтому, хотя некогда Генриетта и оставила школу, предпочтя готовиться к работе секретарши, теперь она была Директрисой колледжа физического воспитания — то, в чем она не смыслила абсолютно ничего. Она совершенно забыла о Люси Пим, как и Люси Пим забыла о ней, пока мисс Пим не написала Книгу.

Так, во всяком случае, сама Люси думала о своем труде. Книга с большой буквы.

Она все еще была сама несколько удивлена Книгой. Ее жизненной миссией было учить школьниц говорить по-французски. И она занималась этим четыре года, а когда умерли сначала отец, а потом мать, оставив ей двести пятьдесят фунтов в год, Люси одной рукой стерла слезы, а другой написала заявление об отставке. Директриса с явной завистью и не проявив

никакого сочувствия, не преминула заметить, что дивиденды с двухсот пятидесяти фунтов вряд ли могут обеспечить серьезный запас прочности для цивилизованного культурного существования, которого достойны такие люди, как Люси. Но Люси все же ушла и поселилась в цивилизованной культурной квартирке, расположенной достаточно далеко от Кэмден Таун, чтобы считаться находящейся близко к Риджент Парку^[1]. Необходимый для существования запас прочности она добывала, давая время от времени уроки французского языка — когда надвигалась плата по счетам за газ, а свободное время проводила, читая книги по психологии.

Первую книгу по психологии Люси прочла из любопытства, ей подумалось, что это может быть интересно. Остальные она прочла, чтобы посмотреть, все ли они такие же глупые. К тому времени, как она прочла тридцать семь книг по психологии, у нее появились об этом предмете собственные мысли, отличающиеся, разумеется, от того, что было написано в тридцати семи прочитанных к этому моменту томах. Эти тридцать семь томов казались ей совершенной несуразицей и так раздражали ее, что она снова и снова садилась и исписывала целые стопки бумаги, опровергая изложенное в них. А так как в английском языке для большинства понятий, которыми оперирует психология, нет определений и изъясняться можно, только пользуясь специальным жаргоном, то все ее опровержения выглядели вполне научнообразно. Этим бы все и кончилось, если бы мисс Пим не воспользовалась оборотной стороной испорченного листка (она печатала на машинке не очень профессионально), чтобы написать следующее:

Многоуважаемый мистер Сталлард,

Я была бы Вам очень признательна, если бы вы не включали радио после одиннадцати вечера. Оно мне очень мешает.

Искренне ваша

Люси Пим.

Мистер Сталлард, с которым она не была знакома (его имя значилось на дощечке на двери этажом ниже), явился лично в тот же вечер. В руке он держал ее письмо и показался Люси очень разгневанным, так что она несколько раз сглотнула, прежде чем смогла произнести какой-нибудь членораздельный звук. Но мистер Сталлард не сердился по поводу радио. Он работал в издательстве, и его обязанностью было читать присылаемые рукописи. Его заинтересовало то, что было напечатано на обороте письма

Пим.

Нынче, когда бум прошел, издатель от одного предложения напечатать книгу по психологии упал бы в обморок или позвонил бы, чтобы принесли бренди. Но в прошлом году издательский мир испытал потрясение: британская публика, устав от романов, вдруг проявила интерес к сверхсложным вопросам, как, например, расстояние от Сириуса до Земли или скрытый смысл танцев аборигенов Бечуаналенда. Издатели лезли из кожи, стараясь удовлетворить эту невиданную жажду знаний, и мисс Пим приняли с распростертыми объятиями. Иначе говоря, старший компаньон издательства пригласил ее на ленч и предложил подписать договор. Это само по себе было удачей, но Провидение позаботилось не только о том, чтобы британская публика устала от романов, но чтобы еще интеллектуалы устали от Фрейда и Ко. Они жаждали чего-то Нового. И этим Новым оказалась Люси. Таким образом, однажды утром она проснулась не только знаменитостью, но и автором бестселлера. Это ее так потрясло, что она вышла из дома, выпила в кафе три чашки черного кофе и всю оставшуюся часть утра просидела в Парке, глядя прямо перед собой.

Ее книга оставалась бестселлером несколько месяцев, и для мисс Пим стало привычным читать лекции по «своей» теме в научных обществах. Тут вдруг пришло письмо от Генриетты. Она напоминала Люси об их совместных школьных днях и звала погостить у нее в колледже, побеседовать со студентками. Люси успела немного устать от бесед, да и образ Генриетты с годами слегка потускнел. Она уже готова была ответить вежливым отказом, как вдруг вспомнила тот день, когда четвертый класс обнаружил, что ее, мисс Пим, полное имя — Летиция (этот позор Люси скрывала всю свою жизнь). Четвертый класс превзошел сам себя, и Люси уже раздумывала, очень ли будет переживать ее мать, если она, Люси, покончит с собой. Потом она решила, что коли уж на то пошло, мать сама довела ее до этого, дав Люси такое претенциозное имя. Однако тут же на насмешниц набросилась Генриетта, набросилась буквально и метафорически. Ее гневные замечания немедленно повергли насмешниц ниц. Имя «Летиция» уже никогда более не произносилось, а Люси, вместо того, чтобы броситься в реку, отправилась домой, где ее ждал рулет с джемом.

Сидя в своей цивилизованной культурной гостинице, Люси вновь ощутила волны горячей благодарности, которые, как когда-то, перекачивались у нее в душе. Она ответила письмом, сообщая, что будет счастлива провести с Генриеттой вечер (врожденная предусмотрительность не была полностью стерта чувством благодарности) и с удовольствием

поговорит о психологии со студентками.

Удовольствие она получила большое, подумала Люси, загораясь простыней от яркого дневного света. Пожалуй, самая милая аудитория из всех, что она видела. Ряды прелестных головок, превративших голый лекционный зал в нечто похожее на сад. И дружные сердечные аплодисменты. После вежливых хлопков, которыми ее одаривали последние несколько недель в научных обществах, приятно было слушать, как звонко ударяются друг о друга сложенные чашечкой ладони. И вопросы, которые ей задавали девушки, были весьма умными. Хотя психология значилась одним из предметов в расписании, висевшем в преподавательской, мисс Пим почему-то не ожидала, что ее так хорошо поймут студентки, у которых, по-видимому, целые дни работали только мускулы. Конечно, вопросы задавали лишь немногие, так что оставалась вероятность, что остальные были недалекими.

Ну, ладно, сегодня ночью она уже будет лежать в своей удобной кровати, и все это будет казаться сном. Генриетта уговаривала ее остаться на несколько дней, и мисс Пим уже было поддавалась на ее уговоры; но ужин ее сразил. Бобы и молочный пудинг оказались ей не слишком вдохновляющей едой для летнего вечера. Очень укрепляюще, очень питательно, и все такое, она не сомневалась. Но это не то меню, которое хочется повторить. Генриетта сказала, что преподаватели в колледже питаются так же, как студентки, и Люси надеялась, что сомнение, с которым она глядела на бобы, не было замечено. Люси старалась смотреть на них с веселым и довольным видом, но, может быть, ей это не удалось.

— Томми! Том-ми-и! О, Томми, дорогая, проснись! Я в отчаянии!

Сон мгновенно слетел с мисс Пим. Казалось, что отчаянные вопли раздаются у нее в комнате. Потом она сообразила, что второе окно выходит во двор, двор этот маленький, и разговор между обитательницами комнат через распахнутые настежь окна — естественный способ связи. Мисс Пим полежала, стараясь успокоить колотящееся сердце, глядя вверх складок простыни на то место, где за бугорком, скрывавшим большие пальцы ее ног, виднелся в ракурсе кусок дальней стены. Однако кровать стояла в углу комнаты, окно справа находилось за изголовьем, другое, слева, выходившее во двор, — в изножье, и со своей подушки мисс Пим могла видеть в тонкой вертикальной полоске света только половину открытого окна в стене по ту сторону двора.

— Томми! Том-ми-и!

Темноволосая голова появилась в окне, которое было видно мисс Пим.

— Послушайте, кто-нибудь, — произнесла голова, — бросьте чем-

нибудь в Томас, и пусть Дэйкерс прекратит кричать.

— О, Грингэйдж^[2], душенька, ты просто черствое животное! У меня лопнула подвязка, и я не знаю, что мне делать. А Томми вчера взяла мою единственную булавку, чтобы открывать моллюсков-береговичков на вечеринке «Два с половиной пенса». Она просто обязательно должна отдать мне ее, прежде чем — Томми! Том-ми-и!

— Эй, заткнитесь-ка, — приглушенно произнес еще один голос, и наступила пауза. Пауза, почувствовала Люси, заполненная языком жестов.

— И что должна означать вся эта жестикуляция? — спросила темная головка.

— Замолчи, говорю. — Это отчаянным *sotto voce*^[3]. — Она там!

— Кто?

— Эта Пим.

— Что за чепуха, душенька, — это был снова голос Дэйкерс, высокий, звонкий, счастливый голос всеобщей любимицы, — она спит в передней части дома, там, где и остальные сильные мира сего. А как ты думаешь, у нее может найтись лишняя булавка, если я попрошу?

— По-моему, она предпочитает молнии, — вмешался еще один голос.

— Ох, да тише вы! Говорю вам, она в комнате Бенгли!

На сей раз наступило настоящее молчание. Люси увидела, как темная головка резко повернулась к ее окну.

— Джолли^[4] сказала мне вчера вечером, когда раздавала ужин.

— Откуда ты знаешь? — спросил кто-то.

Мисс Джолифф — это экономка, вспомнила Люси и оценила прозвище, данное этой мрачной представительнице рода человеческого.

— И правда, Господи! — произнес с чувством голос, говоривший про молнии.

Тишину разорвал звон колокола. Такой же настойчивый, как и тот, что разбудил их. Темная головка исчезла при первых же звуках, и сквозь шум и звон можно было расслышать только голос Дэйкерс, исполненный жалобного отчаяния. Деловые заботы дня смели допущенные светские оплошности и низвели их до их истинной значимости, крайне мелкой. Вал звуков поднялся навстречу звону колокола. Захлопали двери, затопали по коридору ноги, всюду раздавались громкие голоса, кто-то вспомнил, что Томас все еще спит, и после того, как брошенные из ближайших окон предметы не смогли ее разбудить, по ее запертой двери была выбита барабанная дробь. А потом послышался шум ног, бегущих по усыпанной гравием дорожке, которая пересекала поросший травой двор. И вот все

больше ног бежит по гравию и все меньше по ступеням, журчание голосов нарастает, достигает кульминации и постепенно утихает. Когда шум почти замер в отдалении, по гравию протопала одинокая пара ног, а голос на бегу повторял с каждым шагом: «черт, черт, черт, черт, черт». Очевидно, Томас, которая любит поспать.

Мисс Пим всей душой посочувствовала неизвестной Томас. Кровать — это чудесное место в любое время суток, но если человек от природы такой соня, что ни дикий трезвон колокола, ни визг соучениц не производят на него никакого впечатления, значит, вставание для него — пытка. Наверное, Томас валлийка. Все Томасы валлийцы. Кельты терпеть не могут рано подыматься. Бедная Томас. Бедная, бедная Томас. Люси захотелось найти для бедной Томас такую работу, где можно было бы спать до полудня.

Волны сна накатили на мисс Пим, и она стала погружаться в них глубже и глубже. Интересно, подумала она, «отдает предпочтение молниям» — это комплимент? Наверное; вряд ли станут восхищаться приверженностью к булавам, так что может быть...

Она заснула.

II

Два казака шести футов роста били ее кнутами за то, что она упорствовала, желая пользоваться старомодными булавками, тогда как прогресс предписывал молнии. Кровь уже текла у нее по спине, но тут она проснулась и обнаружила, что единственное, что подвергается насилию, — это ее слух. Снова гремел колокол. Люси пробормотала нечто нецивилизованное и некультурное и села. Нет, определенно, ни на минуту после ленча она не останется. В 2.41 есть поезд из Ларборо, и этим 2.41 она и уедет. Прощальные слова сказаны, долг дружбе отдан. Душа мисс Пим наполнилась радостным предвкушением бегства. На платформе она купит полуфунтовую коробку шоколада в знак избавления. Потом, в конце недели, это отразится на шкале весов в ванной комнате, но не все ли равно?

Мысль о весах напомнила мисс Пим о цивилизованной и культурной потребности принять ванну. Генриетта извинилась, что до ваннх комнат преподавателей так далеко; заодно она извинилась, что помещает гостью в студенческий блок, но к фрекен Густавсен приехала из Швеции мать и заняла единственную преподавательскую комнату для гостей; она собиралась оставаться в Лейсе еще несколько недель, пока не увидит и не сможет оценить результаты работы своей дочери на ежегодных Показательных выступлениях, которые состоятся в начале следующего месяца. Люси сомневалась, что при ее способности ориентироваться на местности — весьма слабой, по мнению ее друзей — она сможет отыскать эту ванную комнату. А бродить, крадучись, по широким пустым коридорам, да еще нечаянно попадать (все может быть) в учебные аудитории — это ужасно. И еще ужаснее блуждать в коридорах, переполненных девушками, поднявшимися на заре, и искать место, где можно осуществить свое запоздалое омовение.

Мысль Люси всегда работала именно так. Ей недостаточно было представить себе одну сторону ужасного обстоятельства, обязательно нужно было вообразить и противоположную тоже. Люси так долго сидела, обдумывая соперничающие между собой аспекты ужасного обстоятельства и наслаждаясь ничегонеделаньем, что колокол успел зазвонить еще раз, еще одна волна топчущих ног и кричащих голосов накатила — и омыла тишину утра. Люси поглядела на часы. Было половина восьмого.

Она уже решила было вести себя нецивилизованно и некультурно и «ходить грязнулей», как называла это ее приходящая прислуга; в конце

концов что такое это погружение в воду, как не современная причуда, и если Карл Второй допускал, чтобы от него не очень хорошо пахло, то кто она такая, она, престолюдинка, чтобы скрипеть зубами оттого, что не приняла ванну? Но тут раздался стук в дверь. Спасение пришло. О, радость, о, счастье, ее дурацкому положению пришел конец.

— Войдите, — откликнулась она радостно, как Робинзон Крузо, приветствующий высаживающуюся на остров компанию. Конечно, Генриетта пришла пожелать Люси доброго утра. Как глупо было с ее стороны не подумать об этом. В душе она все еще оставалась зайчиком, который не ожидал, что Генриетта вспомнит и побеспокоится о нем. Право, ей, Люси, нужно культивировать в себе образ мышления, более подходящий знаменитости. Может быть, если она будет причесываться по-другому или повторять двадцать раз на дню по системе Куэ...

— Войдите!

Но это была не Генриетта. Это была богиня.

Богиня с золотыми волосами, в яркоголубой льняной тунике, с синими, как море, глазами и парой дивных, достойных самой сильной зависти ног. Люси всегда обращала внимание на ноги других женщин, потому что ее собственные были для нее источником горькой досады.

— О, простите, — проговорила богиня. — Я забыла, что вы, может быть, еще не встали. Мы здесь поднимаемся ужасно рано.

Люси подумала, что со стороны этого небесного создания было очень мило принять на себя вину за ее, Люси, лень.

— Прошу прощения, что помешала вам одеваться.

Взгляд синих глаз остановился на домашних туфлях без задников, которые стояли посреди комнаты, и так и замер в восхищении. Это были голубые шелковые туфельки, очень женственные, свидетельствующие об изрядной расточительности, очень воздушные. Совершенно неотразимая безделица.

— Боюсь, они выглядят глупо, — сказала Люси.

— Если бы вы только знали, мисс Пим, что это значит — увидеть предмет, который не является строго утилитарным!

А потом добавила, как будто сама попытка отстраниться от дела возвращала ее к нему:

— Моя фамилия Нэш. Я староста Старших. Я пришла сказать, что Старшие почтут за большую честь, если вы завтра придете к нам на чашку чая. По воскресеньям мы пьем чай в саду. Это привилегия Старших. Там очень приятно, особенно в летний день, и мы действительно будем очень ждать вас. — И она с искренней благожелательностью улыбнулась мисс

Пим.

Люси объяснила, что завтра ее здесь не будет, что она уезжает сегодня после полудня.

— О нет! — запротестовала девушка, и неподдельное чувство, прозвучавшее в ее голосе, вызвало у Люси прилив радости. — Нет, мисс Пим, не уезжайте! Вы даже не представляете, какое вы для нас неожиданное счастье. Так редко приезжает кто-нибудь — кто-нибудь интересный. Здесь очень похоже на монастырь. Нам всем приходится так много работать, и у нас не остается времени думать о внешнем мире, и это последний семестр для нас — Старших, и все так мрачно, и все так замкнуты на самих себя: выпускные экзамены, и Показательные выступления, и какие найдутся места для работы, и все такое — мы все до смерти устали и уже не понимаем, что хорошо, а что плохо. И тут приезжаете вы — посланец внешнего мира, цивилизованное существо, — полу-смеясь, полу-серьезно она прервала свой монолог. — Вы не можете нас покинуть.

— Но лектор из «внешнего мира» приезжает к вам каждую пятницу, — возразила Люси. Впервые в жизни ей довелось оказаться для кого-то неожиданным счастьем, и она решила, что не должна принимать слепо на веру это определение. Ей вовсе не нравилось, что благодарное чувство переполняло ее и грозило перелиться через край.

Мисс Нэш объяснила ясно, четко и с изрядной долей яда в голосе, что последними тремя лекторами были восьмидесятилетний старец, рассказывавший об ассирийских надписях, чех из Центральной Европы и костоправ, лечивший сколиоз.

— Что такое сколиоз? — спросила Люси.

— Искривление позвоночника. И если вы думаете, что кто-то из них привнес хоть чуточку света и тепла в атмосферу колледжа, вы ошибаетесь. Считается, что лекции должны поддерживать наше общение с внешним миром, но осмелюсь быть и честной, и нескромной, — она явно наслаждалась и той, и другой ролью, — платье, которое было на вас вчера вечером, принесло нам больше пользы, чем все прослушанные лекции.

Когда ее книга только стала бестселлером, Люси истратила действительно большую сумму на это платье, и оно все еще оставалось ее любимым. Она надела его, чтобы произвести впечатление на Генриетту. Благодарное чувство готово было перелиться через край.

Однако этого оказалось недостаточно, чтобы сломить здравый смысл Люси. В ее памяти крепко засели бобы. И отсутствие лампы на ночном столике. И отсутствие звонка для вызова прислуги. И вечно призывающий

к чему-то трезвон колокола. Нет, она уедет поездом 2.41 из Ларборо, даже если все студентки Колледжа Физического воспитания в Лейсе улягутся у нее на пути и будут громко рыдать. Люси пробормотала что-то о назначенных встречах — давая возможность сделать вывод, что ее календарь распух от записей, о том, на каких собраниях она непременно должна присутствовать, где ее ждут — и попросила мисс Нэш пока что проводить ее в преподавательскую ванную.

— Мне бы не хотелось блуждать по коридорам, а звонка, чтобы вызвать кого-нибудь, я не нашла.

Посочувствовав Люси, лишенной необходимых услуг — «Элизе, конечно, следовало бы помнить, что в этих комнатах нет звонков, и самой прийти к вам; Элиза — это горничная, которая обслуживает преподавателей» — мисс Нэш предложила мисс Пим воспользоваться студенческими ванными комнатами — они гораздо ближе.

— Конечно, это «кубики», я хочу сказать, у них перегородки не до потолка, и пол из обыкновенного бетона, а в преподавательских — бирюзовый мозаичный, с рисунками в хорошем вкусе — дельфины, например. Но вода та же самая.

Мисс Пим с радостью согласилась воспользоваться студенческими ванными комнатами, и пока она собирала купальные принадлежности, часть ее мозга, оставшаяся незанятой, обдумывала отсутствие у мисс Нэш приличествующего студентке почтения к преподавателям. Это что-то напомнило мисс Пим Мэри Бэрхарроу. Четвертый класс состоял из кротких созданий, восторженно трудившихся на ниве неправильных французских глаголов, но Мэри Бэрхарроу, оставаясь старательной и приветливой, обращалась с учительницей французского языка, как с равной, и это происходило потому, что отец Мэри был «почти миллионер». Мисс Пим сделала вывод, что во «внешнем мире» — странно, как быстро начинаешь применять клондайкские ^[5] термины к колледжу — у мисс Нэш, так явно обладавшей присущими Мэри Бэрхарроу очарованием, легкостью и чувством равенства в обращении с людьми, вероятно, тоже есть отец, подобный отцу Мэри Бэрхарроу. Люси еще предстояло узнать, что именно этот факт отмечался в первую очередь при упоминании фамилии Нэш. «Родители Памелы Нэш очень богаты. Знаете, у них есть дворецкий». Никто никогда не забывал упомянуть дворецкого. Для дочерей борющихся за существование докторов, адвокатов, бизнесменов и фермеров дворецкий был такой же экзотикой, как раб-негр.

— Разве вам не надо быть на уроке? — спросила мисс Пим, справедливо полагая, что тишина в залитых солнцем коридорах — это знак

того, что девушек поглотили другие помещения. — Наверное, если вас будят в половине шестого, занятия идут и до завтрака?

— О да. Летом у нас до завтрака два урока, один активный, другой пассивный. Практика по теннису и кинезиология, или что-нибудь вроде этого.

— Что это такое — кин — как там дальше?

— Кинезиология? — мисс Нэш задумалась на минуту над тем, как бы получше сообщить несведущему человеку новые сведения, а потом заговорила, словно цитируя воображаемую книгу: «Я снимаю с высокой полки кувшин с ручкой; опишите работу, проделанную мышцами», — и когда мисс Пим кивнула, показав, что поняла, продолжила: — Но зимой мы встаем, как все, в половине восьмого. И в это время у нас обычно идут занятия по дополнительным предметам — здравоохранение, Красный Крест и тому подобное. Но теперь с этим покончено, и нам разрешают в эти часы готовиться к выпускным экзаменам, которые начнутся на следующей неделе. У нас очень мало времени на подготовку, так что мы этому рады.

— А разве вы не свободны после чая?

Мисс Нэш почти рассмеялась.

— Что вы! С четырех до шести вечера — клиника. Знаете, приходящие пациенты. Все, что угодно, от плоскостопия до перелома бедра. А с половины седьмого до восьми — танцы. Балет, не народные. Народные у нас утром, они считаются упражнением, не искусством. А ужин кончается около полдевятого, так что к тому времени, когда мы могли бы самостоятельно заниматься, мы уже совсем сонные, и обычно это все превращается в борьбу между желанием спать и попытками одолеть собственное невежество.

Свернув в длинный коридор, ведущий к лестнице, они почти столкнулись с маленькой фигуркой, бегущей со всех ног; одной рукой она прижимала к себе череп и грудную клетку скелета, другой — таз и ноги.

— Зачем вы взяли Джорджа, Моррис? — спросила мисс Нэш, когда они поравнялись с девочкой.

— Ой, пожалуйста, не задерживайте меня, Бо^[6], — тяжело дыша, проговорила та, крепче прижимая к правому боку свою странную ношу и продолжая стремительно нестись вперед, — и, пожалуйста, забудьте, что вы меня видели. То есть что вы видели Джорджа. Я хотела проснуться пораньше и отнести его обратно в лекционный зал до первого колокола, но проспала.

— Вы всю ночь просидели с Джорджем?

— Нет, только часов до двух. Я...

— А как же со светом?

— Ну, ясно, завесила окно ковриком, — сердито ответила девочка, как человек, вынужденный объяснять очевидное.

— Славная атмосферка для июньского вечера!

— Было как в аду, — призналась Моррис. — Но это был, правда же, единственный способ вызубрить связки, так что, пожалуйста, Бо, забудьте немедленно, что вы видели меня. Я оттащу его обратно на место, прежде чем учителя спустятся к завтраку.

Вряд ли вам это удастся. Вы обязательно на кого-нибудь наткнетесь.

— О, пожалуйста, не пугайте меня. Я и так ужасно боюсь. И потом, я не знаю, смогу ли вспомнить, как его сцепить.

Она сбежала по лестнице и исчезла.

Ну, прямо Зазеркалье, — прокомментировала мисс Пим, глядя вслед удаляющейся девочке. — Я всегда думала, что связки — это что-то, относящееся к шитью.

— Связки? Это то, чем крепятся мышцы к костям. Их гораздо легче выучить, когда перед тобой скелет, чем по книге. Поэтому-то Моррис и похитила Джорджа. — Мисс Нэш приглушенно хихикнула. — Очень изобретательно с ее стороны. Я, когда была Младшей, выкрадывала отдельные кости из ящиков в лекционном зале, но стащить Джорджа мне ни разу не пришло в голову. Знаете, над жизнью Младших висит страшная туча. Анатомия. Позднее к ней не возвращаются. Считается, что мы должны знать все о теле прежде, чем начнется практическая работа, поэтому анатомию сдают в Младшей группе, а не в Старшей, как другие предметы. Вот и ванные комнаты. Когда я была Младшей, мы все по воскресеньям прятались в высокой траве по краям крикетного поля, прижимая к себе Грея. Выносить книги из колледжа строго воспрещается, и по воскресеньям полагается вести светскую жизнь — ходить в гости, на чашку чая, в церковь или выезжать на природу. Все Младшие в летний семестр^[7] по воскресеньям только и думают, как бы найти укромное местечко для себя и Грея. Это нелегкая задача — вынести Грея из колледжа. Вы знаете Грея? Размером со старинную семейную библию, вроде тех, что лежат на столиках в гостиных. Однажды даже прошел слух, что половина девушек в Лейсе беременны, а потом выяснилось, что такой странный силуэт у них был оттого, что под воскресными платьями они прятали Грея.

Мисс Нэш подошла к кранам, открыла их, и вода с шумом хлынула в ванну.

— Когда все в колледже моются по два-три раза в день, и на это отводятся считанные минуты, краны должны работать, как Ниагара, — объяснила она, перекрикивая шум. — Боюсь, вы сильно опоздаете к завтраку. — И поскольку от этой перспективы у мисс Пим появился встревоженный и какой-то растерянный, как у маленькой девочки, вид, добавила: — Давайте, я принесу вам завтрак в комнату. Нет, это совсем не трудно, я с удовольствием это сделаю. Вы — гостя, и вам совсем не обязательно появляться к завтраку в восемь утра. Вам лучше будет поесть у себя в комнате. — Она помолчала, держа руку на ручке двери. — И, пожалуйста, передумайте и оставайтесь. Это и правда доставит нам радость. Большую, чем вы можете себе представить.

Она улыбнулась и ушла.

Люси лежала в теплой мягкой воде и с удовольствием думала о завтраке. Как приятно, что не нужно будет разговаривать, перекрикивая шум общей болтовни. Как мило со стороны этой очаровательной девушки предложить принести ей поднос с завтраком. Может, в конце концов было бы славно провести день-два среди юных...

Менее чем в полдюжине ярдов от того места где она лежала, вновь раздался оглушительный трезвон, заставивший Люси почти вылететь из ванны. Это привело ее к окончательному решению. Люси села и намылилась. Ни минутой позже, в 2.41 из Ларборо, ни одной минутой позже.

Когда колокол — вероятно, предупреждение за пять минут до восьмичасового гонга — смолк, раздался топот ног в коридоре, две двери слева от Люси хлопнули, вода каскадом обрушилась в ванны и высокий знакомый голос громко провозгласил:

— Ой, девочки, я жутко опаздываю к завтраку, но я пропотела насквозь. Знаю, мне бы следовало тихонько сидеть и учить состав плазмы, о котором я не знаю аб-со-лют-но ни-че-го, а экзамен по физике во вторник. Но утро было такое чудесное — ой, куда я девала мыло?

У Люси медленно отвисла челюсть, когда до нее дошло, что в коллективе, начинавшем день в половине шестого утра и заканчивавшем в восемь вечера, еще находились личности, у которых хватало жизненных сил, чтобы работать до седьмого пота тогда, когда в этом не было необходимости.

— О, Донни, дорогая, я забыла мыло. Брось мне свое!

— Подожди, сначала сама намылюсь, — ответил другой голос, спокойный, резко контрастирующий с необыкновенной эмоциональностью голоса Дэйкерс.

— Ну, мой ангел, побыстрее. Я уже на этой неделе дважды опаздывала, и мисс Ходж в последний раз, определенно, очень странно смотрела на меня. Слушай, Донни, ты случайно не можешь взять мою пациентку с ожирением на двенадцатичасовом приеме, а?

— Нет, не могу.

— Знаешь, она на самом деле совсем не такая тяжелая, как кажется. Тебе нужно будет только...

— У меня есть собственный пациент.

— Да, но у тебя просто маленький мальчик с лодыжкой. Льюкас могла бы посмотреть его после девочки с tortis colli^[8].

— Нет.

— Я так и думала, что ты откажешься. Ох, дорогая, я просто не знаю, когда буду учить эту плазму. А что касается тканей живота, они просто приводят меня в недоумение. Я не могу поверить, что их четыре вида, ну, никак. Это просто заговор. Мисс Люкс говорит — посмотрите на внутренностях, но я и на внутренностях ничего не вижу.

— Лови мыло.

— Ой, спасибо, дорогая. Ты спасла мне жизнь. И какой приятный запах! Очень дорогой. — Намыливаясь, а потому на минуту замолчав, Дэйкерс вдруг сообразила, что соседняя справа ванна занята. — Кто тут рядом, Донни?

— Не знаю. Может быть, Гэйдж.

— Это ты, Грингэйдж?

— Нет, это мисс Пим, — ответила перепуганная Люси и понадеялась, что это прозвучало не слишком чопорно.

— Нет, правда, кто?

— Мисс Пим.

— Здорово похоже!

— Это Литтлджон, — предположил спокойный голос. — Она хорошо имитирует.

Воцарилась тишина.

Потом раздался плеск, производимый телом, резко поднявшимся из воды, шлепающий звук от мокрой ноги, решительно вставшей на край ванны, и наверху перегородки показались восемь кончиков пальцев, а над ними лицо. Это было длинное белое лицо, как у славного пони; прямые светлые волосы в спешке были закручены в узел и скототы шпилькой. Некрасивое, но милое лицо. И в этот суматошный момент Люси вдруг сразу поняла, как Дэйкерс удалось добраться до последнего семестра в Лейсе, и ни одна из выведенных из терпения коллег не стукнула ее по

голове.

На лице, торчавшем над перегородкой, сначала отразился ужас, потом его залила яркая краска. Потом лицо пропало. Из-за перегородки раздался отчаянный вопль:

— О, мисс Пим! О, дорогая мисс Пим! Извините меня! Я презираю себя. Мне и в голову не могло прийти, что это вы...

Люси почувствовала, что вопреки всему наслаждается собственным величием.

— Я надеюсь, вы не обиделись? Не ужасно обиделись, я хочу сказать? Мы так привыкли к голому телу, что... что...

Люси поняла, что девушка пытается сказать, что допущенная ею оплошность здесь представлялась не столь существенной, как в каком-нибудь другом месте, и поскольку она сама, Люси, в этот момент намыливала большой палец на ноге, то не обратила на случившееся никакого внимания. Она любезно ответила, что это целиком ее вина, что она заняла студенческую ванну, и что мисс Дэйкерс не надо из-за этого волноваться.

— Вы знаете мою фамилию?

— Да. Вы разбудили меня сегодня утром, когда зывали о булавке.

— О, катастрофа! Теперь я никогда не смогу взглянуть вам в лицо!

— Наверно, мисс Пим уедет обратно в Лондон первым поездом, — произнес голос из дальней кабинки тоном «посмотри-что-ты-наделала».

— Это О'Доннел рядом, — объяснила Дэйкерс. — Она из Ирландии.

— Из Ольстера^[9], — хладнокровно уточнила О'Доннел.

— Здравствуйте, мисс О'Доннел.

— Должно быть, вам кажется, что здесь сумасшедший дом, мисс Пим. Но, пожалуйста, не судите обо всех нас по Дэйкерс. Кое-кто здесь вполне взрослый. А некоторых можно даже считать цивилизованными людьми. Когда вы придете завтра к чаю, вы увидите.

Прежде чем мисс Пим могла сказать, что она не придет к чаю, «кубики» начали заполняться тихим бормотанием гонга, быстро переросшим в глухой рокот. В его грохоте вопли Дэйкерс, похожие на визг духов, предвещающих смерть, звучали как голос чайки во время шторма. Она так опаздывает! И она так благодарна за мыло, которое спасло ей жизнь. А где пояс от ее туники? И если дорогая мисс Пим обещает простить ее последнюю оплошность, она сможет доказать, что она разумный взрослый цивилизованный человек женского пола. И они все так ждут завтрашнего чая.

С шумом и громом студентки убежали, оставив мисс Пим наедине с

умирающим эхом гонга и протестующим бульканьем воды, вытекающей из ванны.

III

В 2.41, когда дневной скорый поезд на Лондон минута в минуту выходил из Ларборо, мисс Пим сидела под кедром на лужайке, задавая себе вопрос, не поступила ли она глупо, но не придавая этому особого значения. В залитом солнцем саду было очень приятно. Царила тишина, поскольку вторая половина дня по субботам отводилась для матчей, и колледж en masse^[10] находился на крикетном поле, где шла игра с Кумбом, соперничающим с ними заведением, расположенным в другой части графства. Если у них не было ничего другого, у этих юных существ, по крайней мере, у них было разнообразие. Дистанция от тканей живота до первого места на крикетном поле огромна, но, похоже, они ее с успехом преодолевали. Придя в комнату мисс Пим после завтрака, Генриетта сказала, что если Люси останется на уик-энд, она во всяком случае получит много новых впечатлений. «Это очень славная и разнообразная компания, и работать очень интересно». И Генриетта, конечно, была права. Каждое мгновение перед Люси открывался новый аспект этой необычной жизни. Во время ленча она сидела за столом преподавателей, ела блюда, про которые совершенно невозможно было сказать, из чего они приготовлены, но которые были «сбалансированы» до чудо-диеты, и ближе знакомилась с составом преподавателей. Генриетта сидела во главе стола и в абсолютном молчании быстро поглощала пищу. А мисс Люкс оказалась разговорчива. Мисс Люкс — угловатая, некрасивая, умная — была преподавателем теории, и, как приличествовало теоретику, высказывала не только идеи, но и мнения. Мисс Рагг, преподавательница гимнастики у Младших, рослая, здоровая, молодая, розовощекая, напротив, не имела никаких идей вообще, а высказываемые ею мнения были просто отражением мнений мадам Лефевр. Мадам Лефевр, преподавательница балета, говорила редко, но уж если говорила, то голосом, похожим на темнокоричневый бархат, и никто не прерывал ее. На другом торце стола рядом со своей матерью сидела преподавательница гимнастики у Старших, фрекен Густавсен, которая вообще не разговаривала.

Люси обнаружила, что во время ленча ее глаза то и дело останавливаются на фрекен Густавсен. В ясных светлых глазах хорошенькой шведки таилась какая-то лукавая улыбка, которую Люси сочла неотразимой. Тяжелая мисс Ходж, умница мисс Люкс, туповатая мисс Рагг, элегантная мадам Лефевр — как выглядели они все в глазах

высокой бледной шведки, которая сама была загадкой?

Проведя таким образом ленч в раздумьях о шведке, мисс Пим теперь ожидала прихода девушки из Южной Америки.

— Детерро не принимает участия в играх, — сказала Генриетта, — так что я пошлю ее составить тебе компанию.

Люси не нуждалась в том, чтобы ей составляли компанию, она привыкла быть в компании с самой собой, и ей это общество нравилось, но мысль о девушке из Южной Америки в английском колледже физического воспитания раздражила ее. И когда Нэш, подбежав к Люси после ленча, сказала:

— Боюсь, вторую половину дня вам придется провести в одиночестве, если вы не любительница крикета, — другая Старшая бросила на бегу:

— Все в порядке, Бо. Нат Тарт^[11] присмотрит за ней.

— Вот и прекрасно, — ответила Бо, настолько привыкшая к прозвищу, что оно утратило свой прямой смысл и перестало казаться чем-то странным.

Люси очень хотелось увидеть Нат Тарт и, сидя в залитом солнцем саду и переваривая чудеса диеты, она раздумывала над этим именем. «Нат» могло происходить из бразильского. В современном сленге, кажется, это означало «сумасшедший» или «слабоумный». Но «Тарт»? Конечно же, нет!

Одна из Младших, проносясь мимо Люси по пути к навесу, где стояли велосипеды, одарила ее сверкающей улыбкой, и Люси вспомнила, что сегодня утром они встречались в коридоре.

— Вы благополучно вернули Джорджа на место? — крикнула она вслед девочке.

— Да, спасибо, — просияла маленькая мисс Моррис, останавливая свой бег и приплясывая на одной ножке, — только, кажется, я снова попала в беду, теперь уже другого рода. Понимаете, я обнимала Джорджа за талию, ну, чтобы он перестал качаться после того, как я его повесила, и тут вошла мисс Люкс. Боюсь, мне никогда не объяснить ей, в чем дело.

— Жизнь — трудная штука, — согласилась Люси.

— Зато теперь я, кажется, и правда, знаю связи, — прокричала маленькая мисс Моррис, убегая по траве дальше.

Милые дети, подумала мисс Пим. Славные, чистые, здоровые дети. Здесь и правда очень приятно. Грязное пятно на горизонте было дымом над Ларборо. И такое же пятно висит над Лондоном. Куда лучше сидеть здесь, где воздух наполнен солнцем и напоен запахом роз, и получать дружеские улыбки от милых юных созданий. Она вытянула свои пухленькие ножки, с удовольствием посмотрела на сияющую на солнце георгианскую махину «старого дома» на другой стороне лужайки, с сожалением — на

современные кирпичные пристройки-крылья, которые представляли собой его заднюю стенку в стиле «Мэри-Энн», но все же решила, что для современной моды ансамбль Лейса выглядит, пожалуй, достаточно приятно. Прекрасных пропорций аудитории в «старом доме», аккуратные чистенькие маленькие спальни в крыльях. Идеальная планировка. И уродливая махина гимнастического зала, скромно прячущаяся за всем этим. Прежде, чем в понедельник она уедет, нужно посмотреть, как выполняют Старшие гимнастические упражнения. В этом для нее будет двойное удовольствие. Удовольствие наблюдать за профессионалами, которые тренировками довели свое мастерство до последней грани совершенства, и несказанное удовольствие от сознания того, что никогда, никогда, сколько бы она, мисс Пим, ни прожила, ей не надо будет снова карабкаться на шведскую стенку.

Из-за угла дома появилась фигура в ярком шелковом платье в цветах и большой шляпе с широкими полями — от солнца. Фигура была стройной, грациозной. Глядя, как она приближается, Люси поняла, что она бессознательно рисовала себе южноамериканку полной и перезрелой. Она поняла также, откуда произошла часть «Тарт», и улыбнулась. Платья, которые студентки носили вне стен колледжа, по строгим правилам Лейса не должны были быть «в цветах», и они не должны были быть столь открытыми; и никогда, ни в коем случае их шляпы не должны были иметь такие большие поля, чтобы служить защитой от солнца.

— Добрый день, мисс Пим. Я — Тереза Детерро. Мне так жаль, что я не была вчера на вашей лекции. У меня были занятия в Ларборо. — Детерро подчеркнуто грациозно, не спеша, одним плавным движением сняла шляпу и бросила ее на траву рядом с Люси. Все в ней было плавным, текучим: голос, медлительная речь, ее тело, ее движения, ее темные волосы, ее медовокоричневые глаза.

— Занятия?

— Класс танца, для продавщиц. Так серьезно; так точно; так плохо. Они подарят мне коробку шоколада на следующей неделе, потому что это будет последнее занятие в году, потому, что я им нравлюсь и потому, что таков обычай; и я буду чувствовать себя обманщицей. Это бесполезные усилия. Никто не сможет научить их танцевать.

— Наверно, они получают от этого удовольствие. А это принято? Я имею в виду, что студентки ведут занятия вне колледжа?

— Ну конечно, мы все это делаем. Для нас это практика. В школах, монастырях, клубах и тому подобное. Вы не любительница крикета?

Люси, поразившись столь быстрой перемене темы, объяснила, что для

нее крикет возможен только в сопровождении корзинки с вишнями.

— А как случилось, что вы не играете?

— Я не играю ни в какие игры. Бегать за мячиком в высшей степени смешно. Я приехала сюда ради танцев. В этом колледже танцы поставлены очень хорошо.

Но, сказала Люси, ведь в Лондоне есть, наверняка, балетные школы бесконечно более высокого уровня, чем тот, который существует в колледже физического воспитания.

— О, для этого надо начинать с детства и иметь *metier*^[12]. А я, у меня нет *metier*, просто я люблю танцы.

— А потом вы будете учить, когда вернетесь в — Бразилию, да?

— О нет, я выйду замуж, — ответила Детерро просто. — Я приехала в Англию, потому что у меня была несчастная любовь. Он был в-в-восхитительный, но совсем неподходящий. Так что я приехала в Англию, чтобы оправиться от этой истории.

— Ваша мать, очевидно, англичанка?

— Нет, моя мать французенка. Моя бабушка англичанка. Я обожаю англичан. Вот до такой степени, — она подняла изящную руку с вытянутой вперед кистью и коснулась ее ребром своего горла, — они такие романтические, и при этом полны здравого смысла. Я поехала к бабушке и облила слезами все ее лучшие обитые шелком стулья, и все время повторяла: «Что мне делать? Что мне делать?» Это о моем возлюбленном, вы понимаете. И она сказала: «Высморгаться и уехать из страны». Тогда я заявила, что поеду в Париж и буду жить в мансарде и писать картины — глаз и раковина на блюде. Но она сказала: «Нет. Ты поедешь в Англию и немного попотеешь». Ну вот, поскольку я всегда слушаюсь бабушку, и поскольку я люблю танцы и хорошо танцую, я и приехала сюда. В Лейс. Сначала они немного косо посмотрели на меня, когда я сказала, что хочу только танцевать...

Вот это и удивляло Люси. Почему этот очаровательный «орешек» нашел радушный прием в серьезном английском колледже, этой стартовой площадке для карьеры?

— но одна из студенток сломала себе что-то на тренировке — они часто что-нибудь ломают, и это неудивительно, правда? — и вот так одно место оказалось незаполненным, а это не очень хорошо. Вот они и сказали: «Ладно, пусть эта сумасшедшая из Бразилии живет в комнате Кэньон, разрешим ей посещать классы. От этого никому не будет плохо, а расчетные книги будут в порядке.

— Так что вы начали в группе Старших?

— Танцы — да. Понимаете, я уже была танцовщицей. Но я учила с Младшими анатомию. Я нахожу, что кости — это интересно. А на другие уроки я ходила, когда хотела. Я прослушала все предметы. Все, за исключением канализации. Я нахожу, что говорить о туалете неприлично.

Мисс Пим решила, что «туалет» — это гигиена.

— И вам все это нравилось?

— Это было ли-беральное обучение. Они очень наивны, эти английские девушки. Они — как мальчики в девять лет, — и заметив на лице мисс Пим недоверчивую улыбку (ничего наивного не было в Бо Нэш), добавила: — или как девочки в одиннадцать. В них есть восторженность. Вы знаете, что такое восторженность?

Мисс Пим кивнула.

— Они обмирают, если мадам Лефевр скажет им ласковое слово. Я тоже обмираю, но от удивления. Они экономят деньги, чтобы купить цветы для фрекен, а она думает только о морском офицере, оставшемся в Швеции.

— Откуда вы это знаете? — спросила, удивившись, Люси.

— Он у нее на столике. В ее комнате. Фотография, я хочу сказать. И она очень континентальная, у нее нет восторженности.

— У немцев есть, — заметила Люси. — Они этим славятся.

— Неуравновешенный народ, — объявила Детерро, отмечая тевтонскую расу. — Шведы не такие.

— И все-таки я думаю, ей нравится, когда ей дарят цветы.

— Ну, конечно, она не выбрасывает их из окна. Но я заметила, что ей больше нравятся те, кто ей ничего не дарит.

— О? Значит, есть такие, в ком нет восторженности?

— Ну да. Их немного. Шотландки, например. У нас их две. — Таким тоном она могла бы говорить о кроликах. — Они слишком заняты своими ссорами, чтобы испытывать еще и другие чувства.

— Ссорами? А я думала, что шотландцы всюду держатся друг друга.

— Только если они не принадлежат к разным ветрам.

— Ветрам?

— Все дело в климате. У нас в Бразилии много такого. Ветер, который дует «А-а-а-ах» (она открыла свои красные губки и сделала мягкий, как бы намекающий, выдох), создает один тип человека. А ветер, который дует «с-с-с-с-сх» (она резко и зло выдохнула сквозь сжатые зубы) создает совсем другого человека. В Бразилии — это разная высота, в Шотландии — Западный берег и Восточный берег. Я наблюдала это во время пасхальных каникул, вот и поняла про шотландок. У Кэмпбелл ветер, который дует «а-а-а-ах», а потому она ленива, лжет и обладает очарованием, которое

насквозь искусственное. У Стюарт ветер, который дует «с-с-с-сх», так что она честная, трудолюбивая и обладает устрашающей совестью.

Мисс Пим рассмеялась.

— По вашей теории, на восточном побережье Шотландии живут одни святые.

— Я так поняла, что есть еще и личная причина для ссор. Что-то о злоупотреблении гостеприимством.

— Вы хотите сказать, кто-то поехал на каникулы в гости к другой и — плохо вел себя?

Видения соблазненного любовника, украденных ложек, следов сигарет на мебели промелькнули в слишком живом воображении Люси.

— О, нет. Это случилось более двухсот лет назад^[13]. В глубоком снегу была устроена резня.

Детерро изо всех сил подчеркнула слово «резня».

Люси рассмеялась. Думать, что Кэмпбеллы до сих пор вынуждены жить под Гленко! Ограниченные люди, эти кельты.

Люси так долго сидела, раздумывая над образом мыслей кельтов, что Нат Тарт повернулась и посмотрела на нее.

— Вы приехали, чтобы использовать нас как образцы, мисс Пим?

Люси объяснила, что они с мисс Ходж старые друзья и что ее визит — это просто приезд в гости.

— Да и вообще, — добавила она, — сомневаюсь, что в качестве образцов с точки зрения психологии студентки колледжа физического воспитания могут быть интересны.

— Да что вы? Почему?

— О, они слишком нормальные и слишком милые. Слишком однотипны.

Легкая тень веселости мелькнула на лице Детерро — первое появившееся на нем вообще выражение. Неожиданно это укололо Люси, как будто ее тоже уличили в наивности.

— Вы не согласны?

— Я пытаюсь сообразить, кто — из Старших — нормален. Это не легко.

— Ну что вы!

— Вы знаете, как они здесь живут. Как они работают. Трудно после нескольких лет такого обучения подойти к последнему семестру совершенно нормальной.

— Вы полагаете, что мисс Нэш ненормальна?

— О, Бо! У нее сильный характер и потому, быть может, она меньше

пострадала. Но разве можно назвать ее дружбу с Иннес совершенно нормальной? Милой, конечно, — добавила Детерро поспешно, — абсолютно безупречной. Но нормальной — нет. Эдакие отношения Давида и Ионафана. Очень приятные, без сомнения, но, — Детерро поводила рукой, подбирая подходящее слово, — но они исключают очень многое. И с Апостолами то же самое, только их четверо.

— Апостолы?

— Мэттьюз, Вэймарк, Льюкас, Литтлджон. Их так прозвали в колледже из-за фамилий^[14]. А теперь поверьте, дорогая мисс Пим, они и думают вместе. У них четыре комнаты на чердаке, — она кивком указала на четыре окна под крышей одного из крыльев дома, — и если вы попросите одну из них одолжить вам булавку, она ответит: «У нас их нет».

— Ну, есть еще мисс Дэйкерс. Что, по вашему мнению, не в порядке с мисс Дэйкерс?

— Задержанное развитие, — сухо ответила Детерро.

— Чепуха! — воскликнула Люси, решив отстаивать свою точку зрения. — Счастливое, простое, без комплексов создание, наслаждающееся самой собой и всем миром вокруг. Совершенно нормальная.

Нат Тарт неожиданно улыбнулась, и улыбка ее была открытой и искренней.

— Хорошо, мисс Пим, я отдаю вам Дэйкерс. Но я напоминаю, что это последний семестр. Так что все оказывается необыкновенно преувеличенным. Все, хоть чуть-чуть, самую капельку, но сумасшедшие. Нет-нет, правда, уверяю вас. Если студентка боязлива по природе, в этом семестре она трусит в тысячу раз больше. Если она амбициозна, ее амбиции превращаются в страсть. И так далее, — мисс Детерро приподнялась, резюмируя сказанное. — Они ведут ненормальную жизнь. Нельзя ожидать, чтобы они были нормальными.

IV

«Нельзя ожидать, чтобы они были нормальными» — повторяла про себя Люси, сидя на том же месте в воскресенье в полдень и глядя на счастливых и абсолютно нормальных девушек, группами разместившихся на траве у ее ног. Ее взгляд с удовольствием пробегал по их юным лицам. Если ни одно из них не было особо выдающимся, по крайней мере, ни на одном из них не было печати посредственности. На них не видно было никаких следов болезненности или хотя бы изнеможения, это были живые загорелые лица. Эти девушки выдержали изнурительный — что признала даже Генриетта — курс обучения, и мисс Пим думала, что строгие меры, наверно, были оправданны, если конечный результат оказался столь великолепным.

Она улыбнулась, заметив, что Апостолы, прожив долгое время вместе, стали даже чем-то похожи друг на друга, как часто бывают похожи, несмотря на разные черты лица, муж и жена. Казалось, что у Апостолов одинаковые круглые лица с одним и тем же выражением предвкушения чего-то радостного, и только потом можно было заметить различия в их чертах и цвете волос и глаз.

Мисс Пим улыбнулась про себя и тому, что Томас, которая любила поспать, действительно оказалась валлийкой, маленькой темноволосой коренной жительницей Уэльса. И тому, что в О'Доннел которая теперь материализовалась из голоса в ванной комнате, так же безошибочно можно было признать ирландку; длинные ресницы, бледная кожа, большие широко расставленные серые глаза. Обе шотландки, усевшиеся друг от друга как можно дальше, но так, чтобы все-таки остаться в одной группе, имели менее ярко выраженный тип. Рыжеволосая Стюарт разрезала торт на одной из стоявших на траве тарелок. («Это от Кроуфорда», говорила она приятным голосом с эдинбургским акцентом, «чтобы вы, бедняжки, знакомые только с Баззардом, понаслаждались для разнообразия!»). У Кэмпбелл, прислонившейся спиной к стволу кедра и откусывающей маленькие кусочки от бутерброда, были розовые щеки и каштановые волосы; в ней была какая-то неясная прелесть.

Кроме Хэсселт, девушки с плоским, спокойным, как на ранних примитивах, лицом, которая приехала из Южной Африки, все остальные в группе Старших были, как говорила королева Елизавета, «просто англичанки».

Единственным лицом, которое выделялось своей оригинальностью, а не просто миловидностью, было лицо Мэри Иннес, Ионафана Бо Нэш. Почему-то это очень понравилось мисс Пим. Она чувствовала, что Бо, как и следовало, выбрала себе в подруги девушку, обладающую и человеческими достоинствами, и красотой. Не то, чтобы Мэри Иннес была необыкновенно красива. Нависающие над глазами брови придавали лицу выражение силы и постоянного раздумья, которое лишало его тонкие черты природной красоты. В отличие от оживленной, легко улыбавшейся Бо Мэри Иннес была спокойной. Мисс Пим пока еще не пришлось увидеть, как она улыбается, хотя между ними и состоялась беседа, которую со светской точки зрения можно было считать достаточно длинной. Это произошло накануне. Проведя вечер в компании преподавателей, мисс Пим раздевалась у себя в комнате. Раздался стук в дверь, и Бо проговорила:

— Я пришла только посмотреть, не нужно ли вам чего-нибудь. И представить вам вашу соседку, Мэри Иннес. Как только потребуется, Иннес придет вам на помощь.

И Бо удалилась, пожелав «спокойной ночи» и оставив Иннес завершать интервью. Люси нашла, что Мэри привлекательна и очень умна, но что-то в ее поведении чуть-чуть смущало. Она не давала себе труда улыбаться, если ей не было весело, и хотя настроена она была дружески и спокойно, не делала никаких усилий, чтобы развлекать гостью. В академических и литературных кружках, которые в последнее время часто посещала Люси, это осталось бы незамеченным, но в веселом оживленном мире колледжа это выглядело почти как отпор. Почти. Конечно же, не было и намека на отпор в интересе, который проявила Иннес к ее, мисс Пим, книге — Книге — и к ней самой.

Теперь, сидя в тени кедра и глядя на Иннес, Люси думала о том, были ли у Мэри Иннес основания сомневаться в том, что жизнь — очень веселая штука. Люси давно гордилась своей способностью определять характер человека по чертам его лица и теперь готова была держать любое пари, что не ошибется. Ей, например, никогда не приходилось встречать человека, брови которого начинались бы у самой переносицы и взлетали вверх к вискам, и не обнаружить, что он отличается несговорчивым характером и склонен к интригам. А кто-то — кажется, Иан Гордон? — заметил, что в толпе, собравшейся вокруг оратора в парке, слушать его оставались люди с длинными носами, а с короткими — уходили. Поэтому теперь, глядя на низкие брови и решительно сжатые губы Мэри Иннес, Люси размышляла, не пришлось ли их хозяйке отказаться от всякого намека на улыбку в виде компенсации за сконцентрированность на достижении поставленной цели.

Это было вообще чем-то не современное лицо. Это было — что это было?

Иллюстрация в книге по истории? Портрет в картинной галерее? Во всяком случае, не лицо преподавательницы физкультуры в женской школе. Определенно — нет. Именно вокруг таких лиц, как у Мэри Иннес, создавалась история.

Из всех девушек, которые постоянно обращались к Люси и тут же отворачивались, продолжая болтать и подшучивать друг над другом, только две не вызывали симпатии с первого же взгляда. Первым было лицо Кэмпбелл, слишком податливое, со слишком мягким ртом, выражавшее готовность сделать все для всех. Второе принадлежало девушке по фамилии Роуз; веснушчатое, со сжатыми губами и наблюдательными глазами.

Роуз опоздала к чаепитию, и в момент ее прихода все почему-то замолчали. Люси это напомнило внезапную тишину, которая наступает среди стаи щебечущих птиц, когда над ними начинает кружить ястреб. Однако в молчании девушек не было никакой нарочитости, никакой злобы. Как будто паузой в разговоре они отметили ее прибытие, только никто из них не стал приглашать ее присоединиться к той или иной группе.

— Боюсь, я опоздала, — проговорила Роуз. И в наступившей на миг тишине Люси уловила чей-то краткий комментарий: «Зубрила!», из чего сделала вывод, что мисс Роуз была не в состоянии оторваться от учебников. Нэш представила ее, Роуз опустилась на траву рядом с остальными, и беседа потекла дальше. Люси, всегда сочувствовавшая тому, кто оказывался лишним, поймала себя на том, что ей жаль новоприбывшую. Однако, внимательнее присмотревшись к чертам лица мисс Роуз — уроженки Севера, Люси пришла к убеждению, что тем самым тратит впустую добрые чувства. Если Кэмпбелл, розовая и хорошенькая, выглядела слишком уступчивой, чтобы казаться привлекательной, то Роуз была ее противоположностью. Только бульдозер, почувствовала мисс Пим, мог бы сдвинуть с места мисс Роуз.

— Мисс Пим, вы не попробовали моего торта, — заявила Дэйкерс, которая без всякого смущения присвоила себе право обращаться с Люси, как со старой знакомой, и теперь сидела, прислонившись спиной к ее стулу и вытянув перед собой прямые, как у куклы, ноги.

— А который ваш? — спросила Люси, рассматривая коробки с разнообразными сладостями, выделявшиеся на фоне приготовленных в колледже бутербродов и «воскресных» булочек с изюмом, как костюмы от Крида на деревенской ярмарке.

Вкладом Дэйкерс, как оказалось, был многослойный шоколадный торт

с сахарной глазурью. Люси решила, что во имя дружбы (а также чуть-чуть из чревоугодия) на сей раз она забудет про свой вес.

— Вы всегда сами покупаете сласти к воскресному чаю?

— О нет, это в вашу честь.

Нэш, сидевшая по другую сторону Люси, засмеялась.

— Вы видите перед собой, мисс Пим, все скелеты из шкафов^[15]. Нет ни одной студентки-физкультурницы, которая не была бы Тайным Едоком.

— За все время пребывания в колледже, дорогие мои, не было ни одной минуты, чтобы я не умирала от голода. Только стыд заставляет меня перестать есть за завтраком, а через полчаса я уже так голодна, что готова съесть коня в гимнастическом зале.

— Поэтому наше единственное преступление и состоит в... — начала Роуз, но Стюарт ткнула ее в спину так сильно, что та почти упала лицом в траву.

— Мы выложили вам под ноги свои мечты, — со смехом сказала Нэш, как бы сглаживая недоконченную фразу Роуз. — И уверяю вас, это славный толстый ковер из углеводов.

— Наш конклав собирался еще по одному очень серьезному поводу — надо ли нам одеться ради вас, — проговорила Дэйкерс, нарезая шоколадный торт и не подозревая, что опять допустила оплошность. — Но мы решили, что для вас это вряд ли имеет большое значение. — И поскольку раздался смех, поспешно добавила: — В самом лучшем смысле, я хочу сказать. Мы решили, что вы примете нас такими, какие мы есть.

На девушках была самая разнообразная одежда — в соответствии со вкусом каждой и требованием момента. Кое-кто был в шортах, кое-кто в голубой полотняной тунике для игр, а кое-кто в тонких шелковых платьях пастельных тонов, подходящих к случаю. Шелков в цветах не было. Детерро пила чай с монахинями монастыря в Ларборо.

— Кроме того, — заявила Гэйдж, похожая на голландскую куклу и оказавшаяся той темноволосой головкой, которая появилась в окне, выходящем во двор, вчера в половине шестого утра, просила бросить чем-нибудь в Томас и тем положить конец воплям Дэйкерс, — кроме того, как бы сильно мы не хотели оказать вам честь, мисс Пим, у нас на счету каждая минута; ведь выпускные экзамены ужасно близко. Даже такому моментально меняющему костюмы артисту, как П.Т.Старший, требуется целых пять минут, чтобы переодеться в воскресное парадное платье; так что принимая нас в наших лохмотьях, вы внесли вклад, — она приостановилась на минуту, подсчитывая что-то в уме, — внесли вклад в сумму знаний о человеке в количестве одного часа и двадцати минут.

— Можешь вычесть оттуда мои пять минут, дорогая, — объявила Дэйкерс, ловко подбирая языком потекшую сахарную глазурь (чтобы она не упала), — я всю вторую половину дня провела, стараясь выучить кору головного мозга, и единственный результат — твердое убеждение, что у меня лично она отсутствует.

— У тебя обязательно есть кора головного мозга, — произнесла Кэмпбелл, буквалистка-шотландка, протяжным глазговским говором, похожим на густой сироп, стекающий с ложки. Никто, однако, не обратил внимания на эту констатацию факта.

— Лично я думаю, что самое отвратительное в физиологии — это villi, — сказала О'Доннел. — Подумайте только, что надо нарисовать сечение чего-то, что имеет в высоту одну двадцатую дюйма и состоит из семи отдельных частей!

— А вы должны так подробно знать строение человека? — спросила Люси.

— Во вторник утром должны, — ответила соня Томас. — Потом мы можем забыть это на всю жизнь.

Люси, вспомнив, что в понедельник утром она хотела пойти в гимнастический зал, поинтересовалась, прекращаются ли тренировки на ту неделю, что идут выпускные экзамены. О нет, заверили ее. Не прекращаются, потому что Показ состоится через две недели. Показательные выступления по рангу занимают место сразу после выпускных экзаменов.

— Все наши родители приедут, — сказала одна из Апостолов, — и...

— Родители всех, хочет она сказать, — поправила ее Второй Апостол, — и из соперничающих с нами колледжей, и все...

— Все сливки из Ларборо, — вставила третья. Похоже, когда одна из Апостолов раздражалась речью, другие автоматически следовали ее примеру.

— И все «шишки» из округа, — заключила четвертая.

— Убийство, — подвела за всех итог первая.

— Мне нравится показ, — сказала Роуз. И снова ответом было странное молчание.

Не враждебное. Просто отстраняющее. Без всякого выражения все посмотрели на Роуз и отвели глаза. Никто не прокомментировал то, что она сказала. Их безразличие превращало ее как бы в человека на необитаемом острове.

— Мне кажется, это приятно — показать людям, что мы умеем делать, — добавила Роуз, как будто оправдываясь.

Они и это пропустили мимо ушей. Никогда раньше не встречалась Люси с этим английским молчанием-отрицанием в его чистом виде, во всей его жестокости. Она вся съежилась от испытываемого сочувствия к Роуз. Но Роуз была толстокожей. Она осмотрела тарелки, стоявшие перед ней, и протянула руку к ближайшей.

— А чая не осталось? — спросила она.

Нэш нагнулась к большому коричневому чайнику, а Стюарт подхватила нить разговора, там, где ее оставили Апостолы.

— Вот что действительно убийство — так это ждать, что ты вытащишь из лотереи мест.

— Мест? — переспросила Люси. — Вы имеете в виду работу? Но почему лотерея? Вы ведь уже знаете, куда вы обращались, не так ли?

— Мало кому из нас приходится давать объявления, — пояснила Нэш, наливая очень крепкий чай. — Обычно бывает очень много запросов. Школы, где и раньше работали учительницы гимнастики, окончившие Лейс, когда у них появляется вакансия, просто пишут мисс Ходж и просят ее рекомендовать кого-нибудь. Если случается, что это очень высокий и ответственный пост, она может предложить его кому-нибудь из бывших выпускников, кто хочет сменить место. Но как правило вакансии заполняются оканчивающими студентками.

— И они получают очень выгодного работника, — сказала одна из Апостолов.

— Никто не работает так много, как тот, для кого это первое место.

— И за меньшие деньги, — добавила третья.

— Или с большей отдачей, — заключила четвертая.

— Так что, видите, — сказала Стюарт, — самый мучительный момент за все время обучения — когда тебя вызывают в кабинет мисс Ходж и говорят, какова будет твоя судьба.

— Или когда твой поезд отходит от Ларборо, а тебя вообще никуда не послали! — произнесла Томас, перед глазами которой явно мелькало видение, как она, оставшись без работы, вынуждена будет вернуться жить в свои родные горы.

Нэш откинулась на пятки и улыбнулась Люси.

— Все совсем не так уж мрачно. Некоторые из нас уже обеспечены местами, так что вообще выбывают из соревнования. Хэсселт, например, возвращается в Южную Африку и будет работать там. А Апостолы en masse^[16] выбрали медицинскую работу.

— Мы собираемся открыть клинику в Манчестере, — объяснила первая.

— Очень сырое место. Там люди часто болеют ревматизмом.

— Там полно калек.

— И военных, — добавили остальные три автоматически.

Нэш подарила их благосклонной улыбкой.

— А я вернусь в свою старую школу тренером по спортивным играм. А Нат — а Детерро, конечно, не нужна работа. Так что не очень многим придется подыскивать места.

— А я вообще не получу диплом, если не вернусь к изучению печени, — сказала Томас, и ее карие глаза-бусинки сверкнули на солнце. — Что за способ проводить летние вечера.

Все лениво пошевелились, как бы выражая протест, и снова стали болтать. Однако напоминание о близком будущем задело всех, они начали собирать свои вещи и одна за другой медленно уходить по залитой солнцем траве, похожие на безутешных детей. И в какой-то момент Люси обнаружила, что осталась наедине с запахом роз, жужжанием насекомых и горячим мерцающим светом солнца, заливающим сад.

Около получаса сидела она, наслаждаясь этой дивной картиной, наблюдая за тем, как тень от дерева медленно сползает с ее ног. Потом вернулась из Ларборо Детерро; она медленно шла по подъездной аллее, сама воплощенная элегантность с Rue de la Paix^[17]; она являла собой резкий контраст обществу кувыркающейся на траве и распивающей чай молодежи, среди которой Люси провела этот час. Детерро увидела мисс Пим и, свернув, подошла к ней.

— Ну как, — спросила она, — вы провели время с пользой?

— Я не искала пользы, — ответила Люси немного резко. — Это был один из самых счастливых дней в моей жизни.

Нат Тарт стояла, рассматривая ее.

— Мне кажется, вы очень хороший человек, — сказала она совсем не к месту и ушла, не спеша, по направлению к дому.

А Люси неожиданно почувствовала себя совсем девочкой, и ей совсем не понравилось это ощущение. Как смеет этот ребенок в цветастом платье заставлять ее чувствовать себя неопытной и глупой!

Она решительно встала и пошла искать Генриетту, пошла напомнить себе, что она — Люси Пим, которая написала Книгу, читала лекции в ученых обществах, что ее имя есть в «Кто есть кто» и что она признанный авторитет в том, что касается работы человеческого сознания.

V

— Что в колледже является преступлением? — спросила мисс Пим Генриетту, когда они после ужина поднимались наверх. Остановившись на лестничной площадке у большого окна в эркере, чтобы посмотреть вниз, на маленький четырехугольник двора, они пропустили вперед остальных, направлявшихся в гостиную преподавателей.

— Пользоваться гимнастическим залом, чтобы срезать путь к беговой дорожке, — не раздумывая, ответила Генриетта.

— Нет, я имею в виду настоящее преступление.

Генриетта пристально посмотрела на мисс Пим. Через минуту она сказала:

— Моя дорогая Люси, когда человек работает как каторжный, как работают эти девушки, у него нет времени придумывать преступление и нет сил осуществить его. А что заставляет тебя думать на такую тему?

— Кое-что сказанное сегодня за чаем. Об их «единственном преступлении». Что-то имеющее отношение к постоянно испытываемому голоду.

— Ах, это! — выражение лица Генриетты прояснилось. — Кража пищи. Да, время от времени мы сталкиваемся с этим. В любом обществе, вроде нашего, всегда найдется кто-нибудь, у кого не останется сил противостоять искушению.

— Ты имеешь в виду пищу из кухни?

— Нет, из комнат студенток. Такое преступление совершают Младшие и обычно все это проходит само собой. Понимаешь, это — не признак порочности. Просто слабая воля. Студентка, которой и в голову не придет взять деньги или какую-нибудь безделушку, не может устоять перед куском пирога. Особенно если это — сладкий пирог. Они расходуют так много энергии, что их тело просто кричит, прося сахара; и хотя их никто не ограничивает за столом, они всегда голодны.

— Да, они очень много работают. А скажи, пожалуйста, какая часть из принятых заканчивает курс?

— Из этого набора, — Генриетта кивком указала вниз, где группа Старших брела через двор к лужайке, — заканчивают процентов восемьдесят. Это примерно средняя цифра. Те, кто отсеиваются, отсеиваются в первом семестре, ну, может, во втором.

— Но ведь не все, правда же? В такой жизни, как эта, бывают, наверно,

несчастные случаи?

— О да, несчастные случаи бывают. — Генриетта отвернулась от окна и стала дальше подниматься по лестнице.

— Эта девушка, место которой заняла Тереза Детерро, с ней произошел несчастный случай?

— Нет, — ответила Генриетта коротко, — у нее был упадок сил.

Люси, подымаясь по ступеням в кильватере за широкой спиной своей подруги, узнала этот тон. Таким тоном Генриетта-староста обычно заявляла: «И смотрите, не смей бросать галоши посреди раздевалки.» Дальнейшее обсуждение не допускалось.

Генриетте, как следовало понимать, не хотелось, чтобы о ее любимом колледже думали как о Молохе. Колледж был широкими воротами в будущее для молодежи, заслуживающей этого; а если один или два человека видят в этих воротах скорее опасность, чем открывающуюся перспективу, — жаль, конечно, но на строителях врат это никак не отразится.

«Как в монастыре», сказала Нэш вчера утром. «Нет времени подумать о внешнем мире». И это было правдой. Мисс Пим наблюдала распорядок их дня. А накануне вечером, когда все шли на ужин, она видела, что обе дневные газеты лежали на студенческом столе нераскрытыми. Но ведь женский монастырь — это мирок не только узкий, но и очень спокойный. Без соперничества. Уравновешенный. А в этой сверх-беспокойной, дико напряженной жизни не было ничего от монастыря. Разве только погруженность в собственный мир, узость.

Да и был ли так уж узок этот мир, думала мисс Пим, с интересом глядя на собравшихся в гостиной. Если бы это был колледж иного типа, собрание было бы более однородным. В научном колледже оно состояло бы из ученых; в теологическом — из богословов. А в этой длинной прелестной комнате с ее красивыми «вещицами», мебелью, обитой воценым ситцем, с ее высокими распахнутыми окнами, из которых лился вечерний воздух, наполненный запахами травы и роз, в этой комнате встретилось много миров. Мадам Лефевр, элегантно откинувшаяся на софе стиля ампир и курившая желтую сигарету в зеленом мундштуке, представляла театральный мир, мир грима, искусства и искусственности. Мисс Люкс, прямо сидевшая на жестком стуле, представляла академический мир, мир университетов, учебников и дискуссий. Юная мисс Рагг, разливавшая кофе, являла собой мир спорта, где занимаются физической работой, соревнованиями и не очень-то размышляют. А вечерняя гостья, доктор Энид Найт, одна из «приглашаемых», была из медицинского мира. Иностраный мир не присутствовал: Сигрид Густавсен вместе со своей

матерью, не говорившей по-английски, удалились к себе, где они могли бы поболтать по-шведски.

Все эти миры собрались, чтобы сотворить нечто цельное — Окончившую Студентку; так что курс обучения никак нельзя было назвать узким.

— Что вы думаете о наших студентках, мисс Пим, теперь, когда вы провели с ними целый день? — спросила мадам Лефевр, наводя батарею своих огромных темных глаз на Люси.

Чертовски глупый вопрос, подумала Люси; интересно, как удалось respectable паре добрых англичан произвести на свет создание, столь похожее на змею, как мадам Лефевр.

— Я думаю, — произнесла она вслух, радуясь, что, отвечая, может быть абсолютно честной, — любая из них может послужить рекламой для Лейса. — И она увидела, как радостно вспыхнуло лицо Генриетты. Колледж был миром Генриетты. Она жила, двигалась, дышала только делами Лейса; он заменял ей отца, мать, возлюбленного, дитя.

— Они все очень славные, — весело согласилась Дорин Рагг, которая совсем недавно еще сама была студенткой и относилась к своим ученицам по-товарищески.

— Они — загубленные души, — язвительно произнесла мисс Люкс. — Они думают, что Ботичелли — это разновидность спагетти. — Она с глубоким унынием уставилась на кофе, который налила ей мисс Рагг. — Если уж на то пошло, они не знают и что такое спагетти. Не так давно Дэйкерс поднялась посреди лекции о диетах и обвинила меня в том, что я разрушила ее иллюзии.

— Я очень удивлена, я не знала, что можно предпринять что-то, что может быть разрушительным по отношению к мисс Дэйкерс, — произнесла своим низким бархатным голосом, как обычно, замедленно, мадам Лефевр.

— Какие же иллюзии вы разрушили? — поинтересовалась сидевшая у окна молодая женщина-врач.

— Я просто сообщила им, что спагетти и тому подобное делаются из мучного теста. Кажется, это пошатнуло представление Дэйкерс об Италии.

— И как же она представляла себе ее?

— Как поля кольшащихся макарон, так она сказала.

Генриетта, опускавшая два куска сахара в крошечную чашечку кофе (как здорово, грустно подумала Люси, иметь фигуру, похожую на мешок муки и плевать на это!), обернулась ко всем присутствующим и проговорила:

— По крайней мере, они не совершают преступлений.

— Преступлений? — с изумлением переспросили ее.

— Мисс Пим только что интересовалась, случались ли в Лейсе преступления. Вот что значит быть психологом.

Прежде чем Люси смогла запротестовать по поводу такого истолкования ее вопроса, заданного просто из любознательности, мадам Лефевр проговорила:

— Прекрасно, давайте окажем ей любезность. Вывернем мешок с тряпками нашего позорного прошлого. Какие преступления у нас бывали?

— Фартинг оштрафовали перед Рождеством за езду на велосипеде без фонаря, — вспомнила мисс Рагг.

— Преступления, — подчеркнула мадам Лефевр. — Преступления. Не мелкие проступки.

— Если вы имеете в виду настоящие прегрешения, то у нас было это ужасное создание; она с ума сходила по мужчинам и все субботние вечера проводила, околачиваясь у ворот казармы в Ларборо.

— Да, — сказала мисс Люкс, припоминая. — А что с ней стало после того, как мы ее выгнали, кто-нибудь знает?

— Она работает служанкой в «Приюте Моряков» в Плимуте, — сказала Генриетта и широко раскрыла глаза, когда все рассмеялись. — Не знаю, что в этом забавного. Единственное настоящее преступление, случившееся у нас за последние десять лет, как вы хорошо знаете, это история с часами. И даже это, — добавила она, ревниво относясь ко всему, что касалось ее любимого заведения, — было скорее манией, а не настоящей кражей. Она брала только часы, и никуда не относила их. Держала в ящике своего бюро, совершенно открыто. Там их было девять штук. Мания, конечно.

— По прецеденту, она теперь, я полагаю, работает у ювелира, — сказала мадам Лефевр.

— Не знаю, — ответила Генриетта серьезно. — Думаю, родители держат ее дома. Они достаточно состоятельные люди.

— Видите, мисс Пим, происшествия случаются в количестве 0 целых сколько-то десятых процента. — Мадам Лефевр покачала тонкой загорелой рукой. — Мы — общество без сенсаций.

— Слишком уж мы нормальны, — заявила мисс Рагг. — Время от времени маленькое пятнышко скандала не помешало бы. Приятное разнообразие после стоек на руках и упражнений на кольцах.

— Мне бы хотелось посмотреть стойки на руках и упражнения на кольцах, — сказала Люси. — Можно мне завтра утром прийти посмотреть на Старших?

Ну, конечно, ей нужно посмотреть Старших, сказала Генриетта. Они сейчас работают над программой для Показательных выступлений, так что это будет как Показ для нее одной.

— Это одна из лучших групп, какие у нас только бывали, — объявила Генриетта.

— Можно мне занять гимнастический зал на первом уроке, пока во вторник Старшие сдают свой выпускной экзамен? — спросила мисс Рагг, и все стали обсуждать расписание.

Мисс Пим подошла к окну и присоединилась к доктору Найт.

— Это вы отвечаете за сечение чего-то, что называется villi? — спросила она.

— Нет-нет, физиология — рядовой предмет в программе колледжа. Кэтрин Люкс ведет его.

— А что вы читаете?

— О, на разных ступенях разные вещи. Систему здравоохранения. Так называемые «социальные» болезни. Скорее даже так называемые жизненные факты. Ваш предмет.

— Психологию?

— Да. Здравоохранение — это моя работа, а психология — моя специальность. Мне так понравилась ваша книга. В ней столько здравого смысла. Я восхищалась ею. Ведь так легко впасть в напыщенность, рассуждая об абстрактных предметах.

Люси зарделась. Никакая похвала не бывает столь приятной, как похвала коллеги.

— И еще я, конечно, медицинский консультант колледжа, — продолжала доктор Найт с улыбкой. — Синекура, несомненно. Все они отвратительно здоровые.

— Но — начала Люси. И тут она вспомнила, как Детерро, аутсайдер, настаивала на их аномальности. Если бы она была права, то такой опытный сторонний наблюдатель, как доктор Найт, несомненно, заметила бы это.

— Конечно, несчастные случаи бывают, — сказала доктор, неправильно поняв «но» Люси. — Вся их жизнь — это длинная цепочка маленьких несчастных случаев — ушибы, растяжения, вывихнутые пальцы и тому подобное, но что-нибудь серьезное происходит очень редко. За время моего пребывания здесь я могу назвать один единственный пример — Бентли, девушка, в комнате которой вы живете. Она сломала ногу и вернется только к будущему семестру.

— И все же — напряженные тренировки, крайне активная жизнь —

неужели они никогда не испытывают упадка сил от такой нагрузки?

— Да, такое бывает. Последний семестр особенно труден. Концентрация ужасов — с точки зрения студенток. Классы критики и...

— Критики?

— Да. Каждая из них должна отзаниматься в гимнастическом зале и в классе танцев в присутствии всего штата преподавателей и соучениц по группе и получить оценку того, что она показала. Оглушительный удар по нервам. Они уже позади, классы критики, но впереди выпускные экзамены и Показательные выступления, и распределение мест работы, и расставание со студенческой жизнью и многое другое. Да, это серьезная нагрузка для них, бедняжек. Но они удивительно жизнестойки. Иначе никто не выдержал бы так долго. Давайте, я принесу вам еще кофе. Я иду налить себе.

Доктор Найт взяла у Люси чашку и отошла к столу, а Люси зарылась в складки портьеры и выглянула в сад. Солнце село, очертания стали расплывчатыми, в мягком дуновении, коснувшемся ее лица, чувствовался первый намек на вечернюю росу. Где-то в другой части дома (в общей студенческой комнате?) играли на рояле, и какая-то девушка пела. У нее был прелестный голос, свободно льющийся, чистый, без профессиональных трюков и модной игры четверть-тонами. Более того, песня была балладой, старомодной и сентиментальной, но абсолютно лишенной жалости к себе и позы. Искренний молодой голос и искренняя старая песня. Люси была потрясена тем, как, оказывается, давно она не слышала поющего голоса, который не исходил бы от кнопок и батарей. В Лондоне в эти минуты воздух, пропитанный выхлопными газами, гремел от звуков радио, а здесь, в прохладном, наполненном ароматами саду девушка пела просто потому, что любила петь.

Я слишком долго жила в Лондоне, подумала Люси. Мне необходима перемена. Быть может, найти отель на южном побережье. Или уехать за границу. Забываешь, что мир молод.

— Кто это поет? — спросила она доктора Найт, беря у нее из рук чашку.

— Наверное, Стюарт, — ответила та, не проявив никакого интереса. — Мисс Пим, вы можете спасти мне жизнь, если захотите.

Люси сказала, что спасение докторской жизни доставит ей огромное удовольствие.

— Мне бы очень хотелось поехать на медицинскую конференцию в Лондон, — прошептала доктор заговорщическим тоном. — Она состоится в четверг, а по четвергам у меня лекция по психологии. Мисс Ходж считает,

что я вечно езжу на конференции, так что мне и просить не стоит. А если бы вы прочли эту лекцию вместо меня, все было бы замечательно.

— Но я возвращаюсь в Лондон завтра после ленча.

— Нет-нет! — воскликнула доктор Найт порывисто. — Вам обязательно нужно?

— Как странно, я только что думала, как ужасно мне не хочется возвращаться.

— Вот и не уезжайте. Оставайтесь на день или два, и спасите мне жизнь. Пожалуйста, мисс Пим.

— А как отнесется Генриетта к такой замене?

— Ну, вот это уже чистое притворство. Вам должно быть стыдно. Я — не автор бестселлера, я — не знаменитость, я даже не автор последнего учебника по этому предмету...

Люси легким кивком дала понять, что признает свою вину, а ее глаза по-прежнему были устремлены в сад. Зачем ей сейчас возвращаться в Лондон? Что зовет ее туда? Ничто и никто. Впервые ее ясная, независимая, удобная, знаменитая жизнь показалась слегка унылой. Слегка узкой и нечеловечной. Как могло это случиться? Может быть, в том существовании, которым она была так довольна, ей не хватало тепла? Конечно, не контактов с людьми ей не хватало. Ее жизнь была пересыщена контактами с людьми. Но все это были какие-то однообразные контакты, так ей теперь казалось. За исключением миссис Монгомери, ее приходящей прислуги, уроженки одного из пригородов Манчестера, тетки Селии, жившей в Уолберсвике, куда она, Люси, иногда ездила на уик-энд, и продавцов, она никогда не разговаривала ни с кем, кто бы не был связан с издательствами или с академическим миром. И хотя все леди и джентльмены из этих обоих миров были и умными, и интересными, нельзя было отрицать, что они на поверку оказывались достаточно ограниченными. Например, вы не могли говорить с одним и тем же человеком о социальной безопасности, о народных горских песнях и о том, кто выиграл заезд в 3.30. У каждого был свой «предмет». И предметом этим, как она убедилась, похоже, чаще всего являлся вопрос о гонорарах. У самой Люси было лишь весьма смутное представление о гонорарах, особенно ее собственных, и она никогда не могла поддерживать подобные разговоры.

Кроме того, никто из них не был молод.

По крайней мере, не так молод, как эти дети здесь. Некоторые знакомые Люси были молоды по возрасту, однако, вес мирских пороков и сознание собственной значимости уже согнули их спины. Очень приятно

было в виде разнообразия встретить юное утро мира.

И очень приятно было нравиться.

Нечего обманывать себя и искать причину того, почему ей хотелось еще ненадолго остаться, почему она всерьез готовилась пожертвовать прелестями цивилизации, казавшимися ей столь желанными, ну просто необходимыми еще только вчера утром. Очень приятно было нравиться.

За последние несколько лет ею пренебрегали, ей завидовали, ею восхищались, ее брали на буксир и обрабатывали; однако тепло личной приязни к себе она не испытывала с той самой поры, как вскоре после ее ухода в отставку четвертый класс младшей группы попрощался с ней, подарив сделанную собственными руками перочистку и написав речь, которую произнесла Глэдис такая-то. Чтобы еще немного побыть в этой атмосфере молодости, доброго отношения, тепла, Люси готова была какое-то время смотреть сквозь пальцы на звонки, бобы и ваннные комнаты.

— Найт, — позвала юная мисс Рагг, оторвавшись от беседы, в которой участвовала, — Апостолы не просили вас дать им рекомендательное письмо к какому-нибудь врачу в Манчестере?

— Да-да, просили. Все вместе. Конечно, я согласилась, с радостью. Думаю, они добьются большого успеха.

— Сама по себе каждая из Апостолов — ничего собой не представляют, — сказала мисс люкс, — но вместе они обладают учетверенной безжалостностью, которая совершенно необходима в Ланкашире. Это единственный случай в моей практике, когда ничто, помноженное на четыре, дает что-то около шести с половиной. Если никому не нужна «Санди Таймс», я возьму ее, почитаю перед сном.

Газета явно не была нужна никому. После ленча Люси просмотрела ее первой, а потом она так и оставалась лежать сложенной в гостиной, и никто, как заметила мисс Пим, никто, кроме мисс Люкс, не прикоснулся к ней.

— Старшие этого выпуска очень неплохо устроились, почти без нашей помощи, — сказала мадам Лефевр. — Нервотрепки будет меньше, чем обычно.

Эти слова прозвучали не очень сочувственно, скорее, сардонически.

— Меня все время удивляет, — произнесла мисс Ходж отнюдь не сардонически, — что студентки каждый год оказываются нарасхват. Вакансии открываются, как только есть, кому их заполнить. Почти как — как две части одного устройства. Это так удивительно и так успокаивает. По-моему, ни разу за все время моего пребывания в Лейсе у нас не было ни одного случая профессиональной непригодности. Кстати, я получила

письмо из школы Кордуэйнерс, в Эдинбурге, как вы знаете. Вы помните Малкастер, Мари? — и Генриетта повернулась к мадам Лефевр, которая за исключением самой мисс Ходж была Самой древней обитательницей Лейса и которую, к несчастью, звали просто Мари.

— Конечно, помню. Кусок теста без закваски, — ответила мадам, которая судила всех и вся по способности выполнить *rondes des jambes*^[18].

Славная девушка, — спокойно произнесла Генриетта. — Я думаю, Кордуэйнерс будет хорошим местом для Шины Стюарт.

— Вы сказали ей об этом? — спросила мисс Рагг.

— Нет-нет. Я всегда люблю откладывать дела до утра.

— Высидеть идею, как цыплят, хотите вы сказать, — заявила мадам. — Ведь вы, наверно, узнали про Кордуэйнерс еще вчера утром, до ленча, потому что именно тогда пришла последняя почта. А мы слышим об этом только сейчас.

— Это была не очень важная новость, — пояснила, как бы оправдываясь, Генриетта, а потом добавила с почти глупой улыбкой: — Но до меня дошли слухи о настоящем лакомом кусочке, о действительно замечательном шансе для кого-то.

— Расскажите, — попросили все присутствующие.

Но Генриетта сказала — нет; официального запроса не было, и он может вовсе не прийти, так же, как заявка, а пока их нет, лучше и не говорить об этом. Но при этом вид у мисс Ходж был очень довольный и загадочный.

— Ну, я иду спать, — сказала мисс Люкс, забирая «Таймс» и поворачиваясь спиной к неуклюжим попыткам Генриетты проявить скрытность. — Вы не уедете завтра до ленча, не правда ли, мисс Пим?

— Знаете, — ответила Люси, неожиданно решившись, — может быть, мне можно остаться на день или два? Ведь ты предлагала мне, правда? — напомнила она Генриетте. — Все было так мило... так интересно оказаться в совершенно ином мире... И здесь так чудесно... — о, Господи, все это звучит так по-идиотски! Неужели она никогда не научится вести себя как Люси Пим — знаменитость?

Но ее бормотание потонуло в накатившей волне шумного одобрения. Люси была тронута, заметив отблеск радости даже на лице мисс Люкс.

— Оставайтесь до четверга, прочтите Старшим лекцию вместо меня по психологии, а меня отпустите на конференцию в Лондон, — подхватила доктор Найт, как будто это пришло ей в голову только что.

— О, не знаю, как... — начала Люси, артистически выражая сомнение, и посмотрела на Генриетту.

— Доктор Найт всегда готова умчаться на конференцию, — сказала мисс Ходж неодобрительно, но спокойно. — Ну, конечно, мы будем рады и почтем за честь, Люси, если ты согласишься прочесть студенткам еще одну лекцию.

— С удовольствием прочту. Так приятно будет почувствовать себя временным членом вашего коллектива, а не просто гостьей. С большим удовольствием прочту. — подымаясь, она повернулась и подмигнула доктору Найт, а та сжала ее локоть в порыве благодарности. — А теперь мне, наверно, следует вернуться в студенческое крыло.

Люси пожелала всем спокойной ночи и вышла вместе с мисс Люкс. Пока они шли в другую часть дома, Люкс сбоку посматривала на мисс Пим, и когда Люси поймала ее взгляд, ей показалось, что в этих холодных как лед серых глазах блеснул отсвет дружеского расположения.

— Вам действительно нравится эта *menagerie*^[19], — спросила Люкс. — Или вы просто ищете еще что-нибудь, что можно приколоть булавками к картону?

Тот же вопрос задала вчера Нат Тарт. Вы приехали собирать образцы? Хорошо, она ответит так же и посмотрит, какова будет реакция Люкс.

— О, я остаюсь, потому что мне этого хочется. Колледж физического воспитания никоим образом не место, подходящее для поиска аномальностей. — Она произнесла это как утверждение, не как вопрос, и ждала ответа.

— Почему? — спросила мисс Люкс. — Работа до седьмого пота, до состояния комы может помутить рассудок, но не может лишить эмоций.

— Правда? — удивилась Люси. — Если бы я устала, как собака, у меня несомненно не осталось бы никаких других чувств, кроме желания как можно быстрее лечь спать.

— Когда идут спать смертельно усталыми — все в порядке, это нормально, приятно и безопасно. Болезнь начинается, когда человек просыпается смертельно усталым.

— Какая болезнь?

— Гипотетическая болезнь, о которой мы говорим, — спокойно ответила Люкс.

— Вы хотите сказать, что просыпаться с ощущением смертельной усталости — обычное дело для студенток?

— Я не являюсь их медицинским консультантом, так что я не могу бегать со стетоскопом и устраивать опросы, но должна сказать, что пятеро из шестерых Старших в последнем семестре устают так, что каждое утро для них — тихий кошмар. Когда человек устает до такой степени, его

эмоциональное состояние перестает быть нормальным. Маленькое препятствие на пути превращается в Эверест, неосторожное замечание вызывает затаенную обиду, небольшое разочарование неожиданно оказывается поводом для самоубийства.

В голове Люси мелькнуло видение — лица, собравшиеся в саду за чаем. Загорелые, смеющиеся, счастливые лица, беззаботные и в большинстве своем принадлежащие людям, явно уверенным в себе. Где в этом сборище здоровой раскованной молодежи таился хоть малейший намек на напряженность, на дурное настроение? Нигде. Конечно, они ныли по поводу выпавшего на их долю тяжкого жребия, но это были комические жалобы по отдельным случаям.

Возможно, они устали; даже наверняка устали — чудо, если бы было иначе; но устали до аномальности — нет. Поверить в это Люси не могла.

— Вот моя комната, — сказала Люкс и остановилась. — У вас есть что читать? Вряд ли вы взяли с собой книгу, если собирались пробыть здесь только один день. Дать вам что-нибудь?

Она открыла дверь в опрятную комнату, служившую одновременно спальней и гостиной, единственными украшениями которой были одна гравюра, одна фотография и целый стеллаж книг. Из соседней комнаты доносилось журчание шведской речи.

— Бедная фрекен, — неожиданно сказала Люкс, заметив, что Люси прислушивается. — Она так скучает по дому. Как это, наверно, замечательно — посплетничать о своих близких на родном языке. — И увидев, что Люси смотрит на фотографию: — Моя младшая сестра.

— Очень хорошенькая, — сказала Люси и тут же спохватившись, понадеялась в душе, что в ее голосе не прозвучало и намека на удивление.

— Да. — Люкс задергивала шторы. — Терпеть не могу мотыльков. А вы? Она родилась, когда я была уже подростком, я практически вырастила ее. Сейчас она на третьем курсе медицинского училища. — Люкс подошла и с минуту вместе с Люси смотрела на фотографию. — Так что мне вам дать почитать? Есть что угодно — от Раньона до Пруста.

Люси взяла «Молодых гостей»^[20]. Она читала их последний раз очень давно, но обнаружила, что улыбается только от одного вида книги. А когда подняла глаза, увидела, что и Люкс улыбается.

— Увы, одной вещи мне никогда не сделать, — с сожалением проговорила Люси.

— Какой?

— Написать книгу, которая заставит всех улыбаться.

— Не всех, — заметила Люкс, и ее улыбка стала шире. — У меня была

кузина, которая бросила ее читать на середине. Когда я ее спросила — почему, она ответила: «Совершенно неправдоподобно».

Так, улыбаясь, Люси и отправилась к себе, радуясь, что завтра не надо ехать к поезду и думая о некрасивой мисс Люкс, которая любит хорошенькую сестру и которой нравятся нелепости. Когда Люси свернула в длинный коридор крыла (длинная палочка буквы E), она увидела Бо Нэш, которая стояла в его конце возле лестницы, подняв руку с колокольчиком на высоту плеча; в следующую секунду крыло наполнил дикий трезвон. Люси застыла на месте, зажав руками уши, а Бо смеялась, с удовольствием размахивая этим ужасным предметом. Она была очень хороша, когда стояла вот так, держа в руке орудие пытки.

— Разве давать звонок «по комнатам» обязанность старосты? — спросила Люси, когда Бо перестала размахивать колокольчиком.

— Нет, Старшие дежурят по неделе каждая. Просто это моя неделя. Я — внизу алфавитного списка, поэтому в каждом семестре на мою долю приходится только одна неделя. — Она посмотрела на мисс Пим и притворно-конфиденциально понизила голос. — Я делаю это с удовольствием — все считают, что это так скучно — все время смотреть на часы, а мне нравится устраивать шум.

Да, подумала Люси, отсутствие нервов и пышущее здоровьем тело; конечно, ей будет нравиться устраивать шум. А потом, почти автоматически: а что, если это не шум ей нравится, а ощущение власти в руках? Но Люси отогнала эту мысль; для Нэш все всегда было легко; всю жизнь, чтобы что-нибудь иметь, ей достаточно было только попросить или взять. Ей не требовалось особого удовольствия, вся ее жизнь была сплошным удовольствием. Ей нравился дикий шум, производимый колокольчиком — и все.

— Между прочим, — заметила Нэш, идя рядом с Люси, — это не звонок «по комнатам». Это «выключить свет».

— Я не представляла себе, что так поздно. Это относится и ко мне?

— Ну, конечно, нет. Олимпийцы ведут себя, как им угодно.

— Даже если живешь на чужой территории?

— Вот и ваша келья, — сказала Нэш, включила свет и посторонилась, пропуская Люси в маленькую чистую комнатку, веселую, идеально чистую, сверкающую в ничем не затененном свете. После полутонов летнего вечера и изящества георгианской гостиной она выглядела как иллюстрация из какого-нибудь толстого американского каталога. — Я рада, что встретила вас, потому что мне нужно кое-что сказать вам. Не я принесу вам утром завтрак.

— О, все в порядке, — начала было Люси, мне все равно надо будет встать...

— Я не это хотела сказать. Совсем не это. Просто юная Моррис попросила, нельзя ли ей — она еще Младшая — и...

— Похитительница Джорджа?

— Ой, я и забыла, что вы были при этом. Да, она. Кажется, она считает, что много потеряет в жизни, если не принесет вам завтрак в ваше последнее утро в Лейсе. Так что я сказала, что если она не станет просить у вас автограф или еще как-нибудь надоедать, пусть несет. Надеюсь, вы не против? Она славный ребенок, и это в самом деле доставит ей огромное удовольствие.

Люси была согласна даже, чтобы завтрак ей принес свирепый негр-убийца, только чтобы она могла съесть свой жесткий, как кожа, тост в мире и покое; она ответила, что будет благодарна юной Моррис и что, между прочим, это утро не будет последним. Она остается и в четверг будет читать лекцию.

— Правда! О, чудесно! Я так рада! Все будут рады. Вы нам так нужны.

— Как лекарство? — наморщила Люси нос.

— Нет, как тоник.

— Сироп какой-то, проговорила Люси, но в душе она была довольна.

Так довольна, что даже закалывая волосы в соответствующих местах маленькими шпильками, она не испытала обычной дикой скуки. Люси намазала лицо кремом и стала с непривычной терпимостью разглядывать его, лишенное грима, блестящее в ярком свете. Без сомнения, ее склонность к полноте предотвращала появление морщин; если ваше лицо похоже на булочку, утешает, по крайней мере, то, что это свежая булочка. Кроме того, ей пришло на ум, что каждому человеку дается соответствующий его сути облик. Если бы у нее был нос Гарбо, ей пришлось бы одеваться соответственно этому, а если бы у нее были скулы мисс Люкс, ей пришлось бы вести соответствующую этому жизнь. Люси никогда не могла жить соответственно чему-то. Даже Книге.

Вовремя вспомнив, что лампы у кровати нет — студентки не должны заниматься в постели — она выключила свет, подошла к окну, задернула занавески и выглянула во двор. Стоя у открытого настежь окна, Люси вдыхала прохладный ночной воздух, наполненный ароматами. Глубокая тишина опустилась на Лейс. Болтовня, звонки, смех, дикие возгласы, топот ног, шум воды, бешено льющейся в ванну, приезды, отъезды, — все замерло в этом огромном молчащем доме, темная масса которого виднелась даже в окружающем мраке.

— Мисс Пим!

Шопот донесся из окна напротив.

Разве они видят ее? Нет, конечно, нет. Просто кто-то услышал легкий шорох раздвигаемых занавесок.

— Мисс Пим, мы так рады, что вы остаетесь.

Быстро же распространяются слухи в колледже! Не прошло и пятнадцати минут, как Нэш пожелала ей доброй ночи, а новость уже достигла противоположного крыла.

Люси еще не успела ответить, как из невидимых окон, окружающих маленький четырехугольник, донесся хор шепчущих голосов. Да, мисс Пим. Мы рады. Рады, мисс Пим. Да. Да. Рады, мисс Пим.

— Спокойной ночи всем, — сказала Люси.

Спокойной ночи, ответили они. Спокойной ночи. Так рады. Спокойной ночи.

Люси сняла с руки часы, подвинула к кровати стул — единственный стул в комнате — чтобы положить на него часы и не рыться утром под подушкой, и подумала, как странно, что только вчера утром она не могла дожждаться момента, когда уедет отсюда.

И может быть потому, что никакой уважающий себя психолог не станет иметь дело с такой вышедшей из моды вещью, как Предчувствие, даже самый маленький бесенок из мира Необъяснимого не пришел прошептать на ушко засыпающей Люси: «Уезжай отсюда прочь. Уезжай, пока можно. Уезжай. Прочь отсюда».

VI

Скрипнули по паркету стулья, студентки поднялись с колен и повернулись, ожидая, когда преподаватели выйдут из столовой после утренней молитвы. Люси, став «временным преподавателем», сочла своим долгом присутствовать на этой церемонии в 8.45, не позволив себе, как раньше, когда она не входила в штат педагогов, завтракать в постели; поэтому последние пять минут она созерцала ряды коленапреклоненных студенток, поражаясь индивидуальности их ног. Одеты в этот ранний час все были одинаково, и все головы были смиренно опущены на руки, но мисс Пим сочла, что ноги так же легко узнаваемы, как и лица. Вот они: упрямые ноги, легкомысленные ноги, аккуратные ноги, скучные ноги, неопределенные ноги — ей достаточно было увидеть поворот голени и кусочек лодыжки, чтобы сказать, чьи это — Дэйкерс, Иннес, Роуз или Бо. Элегантные ноги в конце первого ряда принадлежали Нат Тарт. Значит, монахини не возражали, чтобы их подопечная слушала англиканские молитвы? А эти, похожие на палки, — ноги Кэмпбелл, а эти...

— Аминь, — проникновенно произнесла Генриетта.

— Аминь, — отозвались студентки Лейса и поднялись с колен. Люси вышла вместе с другими преподавателями.

— Зайди и подожди немного, я только разберу утреннюю почту, — сказала Генриетта, — а потом вместе пойдем в гимнастический зал. — И направилась в свою личную гостиную, где ждала указаний маленькая кроткая секретарша, работавшая неполный день. Люси присела у окна, взяла в руки «Телеграф» и только вполуха прислушивалась к тому, о чем они говорили. Написала миссис Такая-то — спрашивает о дате Показательных выступлений, миссис такая-то хочет знать, есть ли поблизости отель, где они с мужем могли бы остановиться, когда приедут смотреть на выступление своей дочери; счет мясника следует проверить и показать ему; лектор на последнюю пятницу приехать не сможет; трое Родителей Предполагаемых Учениц хотели бы получить проспекты.

— Кажется, все понятно, — сказала Генриетта.

— Да, — согласилась маленькая секретарша, — я сейчас всем отвечу. Было письмо из Арлингхерста. Что-то я его здесь не вижу.

— Да, — сказала Генриетта. — Мы ответим на него позже, в конце недели.

Арлингхерст, заработало сознание Люси. Арлингхерст. Ну, конечно,

привилегированная школа для девочек. Что-то вроде женского Итона. «Я училась в Арлингхерсте» — этим все было сказано. Люси на минуту отвлеклась от передовицы «Телеграф» и подумала, что если «лакомый кусочек», сообщение, которого ждала Генриетта, был Арлингхерст, то это и правда могло вызвать переполох среди заинтересованных Старших. Она уже готова была спросить, не Арлингхерст ли был тем самым «лакомым кусочком», но передумала; отчасти ее остановило присутствие маленькой секретарши, но скорее, пожалуй, выражение лица Генриетты. У Генриетты, как ни странно, был какой-то настороженный, даже немного виноватый вид. Как у человека, который к чему-то готовится.

Ну и ладно, решила Люси. Если она не хочет ни с кем делиться своей тайной, пусть. Не буду портить ей удовольствие. И они пошли вместе по коридору, тянувшемуся вдоль всего крыла, и вышли в крытый переход, который вел к гимнастическому залу. Здание гимнастического зала располагалось параллельно главному дому и его правому крылу, так что в плане вся постройка имела вид буквы «Е»; тремя горизонтальными черточками были «старый дом», правое крыло и гимнастический зал, а вертикальную линию составляли левое, соединяющее крыло и крытый переход.

Дверь в зал, к которой подходил крытый переход, была распахнута, и из зала доносился самый разнообразный шум — голоса, смех, глухой топот ног. Генриетта остановилась у открытой двери и показала Люси на запертую дверь на другом конце зала.

— Вот что является преступлением в колледже, — сказала она. — Пройти через зал к беговой дорожке вместо того, чтобы обогнуть здание по переходу. Нам пришлось запереть эту дверь. Вряд ли несколько лишних шагов имеют большое значение для студенток, они делают их в течение дня достаточно много, но никакие уговоры и угрозы не помогали, они все равно норовили сократить путь. Вот мы и убрали соблазн.

Генриетта повернулась и по переходу направилась к другому концу здания, где над маленьким портиком находилась лестница на галерею. Поднявшись на несколько ступенек, Генриетта остановилась и показала на какое-то устройство на низких троллеях, помещавшееся в пролете лестницы.

— Вот самый знаменитый предмет в колледже, — проговорила она. — Это наш пылесос, он известен повсюду, вплоть до Новой Зеландии под названием «Нетерпящий»^[21].

— А что он не терпит? — спросила Люси.

— Его раньше называли «Не терпящий пыль», а потом сократили до

«Нетерпящего». Помнишь фразу, которой учат в школе: природа не терпит пустоты? — Генриетта еще чуть-чуть задержала взгляд на устрашающем предмете, явно любуясь им. — Нам пришлось заплатить за него огромные деньги, но он стоит того. Как бы хорошо раньше ни убирали зал, в нем все равно оставались следы пыли; студентки ногами взметали ее в воздух, и она, конечно, всасывалась в дыхательные пути; результатом бывал катар. Не поголовно, естественно, но во всякое время, летом и зимой, у той или другой студентки обязательно случался приступ катара. Вот предшественница доктора Найт и предположила, что причиной тому — невидимая пыль, и она была права. Как только мы, истратив колоссальную сумму денег, приобрели «Нетерпящий», катары прекратились. И, — добавила она весело, — в конце концов это принесло экономию, поскольку теперь зал пылесосит Джидди, садовник, и нам не надо платить уборщицам.

Когда они дошли до верха лестницы, Люси перегнулась через перила и посмотрела в пролет.

— Знаешь, он мне почему-то не нравится. Мне кажется, ему дали очень правильное название. В нем есть что-то отталкивающее.

— Он невероятно мощный. И им очень легко работать. Каждое утро уборка занимает у Джидди примерно минут двадцать, и после этого остается, как он сам говорит, «одна арматура». Он очень гордится «Нетерпящим». Ухаживает за ним, как будто это живое существо. — Генриетта открыла дверь на верхней площадке лестницы, и они вошли на галерею.

Архитектура гимнастических залов исключает всякие изыски. Это чисто функциональная постройка. Как правило, это продолговатое помещение, которое освещается окнами, расположенными либо в крыше, либо высоко в стенах. Окна гимнастического зала Лейса были прорезаны там, где стены состыковываются с крышей, а это не очень красиво; однако благодаря этому прямой солнечный свет, льющийся сквозь огромные стекла, ни в какое время дня не мог попасть студенткам в глаза и стать причиной несчастного случая. Большое здание было наполнено золотым мягким сиянием летнего утра. На полу, каждая сама по себе, занимались Старшие. Они разминались, повторяли упражнения, критиковали друг друга, а в короткие минуты приступов веселья просто валяли дурака.

— Они ничего не имеют против зрителей? — спросила Люси, когда они уселись.

— Они привыкли. Редко какой день обходится без визитеров.

— А что находится под галереей? На что они все время смотрят?

— На самих себя, — ответила Генриетта коротко. — Вся стена под галереей — сплошное длинное зеркало.

Люси пришла в восхищение от того, с каким безличным интересом смотрели студентки на отражение в зеркале выполняемых ими движений. Смотреть на себя как на физическую сущность, смотреть с таким критичным беспристрастием — это здорово!

— Что меня больше всего огорчает в жизни, — говорила похожая на голландскую куклу Гэйдж, рассматривая свои вытянутые вверх руки, — так это то, что у моих рук есть изгиб в локте.

— Если бы ты прислушалась к тому, что говорил наш гость в пятницу, и приложила бы усилие воли, они бы теперь у тебя были прямыми, — заметила Стюарт, не прерывая своих акробатических упражнений.

— Может быть, вывернуть их наоборот, — поддразнила Бо Нэш, висевшая, сложившись вдвое, на шведской стенке.

Люси догадалась, что «гостем» был один из появлявшихся по пятницам лекторов, рассказывавших «об интересном», и подумала: интересно, он назвал свою лекцию «вера» или «сознание управляет материей», говорил он о Лурде или о Куэ?

Хэсселт, южноафриканка с плоским, как на картинах примитивистов, лицом, сжимала лодыжки Иннес, стоявшей на руках.

— Опир-р-райтесь на-а-а р-р-руки, ми-и-исс Иннес, — проговорила Хэсселт, пародируя шведский акцент — это явно была цитата из фрекен. Иннес засмеялась и упала. Глядя на них, раскрасневшихся, улыбающихся (первый раз я вижу Мэри Иннес улыбающейся), Люси подумала, насколько лица этих двух не подходят к здешней обстановке. Лицо Хэсселт гармонировало бы с синим одеянием Мадонны, и пусть бы у ее левого уха помещался малюсенький пейзаж — холмы, замок и дорога. А лицо Иннес подошло бы к портретной галерее на стене старинной лестницы — семнадцатый век, быть может? Нет, он слишком веселый, слишком легко адаптирующийся, слишком лукавый. Скорее, шестнадцатый. Отрешенность, бескомпромиссность, непрощающее лицо, исполненное чувства все-или-ничего.

В дальнем углу Роуз в одиночестве усердно растягивала подколенные связки, бесконечно глядя свои ноги ладонями сверху донизу. На самом деле у нее не было необходимости растягивать подколенные связки после стольких лет постоянных упражнений, так что, по-видимому, это была дань северному упорству. Все, что делала мисс Роуз, она выполняла аккуратнейшим образом. Жизнь — реальность, жизнь — вещь серьезная, жизнь — это длинные подколенные связки и получение хорошего места

работы в недалеком будущем. Люси пожелала себе лучше относиться к мисс Роуз и оглянулась, ища глазами Дэйкерс — как противоядие. Но головки с волосами как кудель и веселым личиком как у пони нигде не было видно.

Внезапно несвязный шум и болтовня смолкли.

В открытую дверь на противоположном конце зала не вошел никто, но в зале несомненно ощутилось чье-то Присутствие. Люси почувствовала его сквозь пол галереи. Она вспомнила, что внизу, у подножья лестницы, там, где стоял «Нетерпящий», была дверь. Кто-то вошел через эту дверь.

Слова команды произнесены не были, но студентки, лишь секунду назад рассыпанные по залу как бусины из разорвавшегося ожерелья, выстроились, как по волшебству, в одну шеренгу и стояли в ожидании.

Фрекен вышла из-под галереи и посмотрела на девушек.

— А-а где-е ми-исс Дэйкерс? — спросила она тихим ледяным голосом. Но прежде, чем она это произнесла, Дэйкерс влетела в зал через открытую дверь и, увидев все, резко остановилась.

— Ох, катастрофа! — возопила она и бросилась к свободному месту в шеренге, которое кто-то заботливо оставил для нее. — Ох, простите, фрекен! Очень прошу! Просто...

— Р-р-ра-азве можно опаздывать на Показательное выступление? — спросила фрекен, проявляя к данному вопросу почти исследовательский интерес.

— О, нет, конечно, нет, фрекен. Просто...

— Знаем, знаем. Что-то потерялось или сломалось. Е-е-если бы можно бы-ы-ыло приходить сю-ю-юда голой, ми-и-исс Дэйкерс и тогда сумела бы что-нибудь потерять или сломать. Внимание!

Шеренга подтянулась и застыла; слышно было только дыхание девушек.

— Е-е-если ми-и-исс Томас ф-ф-фтянет жи-и-вотт-т, ряд будет, мне ка-а-ажется, ровнее.

Томас немедленно повиновалась.

— И-и ми-исс Эппльард показывает слишком много подборо-о-одка. — Маленькая краснощекая пухлая девушка подтянула подбородок к шее. — Так!

Все повернулись направо и цепочкой по одному зашагали по залу, ступая по твердому деревянному полу почти неслышно.

— Тише, тише! Легче, легче!

Возможно ли это?

Оказывается, возможно. Еще тише и тише ступали тренированные

ноги, пока трудно стало поверить, что группа крепких молодых особ женского пола, каждая из которых весила около десяти стоунов^[22], раз за разом по кругу обходила зал.

Люси покосилась на Генриетту и тут же отвела глаза.

Странно, даже больно было видеть нежную гордость, отражавшуюся на широком бледном лице Генриетты. И Люси ненадолго забыла о студентках там, внизу, и стала думать о Генриетте. О Генриетте с ее мешкообразной фигурой и совестливой душой. Генриетте, у которой были старенькие родители и не было сестер, но которая обладала инстинктом насадки. Никто никогда не спал ночами из-за Генриетты и не расхаживал в темноте возле ее дома; и, наверно, даже не дарил ей цветы. (Интересно, вспомнила при этом Люси, где теперь Ала; весной несколько недель назад она всерьез решила было принять предложение Алана, несмотря на его Адамово яблоко. Будет очень мило, думала она тогда, испытать в виде разнообразия заботу о себе. Остановило ее осознание того, что забота должна быть обоюдной. Что ей не избежать штопки носков, например. Люси не любила ноги. Даже ноги Алана..) Генриетте явно была суждена скучная, пусть и достойная уважения, жизнь. Но получилось иначе. Если выражение ее лица в тот момент, когда она за ним не следила, могло служить критерием, Генриетта построила себе жизнь, которая была полной, богатой и дававшей удовлетворение. После встречи во время их первой доверительной беседы она сказала Люси, что десять лет назад, когда она взяла на себя руководство Лейсом, это был маленький и не очень популярный колледж, и что она и Лейс расцветали вместе; теперь она фактически партнер, кроме того, что директор, партнер в процветающем концерне. Но до того момента, как Люси застала ее врасплох и увидела это выражение на лице Генриетты, она не понимала, насколько ее старая подруга идентифицировала себя со своей работой. Люси знала, что колледж был миром Генриетты. Генриетта ни о чем другом не говорила. Но погружение в работу — одно, а эмоции, отразившиеся на лице Генриетты — другое.

Рассуждения Люси были прерваны шумом — вытаскивали снаряды. Студентки кончили изгибаться на шведских стенках, складываясь пополам, в результате чего становились похожи на фигуры на носках древних кораблей, и теперь выдвигали стойки с укосинами-бумами. Голени Люси заныли при воспоминании о боли: как часто эти твердые кусочки дерева стирали ее ноги до кости. Нет, и правда, одно из преимуществ среднего возраста заключается в том, что не нужно проделывать подобные трюки.

Теперь в зале стояла деревянная стойка, а две стрелы-бума были

подняты на высоту вытянутых вверх рук и закреплены в гнездах. Для этого в соответствующие отверстия в стойке вставлялись железные шпильки с деревянными ручками, они и удерживали бумы. Орудие пытки было готово. Однако до натирания голеней еще не дошло. Это будет позже. Пока же имело место «перемещение». Парами, по одной с каждого конца бума, девушки двигались по нему, висая на руках, как обезьяны. Сначала вбок, потом назад и, наконец, вращаясь, как волчок. Они проделали все это совершенно безупречно, пока не наступила очередь Роуз вращаться. Она согнула колени, собираясь вспрыгнуть на бум, и тут же опустила руки и посмотрела на преподавательницу. На ее напрягшемся, усыпанном веснушками лице появилось выражение, похожее на панику.

— О, фрекен, кажется, я не смогу, — сказала она.

— Nonsense^[23], ми-исс Роуз, — ответила фрекен, подбадривая девушку, но не выказывая при этом удивления; это явно было повторением сцены, случавшейся и ранее. — Вы делали э-это превосходно, еще когда были Младшей, и сейчас, конечно, сделаете.

В напряженной тишине Роуз вспрыгнула на бум и начала, вращаясь, двигаться вдоль него. До половины все шло великолепно, а потом без всякой видимой причины одна рука ее скользнула мимо бума, тело качнулось в сторону, повиснув на другой руке, она попыталась выровняться, подтягиваясь на удерживающей вес руке, но ритм движения был нарушен, и она спрыгнула на пол.

— Я знала, — проговорила она. — Со мной будет, как с Кэньон, фрекен. Совсем как с Кэньон.

— Ми-исс Роуз, с вами не будет, как было с кем-то. Дело в сноровке. На какой-то момент вы потеряли сноровку, вот и все. Давайте еще раз.

Роуз опять вспрыгнула на бум, торчавший над ее головой.

— Нет! — крикнула шведка, и Роуз спустилась на пол, вопрошающе глядя на нее.

— Не говорить: о, Господи, я не могу сделать э-это. Говорить: я это всегда делаю, легко делаю, и теперь тоже. Так!

Еще дважды пробовала Роуз, и оба раза неудачно.

— Оч-чень хорошо, мисс Роуз. Довольно. Сегодня вечером, когда мы кончим заниматься, половину бума поставят так, как сейчас, и у-утром вы придете и попрактикуетесь, пока сноровка не вернется.

— Бедняжка Роуз, — вздохнула Люси, когда оба бума были повернуты плоской, а не закругленной стороной кверху — для упражнений на равновесие.

— Да, очень жаль, — согласилась Генриетта. — Одна и наших самых

блестящих студенток.

— Блестящих? — удивилась Люси. Она бы не отнесла это определение к Роуз.

— По крайней мере, в том, что касается физической работы. С письменными заданиями ей бывает трудно, но она все время очень много занимается и выполняет их. Примерная студентка, делает честь Лейсу. Такая жалость, что случился этот нервный срыв. Конечно, это паника. Иногда бывает. И обычно на чем-нибудь совсем простом, как ни странно.

— А что она имела в виду, говоря «как с Кэньон»? Это та девушка, место которой заняла Тереза Детерро, да?

— Да. Как приятно, что ты помнишь. Похожий случай. Кэньон вдруг решила, что не может держать равновесие. Она всегда отличалась прекрасным нормальным равновесием, и у нее не было причин терять его. Но она стала качаться из стороны в сторону, спрыгивать на пол на середине упражнения и кончилось все тем, что она села на бум и не могла встать. Сидела и цеплялась за бум, как маленький ребенок. Сидела и плакала.

— Какое-то внутреннее торможение.

— Конечно. Она вовсе не равновесие боялась потерять. Но нам пришлось отослать ее домой. Мы надеемся, что она отдохнет, вернется и закончит курс. Она была счастлива здесь.

Была ли? усомнилась Люси. Так счастлива, что произошел нервный срыв! Что превратило девушку, обладавшую прекрасным равновесием, в плачущее дрожащее несчастное существо, цепляющееся за бум?

Люси стала смотреть на упражнения на равновесие, ставшие для бедняжки Кэньон ее Ватерлоо, с новым интересом. Студентки, сделав сальто, по двое вспрыгивали на высокий бум, садились боком, а затем медленно вставали в полный рост на его конце. Медленно поднимается нога, играют на свету мышцы, руки выполняют соответствующие движения. Лица спокойные, сосредоточенные. Тело послушное, уверенное. Закончив упражнение, девушки опускались на пятки, спина прямая, ненапряженная — вытягивали вперед руки, схватывали бум, переворачивались в положение «сидя боком» и из него, сделав сальто вперед, спрыгивали на пол.

Никто не сбился, не сорвался. Точность была идеальной. Фрекен никому не нашла нужным сделать ни одного замечания. Когда упражнение закончилось, Люси обнаружила, что все это время не дышала. Она откинулась, расслабилась и глубоко вздохнула.

— Замечательно. В нашей школе равновесие выполняли гораздо ближе к полу, поэтому оно не производило такого волнующего впечатления.

Генриетта выглядела довольной.

— Иногда я прихожу посмотреть только равновесие, больше ничего. Многим нравятся более эффектные упражнения, прыжки и тому подобное. А я нахожу спокойное управление собственным чувством равновесия очень впечатляющим.

Прыжки, когда дело дошло до них, оказались действительно весьма эффектным зрелищем. Препятствия, по мнению Люси, были устрашающими, и она как на непостижимое чудо смотрела на довольные лица студенток. Им это нравилось. Нравилось бросать свое тело в пустоту, лететь по воздуху, не зная, где приземлишься, вертеться и кувыркаться. Напряжение, которое они испытывали до этого, исчезло; в каждом движении сквозила живость, что-то похожее на смех. Жизнь хороша, и это их способ выразить радость жизни. Удивляясь, наблюдала Люси за Роуз, которая споткнулась и потерпела неудачу на простом упражнении на буме, а здесь, в головокружительных прыжках продемонстрировала великолепное искусство, требующее максимум мужества, контроля над собой и «сноровки». (Генриетта была права, физическая работа Роуз была блестяща. Очевидно, она так же блестяще играла и в спортивные игры, ее чувство времени было превосходным. И все же это определение «блестящая» костью застряло в горле Люси. «Блестящая» должно было относиться к кому-то похожему скорее на Бо, прекрасному всем — телом, мыслями, духом).

— Ми-исс Дэйкерс! Убирайте левую руку с опоры. Вы не на гору взбираетесь, правда?

— Я не хотела задерживать ее так долго, фрекен. Правда, не хотела.

— Понятно. Здесь не «хотение» в-и-иновато. Повторите, после ми-исс Мэттьюз.

Дэйкерс повторила, и на этот раз заставила свою бунтующую руку отпустить опору в нужный момент.

— Ха! — воскликнула она, довольная собственным успехом.

— Правда, ха, — согласилась фрекен, улыбнувшись. — координация. Координация — это все.

— Они любят фрекен, не так ли? — обратилась Люси к Генриетте, когда студентки стали убирать снаряды на место.

— Они любят всех преподавателей, — ответила Генриетта, и в ее тоне прозвучал легкий отголосок тона Генриетты-старосты. — Нецелесообразно держать учительницу, которая непопулярна, какой бы хорошей она ни была. С другой стороны, необходимо, чтобы они испытывали некоторое благоговение перед своими наставниками. — Генриетта улыбнулась своей

улыбкой «их-преосвященство-изволит-шутить»; Генриетта не была очень щедра на шутки. — По-разному, но и фрекен, и мисс Люкс, и мадам Лефевр внушают здоровое благоговение.

— Мадам Лефевр? Если бы я была студенткой, наверно, у меня колени подгибались бы не от благоговения, а просто от ужаса.

— О, Мари очень человечна, когда узнаешь ее поближе. Но ей нравится быть одной из легенд колледжа.

Мари и «Нетерпящий», подумала Люси, две легенды колледжа. У той и у другого есть сходные черты — они и устрашают, и пленяют.

Студентки стояли цепочкой друг за другом и глубоко дышали, поднимая и опуская руки. Заканчивались пятьдесят минут их сконцентрированности на движении и вот теперь они стояли — раскрасневшиеся, ликующие, удовлетворенные.

Генриетта поднялась, собираясь уходить, Люси последовала ее примеру и, повернувшись, увидела, что позади них на галерее сидела мать фрекен. Это была маленького роста полная женщина с пучком волос на затылке; она напомнила Люси фигурки миссис Ной, какими их делают мастера, изготавливающие игрушечные Ковчеги. Люси поклонилась и улыбнулась той особо-широкой-предназначенной-для-иностранцев улыбкой, которой пользуются, чтобы навести мост над пропастью молчания; а потом, вспомнив, что эта дама не говорит по-английски, но, может быть, говорит по-немецки, попробовала сказать фразу на этом языке. Лицо пожилой женщины просияло.

— Поговорить с вами, фройляйн, такое удовольствие, что я даже стану говорить по-немецки, — сказала она. — Моя дочь рассказала мне, что вы пользуетесь большой известностью.

Люси ответила, что ей повезло, она добилась успеха, а это, к несчастью, совсем не то, что пользоваться известностью, а потом выразила восхищение работой, которую только что видела. Генриетта, которая в школе учила не современные языки, а классические, умыла руки во время этого обмена любезностями и стала спускаться по лестнице. Люси и фру Густавсен следовали за ней. Когда они вышли на солнце, из двери на другом конце зала появились студентки; кто-то из них побежал, а кто и поплелся по крытому переходу к дому. Последней шла Роуз, и Люси имела все основания заподозрить, что это был точный расчет времени: она хотела встретиться с Генриеттой. Роуз незачем было отставать от других на ярд или два, как она это сделала; очевидно, уголком глаза она увидела приближающуюся Генриетту. Люси в подобных обстоятельствах убежала бы, но Роуз замедлила шаг. Увы, мисс Роуз нравилась ей все меньше и

меньше.

Генриетта поравнялась с девушкой и остановилась поговорить с ней. Люси со своей спутницей прошли мимо них, и Люси увидела выражение веснушчатого лица, повернутого к директрисе, внимавшего ее мудрым словам, и вспомнила, что в школе они называли его «елейным». Причем, в данном случае, Роуз мазала елей лопатой, подумала она.

— А мне-то тоже нравились веснушки, — с сожалением проговорила Люси.

— Bitte?^[24]

Но как следует обсудить эту тему на немецком было невозможно. Значение веснушек. Люси мысленным взором видела перед собой толстый том, набитый искусственно составленными словами-контаминациями и предсказаниями. Нет, чтобы объяснить это как следует, нужен французский язык. Очищенный экстракт дружелюбного цинизма. Какая-нибудь хорошенькая краткая фраза, звучащая как взрыв.

— Вы впервые в Англии? — спросила Люси. Они не стали вслед за всеми входить в дом, а направились через сад к его переднему фасаду.

Да, фру Густавсен впервые в Англии, и ее больше всего удивляет, как народ, который создает такие сады, как этот, строит в них уродливые здания.

— Конечно, к вашему это не относится, — добавила она. — Этот старый дом очень милый. Он относится к хорошему периоду, да? Но то, что видишь из окна поезда или такси... после Швеции это ужасно. Пожалуйста, не подумайте, что я — как русская. Просто...

— Русская?

— Ну да, наивная, невежественная и уверенная, что в моей стране все делается лучше, чем во всем остальном мире. Просто я привыкла к современным домам, на которые приятно смотреть.

Люси предположила, что фру Густавсен так же отнеслась и к английскому кулинарному искусству.

— Нет-нет, — ответила, к ее удивлению, старушка, — это не так. Дочка объяснила мне. Здесь, в колледже, все связано с требованиями режима, — при этом Люси подумала, что слова «требования режима» были самым деликатным проявлением тактичности, — и потому нетипично. И в отелях тоже нетипично, говорит моя дочь. Она жила на каникулах в разных домах и говорит, что настоящие английские блюда изумительны. Ей не все нравилось. Не всем нравится и наша свежая селедка, в конце концов. Но кусок мяса, зажаренный в духовке, и яблочный пирог со сливками, и холодная ветчина, такая розовая и нежная, — все это восхитительно.

Просто восхитительно.

Вот так Люси вдруг обнаружила, что идя по саду в летний день, обсуждает приготовление селедки, обвалянной в овсяной муке и зажаренной, и пирога из овсяной муки на патоке, и девонширское блюдо из фруктов и мороженого, и тушеное мясо с овощами, и просто жареное мясо, и прочие местные яства. Люси скрыла существование пирога со свининой, потому что лично она считала его варварским блюдом.

Завернув за угол дома и направившись ко входной двери, они прошли мимо окон аудитории, где Старшие уже слушали лекцию мисс Люкс. Оконные рамы были подняты насколько можно выше, поэтому все, что происходило в помещении, было видно во всех подробностях. Проходя мимо, Люси бросила мимолетный взгляд на профили сидевших за столами студенток. Она отвела глаза, но тут же сообразила, что это совсем не те лица, которые она видела всего десять минут назад. Пораженная, она снова посмотрела на них. Возбуждение сошло, сошли и румянец, и удовлетворение от успешной работы. Люси даже показалось, что с них на время сошла молодость. Лица казались усталыми и бездушными.

Не все, конечно; Хэсселт по-прежнему сохраняла свой спокойно-благополучный вид. И лицо Бо Нэш сияло яркой красотой, которую ничто не могло разрушить. Но большинство девушек выглядели опустошенными, неопишимо утомленными. У Мэри Иннес, сидевшей у самого окна, появилась складка, идущая от крыльев носа к подбородку, складка, которой здесь нечего было делать еще, по крайней мере, тридцать лет.

Огорченная, чувствуя себя неловко, как человек, в разгар веселья столкнувшийся с горем, Люси отвернулась от окна и последнее, что она заметила, было лицо мисс Роуз. Выражение на лице мисс Роуз поразило ее. Оно напомнило ей Уолберсвик.

Но почему Уолберсвик?

Настороженная веснушчатая физиономия мисс Роуз не имела ничего общего с обликом суровой гранд-дамы, какой была тетя Люси.

Конечно, нет.

Тогда в чем... стоп! Не тетю она напомнила Люси, а тетину кошку. Выражение на лице у этой северянки, сидевшей в аудитории, было совершенно таким же, какое появлялось на мордочке Филадельфии, когда ей в блюдце наливали сливки вместо молока. И для определения этого выражения существовало одно единственное слово. Самодовольство.

Люси сочла, и не без причины, что человек, который только что провалился при выполнении обыкновенного упражнения, не имеет оснований быть самодовольным. И самый последний задержавшийся в

Люси остаточек жалости по отношению к мисс Роуз умер.

VII

— Мисс Пим, — произнесла Нат Тарт, материализуясь возле локтя Люси, — давайте убежим.

Было утро вторника, и колледж был погружен в глубокую тишину Выпускных Экзаменов. Люси стояла облокотившись на калитку, которая находилась за гимнастическим залом, и смотрела на заросшее лютиками поле. Здесь кончался сад Лейса и начиналась сельская местность, настоящая сельская местность, к которой уже не могли дотянуться щупальца Ларборо, девственная и чистая. Луг по склону спускался к реке, на другом ее берегу находилась крикетная площадка, а дальше за ней расстилались пастбища, живые изгороди, деревья, желтое, белое, зеленое, дремлющее в свете утреннего солнца.

Люси с трудом оторвала взгляд от загипнотизировавшего ее сияния золотых лютиков и подумала, интересно, сколько же пестрых шелковых платьев у этой бразилианки. Сейчас на ней опять было новое, своей яркостью способное пристыдить английскую утонченность.

— А куда вы предлагаете убежать? — спросила Люси.

— Пойдемте в деревню.

— Здесь есть деревня?

— В Англии всюду найдется деревня, такая уж это страна. Эта деревня называется Бидлингтон. Вон над теми деревьями виднеется флюгер на шпиле ее церкви.

— Похоже, это далековато, — проговорила Люси, которая была неважным ходоком; ей не очень хотелось двигаться с места: давно перед ней не расстилалось поле лютиков, да еще, чтобы было время полюбоваться ими. — Большая деревня?

— О да. Там есть два паба. — Детерро сказала это, как будто определила калибр. — Кроме того, там есть все, что полагается иметь английской деревне. Там ночевала королева Елизавета и скрывался Карл Второй. В церкви есть могилы крестоносцев — среди них один — ну точная копия управляющего нашим ранчо в Бразилии — и на почте продаются открытки с видами всех коттеджей, и эта деревня упоминается в книгах, и...

— Вы хотите сказать, в путеводителях?

— Нет, нет. Понимаете, есть автор, специализирующийся на этой деревне. Я прочла одну его книгу, когда первый раз приехала в Лейс. Она

называется «Дождь с неба». Сплошь про груди и кровосмешение. И там есть свои бидлингтонские мученики — шестеро мужчин, которые в прошлом веке забросали камнями полицейское управление и попали в тюрьму. Представить только, что есть страна, где помнят такое! В моей стране пользуются ножами — когда не могут достать револьверы — и мы заваливаем покойников цветами, рыдаем изо всех сил и через неделю забываем обо всем.

— Ну и...

— Мы могли бы выпить кофе в «Чайнике».

— Немного по-ирландски, не так ли^[25]?

Но это уж было слишком даже для умницы-иностранки.

— Могу вас уверить, настоящий кофе. У него есть и запах, и вкус. О, мисс Пим, пойдете. Тут идти не больше пятнадцати минут, а сейчас нет еще десяти часов. И здесь нечего делать, пока нас не призовут есть бобы в час дня.

— Вы не сдаете никакие экзамены? — поинтересовалась Люси, покорно проходя в калитку, которую открыла перед ней Детерро.

— Наверно, я буду сдавать анатомию. Просто, как говорят у вас, ради интереса. Я прослушала лекции, так что любопытно будет выяснить, что я запомнила. Знать анатомию имеет смысл. Конечно, это тяжкий труд, в этом предмете воображение не участвует, но его стоит выучить.

— Конечно, стоит. Не будешь чувствовать себя душой в случае необходимости.

— Необходимости? — повторила Детерро, мозг которой не привык работать в таком направлении. — Ах, да, понимаю. Но я-то имела в виду, что этот предмет никогда не устареет. Вот ваш предмет, простите, пожалуйста, мисс Пим, постоянно стареет, верно? Слушать его чудесно, но учить — совсем глупо. Умная мысль сегодня завтра становится ерундой, а ключица — это ключица во все времена. Понимаете?

Люси поняла и позавидовала способности так экономно расходовать свои силы.

— Так что завтра, когда Младшие будут сдавать выпускной по анатомии, я тоже попробую. Это вызовет уважение. Бабушка это одобрит. Но сегодня они заняты решением загадок, поэтому я направляюсь в Бидлингтон с очаровательной мисс Пим, и мы будем пить кофе.

— Каких загадок?

Нат Тарт выудила из крошечного кармашка в своем платье сложенный листок бумаги, развернула его и прочла: «Если мяч находится над пограничной линией, но не коснулся земли, а игрок, стоящий на поле, бьет

по мячу или ловит его и снова вводит в игру, какое решение вы примете?»

Наступило молчание, более красноречивое, чем любые слова. Детерро сложила исписанную бумажку и снова убрала ее в карман.

— Откуда у вас это, если они еще только сдают «игры»?

— Мне дала мисс Рагг. Она сказала, что это, наверно, позабавит меня. Так и есть.

Тропинка, спускаясь к реке, вилась между желтым полем и белыми изгородами. У маленького мостика они остановились посмотреть на темневшую под тенистыми ивами воду.

— Вон там, — сказала Детерро, указывая на ровную лужайку на другом берегу реки, — там площадка для игр. Зимой она утопает в грязи, и они набивают прутья на подошвы своих туфель, чтобы не скользить. — Люси подумала, что если бы Нат Тарт сказала «они носят кольца в носу, чтобы придать себе привлекательность», тон был бы таким же. — А теперь мы пойдем вдоль реки до следующего мостика и выйдем там на дорогу. Это не настоящая дорога, просто тропинка.

Она молча пошла по утопавшей в тени тропинке, похожая на яркую стрекозу, изящная и чужая. Люси удивилась, что Нат Тарт так долго может хранить молчание.

Когда они подошли к дороге, Детерро, наконец, заговорила:

— У вас есть с собой деньги, мисс Пим?

— Нет, — ответила Люси, останавливаясь в смущении.

— И у меня нет. Но это ничего. Мисс Невилл даст нам кофе в кредит.

— Кто это мисс Невилл?

— Хозяйка чайной.

— Но ведь обыкновенно так не делается?

— Ну, мне можно. Я всегда забываю деньги. Мисс Невилл прелесть. И не чувствуйте из-за этого неловкости, мисс Пим, дорогая. Ко мне в деревне хорошо относятся, вы увидите.

Деревня была именно такой, как ее описала Детерро. И мисс Невилл тоже. И «Чайник». Это была чайная, одна из тех, которые так презирают современные кафе, но которые приветствует то поколение любителей чая, которое еще помнит засиженные мухами комнаты за лавкой деревенского булочника, примитивные лепешки со смородиной, похожей на запеченных насекомых, плохо вымытые чашки с трещинами и черный невкусный чай.

Здесь было все, что обычно ругают литературно образованные завсегдатаи деревенских гостиниц: фарфор с рисунком из индейских деревьев, темные дубовые столы, полотняные занавески в стиле короля Якова I^[26], букеты цветов в коричневых, не покрытых глазурью кувшинах и

даже витрина в окне. Однако для Люси, которая еще во времена Алана научилась ценить ощущение «уютности», даваемое пыльной стариной, здесь все было полно очарования. Вкусно пахло пирогами, только что вынутыми из духовки; кроме высокого окна на улицу в комнате было еще одно окно, выходившее в сад, пестревший всевозможными цветами. Здесь царили мир, прохлада и радушие.

Мисс Невилл, полная женщина в ситцевом переднике, встретила Детерро как старую добрую знакомую и спросила, не «играет ли она в хоккей, как говорят на вашей стороне Атлантики». Нат Тарт оставила без внимания такое отождествление ее самой с глухими закоулками Бруклина.

— Это мисс Пим, она пишет книги по психологии и она наш гость в Лейсе, — вежливо представила она Люси. — Я сказала, что здесь можно выпить настоящего кофе и вообще встретить цивилизованное обхождение. У нас совсем нет денег, ни у той, ни у другой, но мы очень хотим есть, а заплатим мы вам потом.

Для мисс Невилл это, похоже, было совершенно нормальное предложение, и она ушла на кухню готовить кофе, не выказав ни удивления, ни протеста. В этот ранний час посетителей не было, и Люси обошла комнату, разглядывая старые гравюры и современные вещицы. Ей понравилось, что мисс Невилл сохранила медный дверной молоток, хоть рядом с ним и лежали циновки из рафии. Потом они с Детерро сели за столик у окна, выходившего на деревенскую улицу. Раньше, чем им принесли кофе, в комнату вошла пара, муж и жена, средних лет, приехавшие в машине. Похоже, они искали именно эту чайную. Машина была такая, какой обычно пользуются провинциальные врачи — прослужившая уже два или три года и экономно расходующая бензин. Однако женщина, вышедшая из машины и, смеясь, что-то сказавшая мужу, совсем не была похожа на типичную жену врача. Седая, стройная, с длинными ногами и узкими ступнями, обутыми в хорошие туфли. Люси с удовольствием смотрела на нее. Нечасто в наши дни можно увидеть красивую фигуру; щегольство заменило породу.

— В моей стране у такой женщины был бы шофер и лакей в ливрее, — заявила Детерро, одобрительно посмотрев на женщину и подозрительно на машину.

Более того, подумала Люси, глядя на входившую, не так часто встретишь немолодых мужа и жену, которые бы так радовались обществу друг друга. У них был вид отдыхающих. Войдя, они как бы изучающе внимательно осмотрелись.

— Да, это здесь, — сказала женщина. — Вон окно в сад, о котором она

рассказывает, и вот и гравюра со Старым Лондонским мостом.

Они спокойно, нисколько не стесняясь, обошли комнату, разглядывая ее обстановку, и сели за столик у противоположного окна. Люси с облегчением отметила, что мужчина был именно такого типа, какого бы она выбрала в супруги для этой женщины: немного мрачноват, быть может, больше погружен в себя, чем жена, но очень хорош. Он напоминал Люси кого-то, но она не могла вспомнить — кого; кого-то, кем она восхищалась. Напоминал своими бровями. Темными, прямыми, густыми, низко нависающими над глазами. Костюм на нем был, как заметила Люси, очень старый, хорошо отутюженный и в полном порядке, но имеющий вид много раз бывавшего в чистке, что и выдает возраст одежды. Твидовый костюм женщины тоже выглядел достаточно потертым, а чулки были заштопаны — очень аккуратно заштопаны — у щиколотки. Ее руки выдавали привычку к домашней работе, а красивые седые волосы были вымыты дома и незавиты. Что же заставляло эту женщину, которая явно вела постоянную борьбу с недостатком средств, так радоваться? Сознание того, что вот она отдыхает вместе с любимым мужем? От этого ли ее серые сияющие глаза светились почти детской радостью?

Мисс Невилл вошла в комнату с кофе и большой тарелкой нарезанного кусками пирога, пахнувшего ванилью, замечательно свежего, с хрустящей корочкой по краям. Люси решила не думать о своем весе и получать удовольствие. Такое решение, увы, она принимала слишком часто.

Разливая кофе, она услышала, как мужчина говорит:

— Доброе утро. Мы приехали с самого Запада попробовать ваши жаренные на сковороде пирожки. Можете вы приготовить их для нас или вы утром очень заняты?

— Если вы заняты, то не надо, — сказала женщина с руками, носившими следы домашней работы. — Мы поедем этого пирога, он пахнет так вкусно.

Нет, мисс Невилл сейчас приготовит жареные пирожки. Тесто у нее заранее не замешано, с сожалением пояснила она, поэтому пирожки не будут такими замечательными, как когда они делаются из хорошо подошедшего теста, но не так часто ей заказывают их летом.

— Да, я тоже так думаю. Но наша дочь, она учится в Лейсе, так часто рассказывала о них, и это, быть может, наш единственный шанс их попробовать.

Женщина улыбнулась, наполовину, похоже, — мысли о дочери, наполовину — собственному ребяческому желанию.

Значит, это родители кого-то из студенток.

Интересно, кого же, подумала Люси, наблюдая за ними поверх своей чашки с кофе.

Может быть, Бо. О нет, Бо из богатой семьи. Тогда кого же?

Она бы не прочь приписать их Дэйкерс, но были сомнения. Головка с волосами как кудель вряд ли могла быть унаследована от этого серьезного брюнета, да и такая спокойная умная женщина не могла родить такую невероятную сумасбродку, как Дэйкерс.

И тут Люси внезапно поняла, чьи это брови.

Мэри Иннес.

Это родители Мэри Иннес. И каким-то удивительным образом стала понятна сама Мэри Иннес. Ее серьезность; то, что кажется, будто она принадлежит другому веку; то, что она не считает жизнь очень веселой штукой. Иметь определенные представления о том, как хотелось бы жить и не иметь достаточно денег, чтобы жить по этим стандартам — не очень радостная комбинация для девушки, будущее которой целиком зависит от того, насколько успешно закончит она курс обучения.

В тишине, наступившей после ухода мисс Невилл, Люси услышала собственный голос:

— Простите, ваша фамилия Иннес?

Они повернулись, изумленные; потом женщина улыбнулась и проговорила:

— Да. Мы где-нибудь встречались?

— Нет, — ответила бедная Люси, покраснев слегка, как это обычно бывало, когда из-за собственной импульсивности она оказывалась в неловком положении. — Просто я узнала брови вашего мужа.

— Мои брови!? — удивился мистер Иннес, но его жена, соображавшая быстрее, рассмеялась.

— Конечно! — воскликнула она. — Мэри! Значит, вы из Лейса? Вы знаете Мэри? — Когда она произносила эти слова, ее лицо засветилось, а голос зазвенел. «Вы знаете Мэри?» Значит, она так счастлива сегодня потому, что увидит дочь?

Люси объяснила, кто она такая, и представила Детерро, которая была необыкновенно довольна, обнаружив, что эта очаровательная пара все о ней знает.

— Мы знаем о Лейсе почти все, — сказала миссис Иннес, — хотя никогда в нем не были.

— Никогда не были? Кстати, может быть, вы пересядете к нам, и мы вместе выпьем кофе?

— Лейс слишком далеко, мы не могли приехать и осмотреть его

прежде, чем Мэри поступила туда. Поэтому мы решили подождать, пока она закончит курс и приехать на Показательные выступления.

Люси сделала вывод, что только непосильные расходы вынудили мать Мэри Иннес ждать несколько лет, иначе она бы приехала в Лейс просто посмотреть, как живет ее дочь.

— А теперь вы едете туда, конечно?

— Нет. Как ни странно, нет. Мы едем в Ларборо, мой муж — он врач — должен присутствовать там на съезде. Несомненно, мы могли бы заехать в Лейс, но сейчас неделя выпускных экзаменов, и если родители без всякой причины неожиданно свалятся ей на голову, это только отвлечет Мэри. Трудновато, правда, проехать мимо, когда она — так близко, но мы так долго ждали, подождем еще дней десять. Вот только мы не смогли удержаться, свернули с главного Западного шоссе и заехали в Бидлингтон. Мы не думали, что встретим здесь кого-нибудь из Лейса рано утром, особенно в экзаменационную неделю, а нам очень хотелось увидеть место, о котором Мэри столько рассказывала.

— Ведь в день Показательных выступлений у нас не будет времени, — добавил доктор Иннес. — Так много надо будет посмотреть. Удивительно разностороннее обучение, не правда ли?

Люси согласилась и рассказала, какими разнообразными показались ей миры, представшие перед ней в первый вечер в преподавательской гостиной.

— Вот-вот. Мы были немного удивлены, когда Мэри избрала эту специальность — она никогда не проявляла особого интереса к спорту, я думал, что она пойдет учиться медицине, но она сказала, что хочет получить многогранную профессию и, похоже, она нашла то, что хотела.

Люси вспомнила, какая целеустремленность виделась ей в этих прямых бровях. Она была права в своих физиономических наблюдениях. Если у Мэри Иннес есть честолюбивые замыслы, она с ними легко не расстанется. Право, брови — полезнейшая вещь. Когда психология выйдет из моды, она, Люси, напишет книгу о физиономистике. Под псевдонимом, конечно. К физиономистике не очень хорошо относятся в среде интеллигенции.

— Ваша дочь очень красива, — неожиданно сказала Детерро. Она проглотила большой кусок пирога и, почувствовав удивление четы Иннес, которые внезапно замолчали, посмотрела на них: — В Англии не принято поздравлять родителей с красотой их дочерей?

— Нет-нет, — торопливо сказала миссис Иннес, — все в порядке, просто мы никогда не считали Мэри красивой. Конечно, на нее приятно

смотреть; по крайней мере, мы так думаем; но родители всегда склонны несколько преувеличивать достоинства единственной дочери. Она...

— Когда я впервые приехала в Лейс, — снова заговорила Детерро, протягивая руку еще за одним куском пирога (как только ей удастся сохранять фигуру!), — шел дождь, на деревьях, как дохлые летучие мыши, висели грязные листья и падали на всех, а все носились кругом и кричали: «О, дорогая, как поживаешь? Ты хорошо провела каникулы? Дорогая, ты не поверишь, я оставила свою новую хоккейную клюшку на платформе в Крю!» И тут я увидела девушку, которая не бегала и не кричала и была похожа на портрет моей пра-пра-прабабушки, который висит в столовой дома внучатого племянника моей бабушки, и я сказала себе: «В конце концов, здесь не сплошное варварство. Если бы это было так, этой девушки здесь бы не было. Остаюсь.» Мисс Пим, пожалуйста, можно еще кофе? Ваша дочь не только красива, она единственная красивая девушка в Лейсе.

— А как же Бо Нэш? — проявила лояльность Люси.

— В Англии на Рождество — мисс Пим, пожалуйста, чуть-чуть молока — журналы стараются быть развлекательными и печатают яркие красивые фотографии, которые можно окантовать и повесить над плитой на кухне, чтобы порадовать сердца кухарки и ее друзей. Эти картинки очень блестят...

— Ну, это явная клевета! — воскликнула миссис Иннес. — Бо хорошенькая, очень хорошенькая, и вы знаете это. Я забыла, — обратилась она к Люси, — что вы всех их знаете. Бо — единственная, с кем мы знакомы; она гостила у нас однажды на каникулах на Пасху; когда на Западе погода мягче, чем в остальной Англии; а Мэри один раз жила у них несколько недель летом. Мы были в восторге от Бо. — она повернулась за поддержкой к мужу, который, казалось, слишком погрузился в свои мысли.

Доктор Иннес встрепенулся — у него был крайне утомленный вид перегруженного работой G.P.^[27], наконец-то присевшего отдохнуть, и его мрачноватое лицо приняло мальчишеское, слегка злобное выражение, сквозь которое просвечивала нежность.

— Было очень непривычно видеть, как наша всезнайка, полагающаяся только на себя, позволяет собой командовать, — проговорил он.

Миссис Иннес явно не ожидала такого высказывания, но решила извлечь из него пользу.

— Быть может, — сказала она, как будто эта мысль только что пришла ей в голову, — потому, что мы всегда относились к самостоятельности Мэри как к чему-то само собой разумеющемуся, ей было приятно дать покомандовать собой. — А затем, обращаясь к мисс Пим: — Мне кажется,

они так дружны, потому что дополняют друг друга. Я рада этому, Бо нам очень нравится и, потом, у Мэри никогда не было близкой подруги.

— Очень напряженная программа обучения, правда? — произнес доктор Иннес. — Я иногда заглядываю в тетради дочери и поражаюсь, зачем им дают все то, что даже врачи забывают, как только закончат медицинские школы.

— Сечение villi, — вспомнила Люси.

— Да, что-то вроде этого. Похоже, вы за четыре дня стали очень эрудированной в медицине.

Появились пирожки, и несмотря на то, что тесто «не поднялось», ради того, чтобы их попробовать, стоило приехать с самого Запада. Всем было очень весело. Люси чувствовала, что комната, действительно, была как будто пропитана радостью, что радость окутывала все, как лившийся снаружи солнечный свет. Даже лицо доктора приобрело довольный и размягченный вид. Что же касается миссис Иннес, Люси редко приходилось видеть, чтобы на лице женщины отражалось такое счастье — одно то, что она находится в комнате, где часто бывала ее дочь, казалось, было чем-то вроде общения с ней, а через несколько дней она увидит ее саму и они вместе порадуются ее успехам.

Если бы я вернулась в Лондон, подумала Люси, мне никогда не пришлось пережить подобное. Что бы я сейчас делала? Одиннадцать часов. Пошла бы погулять в парк и решала бы, как избежать приглашения в качестве почетного гостя на какой-нибудь литературный обед. Вместо этого у меня есть вот что. И все это потому, что доктору Найт захотелось поехать на медицинскую конференцию. Нет, потому, что давным-давно Генриетта заступилась за меня в школе. Подумать только, все, что происходит сейчас, в это залитое солнцем английское июньское утро, началось в темной школьной раздевалке, заполненной маленькими девочками, надевающими галоши. Что же такое первопричина вообще?

— Было очень приятно, — сказала миссис Иннес, когда все опять вышли на деревенскую улицу. — И как славно, что скоро мы снова встретимся. Ведь вы будете в Лейсе в день Показательных выступлений?

— Надеюсь, буду, — ответила Люси и подумала, удобно ли так долго пользоваться гостеприимством Генриетты.

— И помните, что вы обе дали честное слово и торжественно обещаете никому не рассказывать о нашей сегодняшней встрече, — сказал доктор Иннес.

— Обещаем, — ответили Люси и Детерро, глядя, как их новые друзья усаживаются в машину.

— Как ты думаешь, я смогу развернуться за один раз и не задеть здание почты? — спросил доктор Иннес в раздумье.

— Мне бы ужасно не хотелось увеличивать число бидлингтонских мучеников, — проговорила его жена. — Скучное общество. С другой стороны, что за жизнь без риска?

Доктор Иннес запустил мотор и проделал рискованный маневр. Ступица его переднего колеса оставила легкую царапину на девственно-белой стене почты.

— Метка Джервиса Иннеса, — сказала миссис Иннес и помахала рукой. — До дня Показательных выступлений — и молитте Бога о хорошей погоде! Au revoir!^[28]

Посмотрев, как, становясь все меньше и меньше, удаляется по деревенской улице машина, Люси с Детерро повернули к полевой тропинке, к Лейсу.

— Какие милые люди! — проговорила Детерро.

— Очаровательные. Подумать только, мы бы никогда с ними не познакомились, если бы вам сегодня утром до смерти не захотелось выпить хорошего кофе.

— Скажу вам по секрету, мисс Пим, это тот тип англичан, к которому все другие нации испытывают необыкновенную зависть. Такие спокойные, такие воспитанные, так приятно на них смотреть. Ведь они бедны, вы заметили? Блузка у нее совсем выгорела. Она когда-то была голубой, я заметила, когда она нагнулась и воротник приподнялся. Несправедливо, что такие люди бедны.

— Нелегко ей было проехать мимо, не повидав дочь, когда она была так близко, — задумчиво сказала Люси.

— Ах, у нее есть характер, у этой женщины. Она правильно сделала, что не поехала. Старшие на этой неделе ни одной своей частичкой не могут интересоваться посторонними делами. Выньте хоть одну единственную частичку, и — хоп! — все рухнет. — Нат Тарт сорвала росшую на берегу у моста крупную маргаритку и фыркнула (это был первый смешок, который Люси услышала от нее): — Интересно, как мои коллеги справляются с загадками типа «одна-нога-за-линией-поля».

А Люси подумала, интересно, как ее саму опишет Мэри Иннес, когда в воскресенье будет писать родителям.

Как сказала миссис Иннес, забавно будет вернуться домой и прочесть, что напишет о вас Мэри в воскресном письме. Это похоже на теорию относительности. Как будто вернуться в прошлый вечер.

— Странно, что Мэри Иннес напоминает вам чей-то портрет, —

сказала она Детерро. — Потому, что мне тоже.

— Ах, да, прабабушку моей бабушки. — Детерро бросила маргаритку в воду и смотрела, как течение унесло ее под мост дальше, так что скоро она скрылась из виду. — Я не стала говорить этого милым Иннесам, но моя пра-пра-прабабушка не пользовалась особой любовью у своих современников.

— О? Может быть, она была застенчивой? То, что мы называем комплексом неполноценности?

— Мне об этом ничего не известно. Ее муж умер очень вовремя. Для женщины всегда неприятно, когда ее муж умирает очень вовремя.

— Вы хотите сказать, она его убила!? — От испуга Люси остановилась, как вкопанная.

— О, нет. Скандала не было, — произнесла Детерро с укоризной. — Просто ее муж умер очень вовремя. Он слишком много пил, был заядлым игроком и не очень привлекательным человеком. И была гнилая ступенька на верху лестницы. Очень высокой лестницы. И однажды он наступил на нее, когда был пьян. Вот и все.

— А она потом еще раз вышла замуж? — спросила Люси, переварив это сообщение.

— О, нет. Она ни в кого не была влюблена. У нее был сын, которого надо было воспитывать, и поместья — теперь они были в безопасности, когда некому стало проигрывать их в карты. Она прекрасно управляла поместьями. От нее и моя бабушка унаследовала свой талант. До того, как приехать из Англии, чтобы выйти замуж за дедушку, бабушка никуда не выезжала из своего округа, Чарльз-стрит, Первый Западный. А через полгода она управляла поместьем. — Детерро вздохнула, выражая восхищение. — Удивительные люди, эти англичане.

VIII

Мисс Пим сидела в роли наблюдателя на письменном экзамене по патологии, чтобы дать мисс Люкс время для проверки и проставления оценок предыдущих работ. На цыпочках вошла маленькая секретарша мисс Ходж и почтительно положила перед ней на стол пришедшую на ее имя почту. Мисс Пим, хмурясь, просматривала экзаменационные вопросы и думала, как плохо соотносятся слова типа *arthritis gonorrhoeica* или *suppurative teno-synovitis* с чистым воздухом летнего утра. *Emphysema* звучала не так ужасно; такое название садовник мог бы дать какому-нибудь цветку. Какому-нибудь сорту водосбора, например. И *Cuphosis* Люси могла представить себе как родственника георгина. *Myelitis* был бы, наверно, мелким вьющимся растением с яркосиними цветами, которые бы имели тенденцию розоветь, если за ними плохо ухаживали. *A tabes dorsalis* явно был экзотичным цветком из рода тигровых лилий, дорогим и чуть-чуть неприличным.

Chorea. Sclerosis. Pes Varus.

Господи Боже, неужели эти юные девицы знают все это? Назначить лечение той или иной болезни в зависимости от того, была ли она а) наследственной, б) вызвана травмой или в) вызвана истерией? Ну-ну. Как она могла так заблуждаться, что даже испытывала некое покровительственное чувство по отношению к этим юным созданиям? С возвышения, на котором стоял ее стол, мисс Пим с нежностью посмотрела на студенток. Все усерднейшим образом писали. Лица были сосредоточенные, но не очень встревоженные. Только Роуз казалась обеспокоенной, и Люси подумала, что ей больше идет выражение беспокойства, чем самодовольства, и от сочувствия удержалась. Дэйкерс, не отрываясь, писала, водя носом по бумаге, высунув язык; заканчивая одну строчку и начиная другую, она машинально вздыхала. Бо имела самоуверенный и независимый вид, как будто она писала приглашения; сомнения никогда не тревожили ее; ни ее нынешняя жизнь, ни будущее положение не таили в себе никакой опасности. Лицо Стюарт под яркорыжими волосами было бледным, но на губах играла легкая улыбка: будущее Стюарт тоже было определено. Она поедет в школу Кордуэйнерса, вернется домой, в Шотландию, и заберет с собой свои диски. В субботу Люси собиралась на вечеринку, которую устраивала у себя в комнате Стюарт. («Мы не приглашаем преподавателей на свои вечеринки, но

поскольку вы не штатный преподаватель, вас можно позвать как друга»). Четверо Апостолов, занявшие первый ряд, время от времени бросали друг на друга ободряющие взгляды; это была их будущая специальность, и мелочи, которых они не знали, можно было спокойно не упоминать. Манчестер действительно должен был получить за свои деньги нечто стоящее. Иннес, сидевшая у окна, изредка подымала голову и смотрела в сад, как бы ища поддержки; ей не требовалась помощь, это явствовало из того, как неспешно и спокойно продвигалась она в своих ответах на вопросы; она поворачивалась взглянуть в сад как бы за неким духовным утешением, словно говорила: «И ты, Красота, все еще здесь. Мир все еще существует за стенами аудитории». Иннес выглядела так, как будто колледж забрал все ее силы. Складка, идущая от носа ко рту, все еще оставалась на месте.

С аккуратно убранного стола мисс Люкс Люси взяла нож для бумаги и стала разбирать полученную почту. Три афиши. Распечатывать их, нарушая тем самым священную тишину, было необязательно. Квитанция. Годовой отчет. Большой квадратный темноголубой конверт из очень плотной и очень дорогой бумаги, на клапане которого яркокрасными выпуклыми буквами было отпечатано МИЛЛИСЕНТ КРЭЙ (действительно, инстинкт саморекламы у актрис не знает пределов), в котором наверняка содержалось пять строчек, написанных размашистым почерком, с огромными заглавными буквами, выражающих благодарность за ее, мисс Пим, вклад в Благотворительный Фонд. Оставалось только письмо миссис Монморанси. Его-то Люси и вскрыла.

Маддам, (писала миссис Монморанси)

Я сделала как вы сказали и послала посылку Фред отнес ее на Вигмор стрит по дороге на работу квитанцию фклдываю положила голубую и блуску и белье как вы сказали а ваша розовая ночная рубашка есчо не вернулас с прачечной так я положила бежевую надеюс ничево.

Маддам, пожалуста не думайте што я много себе пазваляю но это хорошо. Это не жизнь для женщины с книгами и без молодой компании пожалуста не думайте што я себе много пазваляю но вы самая милая леди у которой я когда нибудь работала Фред гаварит то же самое гаварит посмотриеть вокруг не то что писать пошалуста не думайте што я много себе пазваляю.

С уважением
Ваша миссис Монморанси
P.S. Железную щетку засунула в замшевые туфли.

В последующие пятнадцать минут Люси переживала разнообразные чувства: она была тронута отношением к ней миссис Монморанси, рассердилась на прачечную и решила, что зря платит налог на образование. Не закрытые средние школы нужны, а много начальных, где в классах учеников будет не более десяти — двенадцати в каждом, где будущие миссис Монморанси научатся Трем Р^[29]. Старый МакЛин, покойный садовник у них дома, бросил школу, когда ему было двенадцать лет, но он мог написать письмо не хуже, чем ее любой университетский знакомый. А почему? Потому что он ходил в маленькую деревенскую школу, где были небольшие классы и хороший учитель. И еще, конечно, потому, что он жил в эпоху, когда «три Р» значили больше, чем бесплатная раздача молока в школах. Его научили грамоте, а остальное уж зависело от него самого. Он жил на лепешках из белой муки и крепком чае и умер, до конца оставаясь крепким и бодрым, в возрасте девяноста двух лет.

От этих размышлений Люси оторвала мисс Роуз. На лице у мисс Роуз появилось новое выражение, и Люси это новое выражение совсем не понравилось. Ей приходилось видеть на лице мисс Роуз отчаяние, елейность, самодовольство, тревогу, но до сих пор у нее не было такого вида, будто она что-то скрывает.

Что она могла скрывать?

Люси с любопытством минуту — две наблюдала за девушкой.

Роуз подняла голову, поймала взгляд мисс Пим и быстро отвела глаза. Выражение «как будто она что-то скрывала» исчезло с ее лица. Его сменило выражение «деланное безразличие». Люси прекрасно знала это выражение. Недаром она была классной руководительницей Четвертого класса начальной школы. Когда кто-нибудь ел запретные сласти, у него на лице обязательно появлялось такое выражение. Оно же бывало на лицах тех, кто на уроках французского делал задания по арифметике.

Оно присутствовало и на лицах тех, кто списывал на экзаменах.

Что там говорила Генриетта? «Ей трудно даются письменные задания».

Так.

Эмфизема и прочие штуки, звучащие как названия цветов. — все это было слишком трудно для мисс Роуз, вот она и решила немного помочь себе. Вопрос был в том, что это за помощь и где она? На коленях ее нет.

Столы были открыты спереди, так что держать на коленях шпаргалку было опасно. И на ногтях вряд ли можно было написать многое из предмета патологии; ногти годились только для формул. Гораздо вероятнее — записки в рукаве, либо укрепленные с помощью резинки, либо просто спрятанные; но у этих девушек рукава только до локтя. Тогда что же? Где? А может быть, она просто заглянула в листки О'Доннел, сидевшей впереди, или Томас — справа от нее?

Люси переждала пару минут, снова обратившись к своей корреспонденции. Все школьные учительницы знали эту уловку. Безразличным как будто взглядом она обвела Старших и вернулась к своим письмам. Потом подняла глаза и направила их прямо на Роуз. Голова Роуз склонилась низко над бумагой, а в ее левой руке был зажат носовой платок. Ну, даже на носовом платке невозможно написать что-нибудь полезное по предмету с таким обширным материалом как патология, и платком трудно манипулировать; с другой стороны, носовой платок не был в Лейсе привычным предметом обихода, и наверняка сейчас никто больше не сжимал его в руке и не вытирал им время от времени нос. Люси решила, что каковы бы ни были источники информации Роуз, они находились в ее левой руке. Стол Роуз стоял в конце ряда у окна, так что слева была стена. Все, что она проделывала левой рукой, никто не мог видеть.

Ну, подумала Люси, что в таких случаях делать?

Пройти через всю комнату, попросить показать платок и обнаружить, что это квадратный кусочек материи, девять на девять дюймов, с инициалами хозяйки, аккуратно вышитыми в углу, чисто выстиранный, как это делают в хорошей прачечной?

Потребовать платок и вызвать скандал, который как ураган обрушится на всех Старших в момент, когда они наиболее уязвимы?

Позаботиться, чтобы у Роуз не было возможности воспользоваться своими источниками информации, и промолчать?

Последнее, очевидно, было самым разумным. Вряд ли до настоящего момента девушка успела по-серьезному воспользоваться этой помощью; по отношению к другим не будет несправедливостью сделать ей этот маленький подарок.

Люси поднялась, вышла из-за стола, направилась к другому концу комнаты и встала там, прислонившись к стене. Томас сидела справа от нее, Роуз слева. Томас на минуту перестала писать и, быстро улыбнувшись, посмотрела на Люси. Роуз не подняла головы. Люси увидела, как горячая кровь прихлынула к шее девушки и та стала пунцовой. При этом она тут же убрала носовой платок — или что там было у нее в руке — в карман своей

туники.

Ну вот, она расстроила злонамеренные махинации, но удовлетворения при этом не почувствовала никакого. Люси впервые пришло в голову, что то, что в четвертом младшем выглядело предосудительной шалостью, на выпускных экзаменах у Старших было тошнотворно отвратительно. Она была рада, что это Роуз, а не кто-нибудь другой. Люси вернулась к своему столу на возвышении; насколько она могла видеть, Роуз больше не делала попыток помочь себе. Более того, она явно испытывала затруднения. И Люси разозлилась на себя за то, что ей стало жалко Роуз. Да, жалко. Жалко. Роуз. В конце концов, девушка работала. Работала, как сумасшедшая, если все говорили правду. Она не искала легкого пути, чтобы сэкономить силы. Просто теоретические знания давались ей трудно, почти до невозможности трудно, и в отчаянии она не устояла перед искушением.

Такой взгляд на вещи немного улучшил настроение Люси, и остаток времени на посту наблюдающей она провела совершенно спокойно, размышляя о природе шпаргалок. Она еще раз просмотрела экзаменационные вопросы, поахала над огромным количеством материала, включенного в них, и подивилась, как Роуз удалось изобрести что-то полезное и одновременно невидимое. Люси очень хотелось расспросить Роуз.

Самое вероятное объяснение — были две или три темы, которых Роуз боялась, и в помощь себе нацарапала что-то на клочке бумаги.

Иннес первая собрала исписанные листки и сколола их скрепкой. Потом она перечитала странички, время от времени делая поправки, положила стопку на стол, несколько секунд посидела, отдыхая, впитывая в себя красоту сада, потом тихо поднялась, прошла вперед и положила свою работу на стол перед мисс Пим.

— О-о-о-ой, катастрофа! — завопила Дэйкерс. — Кто-нибудь уже закончил? А у меня еще полтора вопроса впереди!

— Тсс-с, мисс Дэйкерс, — сказала Люси, как того требовал долг.

Дэйкерс одарила ее сияющей улыбкой и продолжала, не отрываясь, писать.

Стюарт и Бо сдали свои работы сразу вслед за Иннес. И вот горка листков перед мисс Пим начала быстро расти. За пять минут до конца отведенного на экзамен времени в аудитории оставались только три студентки: маленькая темноволосая Томас, которая, по-видимому, слишком много спала, чтобы быть хорошей студенткой; невозмутимая Дэйкерс, которая все еще что-то усердно писала, и раскрасневшаяся Роуз, у которой был несчастный вид барахтающегося изо всех сил человека. За две минуты

до звонка оставалась одна Роуз; похоже, она была в замешательстве, в отчаянии; она в спешке листала свои странички, что-то вычеркивала, исправляла, добавляла.

Раздавшийся пронзительный трезвон положил конец ее нерешительным действиям; чему быть, того не миновать. Она поспешно собрала свои листки, и отнесла их на стол Люси, хорошо зная, что звонок означает требование немедленно появиться в гимнастическом зале и что фрекен не сочтет даже такое тяжелое испытание, как письменный экзамен, достаточным оправданием опоздания. Люси ожидала, что Роуз постарается не встречаться с ней глазами или, по крайней мере, будет чувствовать себя не в своей тарелке. Однако Роуз удивила ее, искренне улыбнувшись и еще более искренне воскликнув:

— У-у-фф! Это было ужасно. — И, глубоко вздохнув, убежала вслед за остальными.

Люси раскрыла исчерканный текст и, посмотрев на него, испытала угрызения совести. Все-то она вообразила. Роуз вовсе не мошенничала. По крайней мере, систематически. Ее вид, будто ей есть что скрывать, мог быть результатом неуверенности, пришло на ум Люси. А может быть, в худшем случае, надежды подсмотреть что-нибудь у соседки. И краска, которая залила ее шею, могла быть вызвана сознанием того, что ее заподозрили. Люси прекрасно помнила время в школе, когда сознания, что ее невинный поступок мог быть дурно истолкован, было вполне достаточно, чтобы ее лицо запылало. Право, ей надо попросить у Роуз прощения. Она найдет способ принести свои извинения.

Люси аккуратно сложила стопку ответов, разобрав их по привычке в алфавитном порядке, пересчитала и отнесла наверх, в комнату мисс Люкс, радуясь, что не надо проверять их. В комнате никого не было; Люси положила стопку на стол и минуту постояла, размышляя, чем бы заняться в течение часа, оставшегося до ленча. Подумала было пойти в гимнастический зал, но решила, что если работа студенток еще до Показательных выступлений станет для нее обыденно-привычной, то на Показе ей будет неинтересно. Уговорив Генриетту разрешить ей остаться до дня Показа — долго уговаривать Генриетту, конечно, не пришлось — она не собиралась портить себе удовольствие, насмотревшись на все заранее. Люси пошла по лестнице вниз, задержалась у высокого окна на площадке — как замечательно умели строить в восемнадцатом веке! на современных лестничных площадках не станешь останавливаться; это просто углы-повороты, маленькие, опасные, освещаемые в лучшем случае круглыми, похожими на судовые иллюминаторы оконцами; а отсюда ей

были видны вязы на поле позади двора, спускавшемся к реке. Она пойдет немного полюбуется лютиками. Когда летом выдается свободный час, не придумать лучшего занятия, чем пойти полюбоваться полем лютиков. Люси спустилась с лестницы и пошла вдоль крыла, а затем по крытому переходу к гимнастическому залу, к полям.

Когда она шла по переходу, ее взгляд наткнулся на какое-то яркое пятнышко в траве, росшей по краям дорожки. Сначала ей показалось, что это лепесток какого-то цветка, и она прошла было мимо, но тут заметила, что это предмет квадратной формы и отнюдь не лепесток. Люси вернулась обратно и подняла этот предмет — крошечную записную книжечку в потертой красной кожаной обложке. Вероятно, когда-то она была приложением к дамской сумочке, но это было очень давно, потому что и такая кожа, и такой способ ее выработки сейчас почти не встречались. Размышляя о том, какой женственной была, наверно, эта больше не существующая сумочка с ее набором принадлежностей — там, конечно, был маленький флакончик для духов, золотой карандашик и костяная табличка, чтобы записывать приглашения на танец — Люси открыла книжку и на странице, сплошь исписанной очень мелким почерком, прочла: «Пат.анат.измен.как травм.Фибрин в синов.чл.Ткани сокращ. от фибр.сиксл.образ.на костях.Анхимоз.Лихорадка.»

Смысл этой информации был для Люси непонятен, но цель абсолютно ясна. Люси полистала странички, убедилась, что все они покрыты такими же записями в сокращенном виде. Даже на страничке X, на которой обычно владелицы таких книжек записывали размер новых занавесок или интересную историю, которая сможет стать украшением речи на собрании во вторник, даже на страничке X были загадочные заметки о лучах. Больше всего ошеломил Люси всеохватный характер записей, их преднамеренность. Это не был результат паники, охватившей человека в последнюю минуту; это была хладнокровная страховка против провала. По аккуратности и методу составления заметок было похоже, что они велись по мере изучения очередной темы. Если бы книжка была нормального размера, все это выглядело бы как конспект предмета. Но пишущий конспект никогда не выберет для этого книжку размером с почтовую марку, если можно купить книжку обычного размера всего за несколько пенсов. Для того, чтобы записи можно было прочесть, требовалось делать их чертежным пером, и выбор книжки такого размера имел только одно объяснение.

Люси очень хорошо понимала, что произошло. Роуз на бегу вытащила носовой платок. Записную книжку она до этого никогда в карман не клала,

мысли ее были заняты только тем, что она плохо ответила на вопросы да еще страхом опоздать на гимнастику, так что она доставала платок, не забывая об осторожности. И маленькая книжка упала на траву у края дорожки.

Люси обошла гимнастический зал и через калитку вышла в поле, но лютиков она не видела. Медленно шла она по полю, направляясь к спокойной прохладе под ивами, к тихой темной воде. Опершись на перила мостика, она наклонилась над рекой и, глядя на колышущиеся водоросли и всплескивающую временами рыбу, стала думать о Роуз. Фамилии на форзаце не было, следовательно, никакого способа определить хозяйку книжки тоже не было. В большинстве школ теперь учат писать и шрифтом, и скорописью, и шрифт гораздо труднее опознать. Конечно, эксперт по почеркам, без сомнения, легко определит автора, но что потом? Доказательств, что книжкой пользовались с незаконной целью, не существовало, как вообще не существовало доказательств того, что конспект составлен с дурными намерениями — хотя подозрение было очень сильно. Если она отдаст Генриетте книжку как вещь, которую кто-то потерял, а она нашла, что произойдет? Никто не явится востребовать ее, и Генриетта окажется перед фактом, что одна из ее Старших подготовила конспект, который очень удобно спрятать в ладони на экзамене.

Если же ничего не сказать, то наказанием для Роуз послужит то, что ее в течение всей жизни будет мучить вопрос — что случилось с книжкой. Люси решила, что такое наказание вполне соответствует совершенному преступлению. Она еще раз перелистала крошечные странички рисовой бумаги, снова подивилась эдвардианской элегантности книжки и, перегнувшись через перила, бросила ее в воду.

На обратном пути домой Люси подумала, что интересно бы узнать, как сдала Роуз выпускные экзамены по другим предметам. Запомнить патологию не сложнее, чем кинезиологию или еще какой-нибудь мало вразумительный предмет, изучаемый в Колледже физического воспитания. Как справлялась с ними «трудная студентка» Роуз? Была ли маленькая красная книжечка одной из пяти или шести? Стоило ли покупать чертежное перо только для одного предмета? Конечно, если хорошенько поискать, можно купить маленькую записную книжку, но не такую изящную и такую крошечную, как эта. Скорее всего, обладание этой красной малюткой натолкнуло Роуз на мысль использовать ее в качестве страховки от провала.

Люси вспомнила, что результаты предыдущих экзаменов, должно быть, вывешены на доске у студенческого входа и вместо того, чтобы направиться к переднему фасаду дома, как она собиралась, повернула к

двери, которая вела в дом со двора. На обтянутой зеленой байкой доске было приколото несколько листков с результатами Младших и три — с результатами Старших. Люси с интересом стала их читать.

ВЫПУСКНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ по ФИЗИОЛОГИИ

С отличием

Мэри Иннес — 93

Первая степень

Вильгельмина Хэсселт — 87

Памела Нэш — 86

Шина Стюарт — 82

Полин Льюкас — 79

Дженет Гэйдж — 79

Барбара Ройз — 77

Вторая степень

Дороти Литтлджон — 74

Беатрис Эппллард — 71

Джоан Дэйкерс — 69

Эйлин О'Доннел — 68

Маргарет Кемпбелл — 67

Рут Уэймарк — 66

Лилиан Мэттьюз — 65

Остальные, получившие более низкие отметки, просто «Сдали». Как видно, Роуз «проскреблась» в первую степень за счет двух очков.

МЕДИЦИНА

Первая степень

Полин Льюкас — 89

Памела Нэш — 89

Мэри Иннес — 89

Дороти Литтлджон — 87

Рут Уэймарк — 85

Вильгельмина Хэсселт — 82

Шина Стюарт — 80

Лилиан Мэттьюз — 79

Барбара Роуз — 79

Вторая степень

Дженни Бертон — 73

Дженет Гэйдж — 72
Эйлин О'Доннел — 71
Джоан Дэйкерс — 69
Остальные — «Сдали».

И снова Роуз сумела попасть в «Первую степень».

КИНЕЗИОЛОГИЯ

С отличием

Мэри Иннес — 96

Первая степень

Полин Льюкас — 89

Памела Нэш — 88

Шина Стюарт — 87

Вильгельмина Хэсселт — 85

Рут Уэймарк — 80

Дженет Гэйдж — 79

Джоан Дэйкерс — 78

Барбара Роуз — 78

Опять первая степень! Три «первых» места из трех попыток. И это девушка, которая испытывала серьезные трудности в письменных работах? Появилось очень сильное подозрение в том, что существовали и другие маленькие записные книжки.

Ну, ладно. Сегодня пятница, завтра конец выпускных экзаменов, вряд ли Роуз после сегодняшнего утреннего случая воспользуется какой-нибудь помощью на завтрашнем экзамене. Маленькая книжка, приготовленная на завтра, если она существует, останется мертворожденной.

Пока Люси читала списки (приятно было увидеть, что Дэйкерс, по крайней мере, по одному предмету вошла в число «первых»), появилась мисс Люкс с результатами вчерашнего экзамена.

— Благодарю, что вы принесли ответы по патологии, — сказала она, — и что посидели на экзамене. Я смогла проверить эти.

Большим пальцем она вдавила кнопку в доску и немного отошла назад взглянуть на список.

ГИГИЕНА

С отличием

Мэри Иннес — 91

Первая степень

Памела Нэш — 88

Вильгельмина Хэсселт — 87

Шина Стюарт — 86

Полин Льюкас — 81

Барбара Роуз — 81

— Барбара Роуз — восемьдесят один! — не успев подумать, воскликнула Люси.

— Да, удивительно, не правда ли? — отозвалась мисс Люкс спокойно. — Но она работает как негр. Она так блистает в физических упражнениях, что, наверно, ее сводит с ума мысль, что она может оказаться в чем-то последней.

— Иннес, похоже, привычно возглавляет списки.

— О, Иннес здесь только теряет время.

— Почему? Чем больше интеллекта человек вкладывает в свою специальность, тем лучше, не так ли?

— Да, но с таким интеллектом, как у Иннес, можно быть во главе списков, вызывающих гораздо больший трепет, чем эти. Она впустую тратит свой талант.

— Мне почему-то кажется, что за сегодняшний экзамен Роуз не получит восьмидесяти одного балла, — сказала Люси, когда они с мисс Люкс отошли от доски.

— Почему? Ей было трудно?

— Она еле вылезла, — ответила Люси, надеясь, что в ее голосе не слишком явно прозвучала радость. — Ну и жизнь! — добавила она, когда прозвонил колокол «за пять минут до гонга» и толпа мокрых от пота Старших вылетела из гимнастического зала, срывая с себя на бегу туники, и бросилась в ванны, чтобы успеть принять душ. — Только подумать, как неспеша мы осваивали науки. В университете, я имею в виду. Когда мы сдавали выпускной экзамен, то остаток дня был почти всегда целиком наш, чтобы можно было прийти в себя. А для этих юных созданий экзамен — часть распорядка рабочего дня.

Из ванных комнат доносились несвязные крики. «Ох, Донни, свинство, это мой душ!» «Ну-ка, животное, слезь с моей ноги!» «О нет, детка, это мои трусы!» «Кинь-ка мне туфли, Грингэйдж, пол совсем мокрый.» «Нельзя ли не открывать так сильно холодную воду, ты, колода!»

— А знаете, им это нравится, — сказала Люкс. — В глубине души они любят и беготню, и тяжелую работу. Это позволяет им чувствовать свою

значимость. Мало у кого из них в будущем будут основания ощутить свою значительность, так что хорошо, что они получают, по крайней мере, представление, что это такое.

— Вы циник, — заявила Люси.

— Нет, психолог. — Мисс Люкс на ходу кивнула в сторону, откуда доносились шум и гвалт. — Похоже на вольную борьбу, правда? Как будто все отчаянно злятся. Но это все игра. Через пять минут они будут сидеть в столовой, как порядочные дети, и все волосы будут пригнаны один к одному.

Так и было. Когда через пять минут преподаватели проследовали к своему столу, драчуньи-разбойницы из ванн чинно стояли позади своих стульев, спокойные, причесанные, погруженные целиком в мысли о еде. И правда, дети. Каким бы душераздирающим не было их горе, завтра оно будет забыто в игре. Абсурдно думать о них, как о встревоженных взрослых людях, с дрожью удерживающихся на пределе своих сил. Они непостоянны, как дети; их горести шумны, кричащи и... преходящи. Люси в течение пяти дней, с того самого часа, как Нат Тарт под кедром в прошлую субботу выказала глубокомысленную проницательность, все время искала хоть намек на какие-нибудь отклонения, на аномальность, неуправляемость, и что? Она обнаружила один единственный совершенно нормальный и прекрасно управляемый пример нечестного поведения, ничем не выдающийся, разве что ловкостью исполнения.

— Как славно, — проговорила Генриетта, положив себе на тарелку нечто похожее на пирог с сыром и овощами. — Я получила место в Уэльсе для маленькой мисс Томас. Возле Аберисвита. Я так рада.

— В этом Уэльсе очень усыпляющая атмосфера, — подумав, сказала мадам Лефевр, уничтожив пятью тихими словами идею Генриетты.

— Да, — произнесла мисс Люкс. — Кто там будет заставлять ее бодрствовать?

— Дело не в том, кто будет заставлять ее бодрствовать, дело прежде всего в том, кто будет ее будить, — возразила мисс Рагг, алчно поглядывая на пирог. Рагг так недалеко ушла от того времени, когда сама была студенткой, что все еще продолжала испытывать постоянный голод и не отличалась гастрономическими придирами.

— Уэльс — ее родная среда, — подавленно проговорила Генриетта, — и я не сомневаюсь, что она со всем этим справится. Во всяком случае, вне Уэльса у нее нет шансов добиться каких-нибудь серьезных успехов; валлийцы необычайно провинциальны, в буквальном смысле этого слова. Я и раньше замечала, что они тяготеют к своей родной провинции. Для них

лучше всего уезжать обратно домой, если есть такая возможность. К счастью, в этом случае все очень удачно устроилось. Младшая из трех преподавательниц гимнастики. Очень подходит мисс Томас. Боюсь, она не слишком инициативна.

— Место для Томас — единственное новое предложение? — спросила Рагг, налегая на пирог.

— Нет, было еще одно, которое я хочу обсудить с вами.

Ага, подумала Люси, вот, наконец, и Арлингхерст.

— Аббатство Линг хочет, чтобы кто-нибудь целиком отвечал за младших детей и, кроме того, вел уроки танцев во всех классах. Танцам будет уделяться большое внимание. Я собираюсь отдать это место мисс Дэйкерс — она очень хорошо работает с маленькими детьми, — но я хотела бы знать, что думаете о ней вы, Мари; в отношении танцев.

— Она — корова, — сказала мадам.

— Но она очень хорошо занимается с малышами, — возразила Рагг.

— Тяжелая, как корова, — повторила мадам.

— Важно не то, как она сама танцует, — сказала Генриетта, — важно, сможет ли она научить других. Достаточно ли она знает предмет, вот в чем дело.

— О, она, конечно, знает разницу между размером на три четверти и на четыре.

— Я видела, как Дэйкерс в Вест Ларборо разучивала с малышами танцы к Рождеству, — сказала Рагг. — Это было замечательно. Я должна была написать критические замечания по ее работе, но пришла в такой восторг, что вообще забыла сделать какие-нибудь пометки. Думаю, ей это прекрасно подойдет.

— Ну, а вы, Мари?

— Не могу понять, чего вы волнуетесь, — проговорила мадам. — Все равно танцы в аббатстве Линг и сейчас в ужасном состоянии.

Такое «умывание рук» на манер Пилата, несмотря на его негативный оттенок, показалось всем достаточно положительным ответом. Ясно было, что Дэйкерс поедет в аббатство Линг. А поскольку аббатство было хорошим местом — если уж нужно было идти работать в школу — Люси порадовалась за нее. Она обвела глазами столовую, откуда, перекрывая общий гул, доносился высокий голосок Дэйкерс, рассказывающей свои впечатления от экзамена по патологии:

— Дорогая, я ответила, что сустав становится резиновым, и я уверена, что это не профессиональный термин.

— Предупредить обеих, мисс Ходж? — спросила Рагг.

— Нет, сегодня, я думаю, только мисс Томас. Мисс Дэйкерс я скажу завтра. Пусть пройдет возбуждение.

Когда преподаватели встали и пошли к дверям, Рагг повернулась к студенткам, вежливо поднявшимся со своих мест и на время примолкшим, и сказала:

— Мисс Ходж ждет мисс Томас в своем кабинете после ленча.

Это была явно ритуальная фраза, потому что шум разгорелся прежде, чем преподаватели успели дойти до двери.

— Место, Томми! Поздравляю, Томми! Урра, старушка Томми! Да здравствует Уэльс! Надеюсь, что тысяча в год, Том. Ну, разве это не прекрасно! Здорово, Томми!

А еще не было сказано ни слова про Арлингхерст.

IX

Впервые про Арлингхерст Люси услышала не от кого-то из преподавателей, а от самих студенток. Вторую половину субботы она провела с фрекен и ее матерью, помогая им шить шведские национальные костюмы, в которых Младшие должны были танцевать народные танцы в день Показательных выступлений. Погода была прекрасная, и они отнесли целую кипу простых ярких тканей в самый дальний угол сада; здесь они могли заниматься делом и любоваться чисто английским пейзажем. Матчи по крикету и теннису в эту неделю проходили на «чужой» территории, и фигуры игроков не портили девственную зелень поля за рекой. Дамы шили, окруженные дивной красотой. Фру Густавсен, похоже, наговорила своей дочери много хорошего про Люси, потому что сдержанность фрекен как будто испарилась, и Люси с радостью обнаружила, что молодая женщина, которая всегда напоминала ей блестящий на солнце снег, оказывается, умеет тепло и с удовольствием смеяться, обладает прекрасным чувством юмора. Правда, проявленные Люси способности к шитью сильно поколебали веру в нее фру Густавсен, но англичанам следует многое прощать. Фру Густавсен вернулась к разговору о пище и долго распространялась о достоинствах блюда, называемого «фрикаделлар», кажется, разновидности фарша. Люси, у которой приготовление пищи заключалось в том, чтобы нарезать на сковородку помидоры, в последний момент добавить туда все, что подлежало приготовлению и полить все сливками, сочла это длительным и сложным процессом и решила, что это не для нее.

— Вы заняты сегодня вечером? — спросила фрекен. — Мы с мамой отправляемся в Ларборо в театр. Мама еще не видела ни одной английской постановки. Мы были бы очень рады, если бы вы согласились пойти с нами.

Люси объяснила, что она приглашена на вечеринку в комнате Стюарт в честь получения ею Места.

— Я так поняла, что преподавателей обычно не зовут, но я не настоящий преподаватель.

Фрекен оглядела ее и сказала:

— А должны были бы им быть. Вы очень полезны для них.

Опять это медицинское высказывание. Как будто она лекарство.

— Каким образом?

— О, это слишком тонкая материя для моего английского, а уж тем более немецкого языка. Отчасти потому, что вы носите каблуки; отчасти потому, что они ничуть вас не боятся; отчасти — о, и еще тысяча «отчасти». Вы приехали удивительно вовремя, в тот самый момент, когда им необходимо развлечение — которое бы не отвлекало. О, Господи, как бы я хотела лучше говорить по-английски.

— Вы хотите сказать, что я — доза щелочи для желудка с повышенной кислотностью.

Фрекен неожиданно фыркнула.

— Да, именно так. Мне очень жаль, что вы не пойдете в театр, но это знак особого расположения — быть приглашенной на студенческую вечеринку, и вам, я надеюсь, понравится. Сегодня все будут веселы, ведь экзамены позади. Вот придут они с матча — и свободны на весь уик-энд. Так что в эту субботу все будут веселиться. Сорвутся с цепи, — добавила она по-английски.

И они действительно сорвались с цепи. Фрекен и ее мать направились в обход к фасаду дома, где были их комнаты, а Люси вошла со двора и на нее со всех сторон обрушился шум. Плеск воды в ваннных комнатах на обоих этажах, громкие голоса, барабанная дробь ног, бегущих по голым дубовым ступеням, крики, свист, пение. вернулись уже обе команды — судя по атмосфере, с победой — и весь дом ходил ходуном. А кроме того, он дрожал от возбуждения, и одно слово, как лейтмотив, вплеталось во все разговоры. Арлингхерст. Арлингхерст. Когда Люси, направляясь к лестнице, проходила мимо ваннных на первом этаже, она впервые услышала его.

— Ты слышала, дорогая! Арлингхерст!

— Что?

— Арлинг-херст!

Кран закрыли.

— Ничего не слышно, вода хлещет. Куда, ты говоришь?

— Арлингхерст!

— Не верю.

— Да, — вмешался третий голос. — Это правда.

— Не может быть, в Арлингхерст только что окончивших не посылают.

— Нет, это, действительно, так. Секретарша мисс Ходж сказала Джолли по секрету, а Джолли сказала своей сестре в деревне, а та — мисс Невилл из «Чайника», а мисс Невилл рассказала Нат Тарт, когда она зашла туда выпить чаю с этим своим кузенком.

— Этот жиголо опять здесь?

— Слушай, Арлингхерст! Кто бы мог подумать! А как ты думаешь, кому его отдадут?

— Ну, это ясно.

— Конечно, Иннес.

— Счастливая Иннес.

— Она заслужила это.

— Только вообрази — Арлингхерст!

И на втором этаже было то же самое — шум, плеск воды, голоса и Арлингхерст.

— Кто тебе сказал?

— Нат Тарт.

— О, Господи, она же сумасшедшая, все знают.

— Ладно, в любом случае, это место для Иннес, так что меня это не касается. Я, наверно, обращусь в С.Л.Г.^[30]

— Может, она и сумасшедшая, но ей не нужно место, и она ничего не поняла. Она даже не знала, что такое Арлингхерст, так что для нее это пустяк. Она спросила: «Это что, школа?»

— Школа! Ну и ну!

— Слушайте, дорогие мои, Ходж, наверно, совсем обалдела от гордости!

— Думаешь, она настолько обалдела, что угостит нас сегодня на ужин пирожными вместо этого молочного пудинга?

— А я думаю, Джолли еще вчера сделала пудинги, и они ждут нас, выстроившись в ряд.

— Что касается меня, пусть ждут. Я собираюсь в Ларборо.

— И я. Слушайте, Иннес здесь?

— Нет, она уже вымылась. Одевается.

— Знаете что, давайте все устроим вечеринку в честь Иннес вместо того, чтобы устраивать маленькие вечеринки каждая у себя. В конце концов, это...

— Да, давайте, хорошо? Не каждый же день человек получает такое место, и Иннес заслужила его, все будут рады, и...

— Да, давайте устроим это в общей комнате.

— Это же честь для всех. Награда Лейсу.

— Арлингхерст! Кто бы мог подумать?

— Арлингхерст!

Люси решила, что неосторожность маленькой тихой секретарши была, очевидно, вызвана тем, что она знала — новость вот-вот будет

обнародована. Даже осторожная, скрытная Генриетта не могла дольше хранить в тайне такое известие, хотя бы по той, простой причине, что Арлингхерст ждал ответа. Наверно, подумала Люси, Генриетта хотела, чтобы прошла «трудная неделя», а потом уж собиралась сделать сенсационное сообщение; Люси не могла не согласиться, что момент для сообщения был выбран очень точно.

Когда она шла по коридору к своей келье, она встретила Иннес, которая застегивала пуговицы на свежем полотняном платье.

— Ну вот, — сказала Люси, — кажется, день прошел успешно?

— Вы имеете в виду этот гвалт? — спросила Иннес. — Да, мы выиграли. Но то, что вы слышите, это не боевой клич. Это хвалебный пеан, потому что им никогда не придется переживать такую неделю.

Люси отметила про себя, что девушка бессознательно употребила слово «им». На какой-то момент она поразились спокойствию Иннес. А может быть, та еще не слышала о вакансии в Арлингхерсте? Но когда Иннес из полутьмы коридора ступила в пятно яркого света, лившегося из двери, открытой в комнату Дэйкерс, Люси увидела, что лицо девушки сияет. И ее собственная душа откликнулась, она порадовалась за Иннес. Значит, вот так она восприняла это — как будто перед ней раскрылись Небеса?

— Во всяком случае, вы выглядите счастливой, — сказала Люси, прибегая к плоско-банальному выражению, потому что никакими словами нельзя было описать того, что светилось в глазах Иннес.

— Как говорит О'Доннел, сам король мне не брат, — сказала Иннес. — Ведь вы придете на вечеринку к Стюарт, правда? Это хорошо. Там и увидимся.

Люси напудрила нос и решила пойти в «старый дом» посмотреть, как реагировали на новость об Арлингхерсте преподаватели. Может быть, там и чай еще остался. Она совсем забыла про чай и, наверно, Густавсены тоже забыли. Люси проверила бутылку шампанского, которую в ожидании вечеринки у Стюарт положила в лед, выпрошенный у мисс Джолифф, еще раз пожалела, что у виноторговца в Ларборо не оказалось года получше, но решила (весьма справедливо), что Реймс и его продукция были для студенток просто «шампанским».

Чтобы попасть в «старый дом», ей надо было снова пройти мимо спален Старших и ванн на втором этаже, и Люси показалось, что гвалт достиг нового пика интенсивности, поскольку все большее число студенток узнавали новость, комментировали ее, передавали — и все это, перекрывая шум воды, хлопанье дверей и топот ног. После этого рева и

возбуждения странными казались тишина, покойный мир «дома», его кремовые стены, мебель красного дерева, высокие окна и просторные комнаты. Люси пересекла широкую лестничную площадку и открыла дверь в гостиную. Здесь тоже было тихо, и Люси вошла, закрыла за собой дверь и только потом осознала истинное значение этой тишины, осознала, что тишина насыщена электричеством и что она, Люси, вошла в самый разгар скандала, разыгравшегося среди преподавателей. Более того, если судить по выражению лиц, скандала невероятно грандиозного. Спиной к камину, как бы заняв оборонительную позицию, стояла Генриетта, лицо ее покраснело и на нем застыло упрямое выражение; остальные смотрели на директрису гневно и обвиняюще.

Люси с радостью убралась бы восвояси, но кто-то автоматически налил чашку чая и сунул ей в руки, и она не могла поставить ее и выйти. Хотя сделать это очень хотелось по многим причинам. Чай был почти черный и совсем остывший.

Никто не обратил на Люси никакого внимания. Либо они считали ее своей, либо были слишком захвачены ссорой. Их глаза отметили ее присутствие с тем же рассеянным безразличием, с каким в вагоне поезда встречают проводника, собирающего билеты: он имеет законное право войти, но участником разговора не станет.

— Это чудовищно! — говорила мадам. — Чудовищно!

Люси впервые увидела, что мадам изменила позу Рекамье и сидела, опустив свои стройные ноги на пол.

За ее спиной стояла мисс Люкс, ее бледное лицо было бледнее обычного, а на скулах горели два яркокрасных пятна. Фрекен сидела, откинувшись на спинку одного из обитых ситцем стульев, и вид у нее был высокомерный и мрачный. А Рагг, у окна, выглядела одновременно смущенно и сердито, как будто ей, лишь недавно пришедшей из мира смертных, это сражение олимпийцев казалось неприличным.

— Не вижу в этом ничего чудовищного, — сказала Генриетта, пытаясь придать своему голосу командирский оттенок, оттенок голоса бывшей старосты; но даже для уха Люси это прозвучало искусственно. Генриетта явно находилась в затруднении.

— Это более, чем чудовищно, — заявила мадам, — это почти преступно.

— Мари, не глумите.

— Преступно со многих точек зрения. Вы собираетесь сбить с рук недоброкачественный товар тому, кто рассчитывает получить самое лучшее. Тем самым вы подрываете репутацию Лейса, и потребуется лет

двадцать, чтобы восстановить ее, если вообще это удастся сделать. И ради чего, спрашивается? Ради чего? Просто, чтобы удовлетворить свою прихоть.

— Не вижу, причем здесь прихоть, — сухо заметила Генриетта тоном, в котором прозвучала присущая ей величественность, подобная величественности датского дога. — Никто из присутствующих не может отрицать, что она блестящая студентка, что она очень много работала и заслужила награду. Даже все ее теоретические работы в этом семестре отличны.

— Не все, — сказала мисс Люкс, и звук ее голоса был похож на шипение воды, попавшей на раскаленную сковороду. — Работа, которую я проверяла вчера вечером, не может рассчитывать даже на вторую степень по патологии.

При этих словах Люси перестала обдумывать, что делать со своей чашкой чая, и наострила уши.

— О, Господи, какая жалость, — произнесла Генриетта, несколько сбита со своих позиций этой новостью. — Она так хорошо сдавала. Гораздо лучше, чем я смела надеяться.

— Девица — умственно отсталая, и вы знаете это, — отрезала мадам.

— Что за чепуха! Она — одна из самых блестящих студенток, которые когда-либо были в Лейсе...

— Ради Бога, Генриетта, перестаньте. Вы знаете не хуже нас всех, что они понимают под словом «блестящая».

Своими тонкими загорелыми пальцами мадам Лефевр взяла голубой листок почтовой бумаги и, держа его на расстоянии вытянутой руки (она начала «сдавать», мадам, но терпеть не могла носить очки), прочла вслух: «Мы хотели бы знать, есть ли среди ваших оканчивающих достаточно блестящая студентка, достойная занять это место. Та, которая могла бы стать „Арлингхерст“ с первых же дней, стать частью школы и ее традиций столь органично, насколько это может сделать пришелица, и в то же время укрепила бы связь с Лейсом, которая так счастливо для нас установилась». Связь с Лейсом, которая так счастливо установилась! А вы предлагаете оборвать ее, послав туда Роуз!

— Я не понимаю, почему вы так упрямо протестуете против нее. Это чистое предубеждение. Она была примерной студенткой, и до сегодняшнего дня никто не сказал о ней дурного слова. Пока я не собралась наградить ее за прилежание. И тогда вы все приходите в ярость. Я просто в недоумении. Фрекен! Вы-то уж поддержите меня? У вас никогда не было лучшей ученицы, чем мисс Роуз.

— Ми-исс Роуз очень хорошая гимнастка. Как я знаю со слов мисс Рагг, она отлично владеет и спортивными играми. Но когда она выйдет отсюда, больше не будет иметь значение, что она лучше всех делает стойку на руках или что она хо-ороший полузащитник. Значение будет иметь характер. Но нельзя быть высокого мнения о ее характере, нельзя сказать, что он превосходный.

— Фрекен! — воскликнула удивленно Генриетта. — Я думала, она вам нравится.

— Вы так думали?

Три холодных слова, произнесенные безразличным голосом означали: мне должны нравиться все студентки; если вы знаете, кто мне нравится, а кто нет, значит, я никуда не гожусь.

— Ну вот, вы спросили Сигрид и получили ответ, — произнесла довольная мадам. — Я и сама не могла бы выразиться точнее.

— Быть может, — начала мисс Рагг, — я хочу сказать, им нужна именно гимнастка. В Арлингхерсте самостоятельные отделения: гимнастика, игры, танцы; для каждого предмета свой учитель. Так что, может быть, Роуз и не будет так уж плоха.

Интересно, подумала Люси, эта попытка компромисса вызвана тем, как выполняла Роуз роль полузащитника в команде мисс Рагг, или желанием сгладить ситуацию и хоть чуть-чуть свести края зияющей пропасти.

— Дорин, детка, — сказала мадам тем терпеливым голосом, каким разговаривают со слабоумными, — они ждут от нас не того, кто «будет не очень плох», они ждут выдающуюся личность, которая, только что выйдя из колледжа, могла бы стать одной из трех преподавательниц гимнастики в лучшей школе в Англии. Как вы думаете, похожа мисс Роуз на такого человека?

— Нет, нет, полагаю, не похожа. Должна признаться, скорее это Иннес.

— Совершенно верно. Иннес. И выше человеческого разума, почему мисс Ходж не видит, что это Иннес.

Мадам в упор посмотрела на Генриетту своими огромными черными глазами. Генриетта вздрогнула.

— Я же сказала! Есть вакансия в Уичерлейском ортопедическом госпитале, это идеальное место для мисс Иннес. Она великолепно выполняет медицинскую работу.

— Господи, дай мне терпения! Уичерлейский ортопедический госпиталь!

— Разве сплоченность оппозиции не убеждает вас, мисс Ходж, что вы

неправы? — это проговорила мисс Люкс, язвительная даже в гневе. — Оставаться одной против всех — не очень сильная позиция.

Но вот этого не следовало говорить. Если и можно было убедить Генриетту ранее, то теперь эта стадия осталась далеко позади. Она отреагировала на логику мисс Люкс внезапным взрывом ярости.

— Мое положение как меньшинства, быть может, и не очень сильное, мисс Люкс, однако, мое положение как начальницы этого колледжа неоспоримо, и то, что вы думаете и чего не думаете о принятых мною решениях, несущественно. Я, как всегда, поделилась с вами своими соображениями относительно распределения вакансий. Конечно, очень жаль, что вы не согласны со мной, но это ничего не меняет. Принимать решение должна я, и я его приняла. Вы вольны не одобрять его, но, рада заметить, не вольны противодействовать.

Дрожащей рукой Генриетта поставила свою чашку на поднос, как обычно это делала, и направилась к двери. Неуклюжая, обиженная, похожая на раненого слона, подумала Люси.

— Одну минутку, Генриетта! — воскликнула мадам, стрельнув в сторону Люси глазами, в которых зажглись недобрые огоньки. — Давайте спросим постороннего человека, опытного психолога.

— Но я не опытный психолог! — возразила бедная Люси.

— Давайте просто послушаем, что думает мисс Пим.

— Не понимаю, какое отношение имеет мисс Пим к вакансиям...

— Нет, нет, не о назначениях. Просто что она думает об этих двух студентках. Давайте, мисс Пим. Выскажите ваше откровенное мнение. Вы провели у нас только неделю, и вас нельзя будет упрекнуть в пристрастности.

— Вы имеете в виду Роуз и Иннес? — спросила Люси, пытаясь выиграть время. Генриетта стояла, положив руку на ручку двери. — Конечно, я не знаю их досконально; но меня, без сомнения, удивляет, что мисс Ходж собирается отдать это место Роуз. Я думаю, что она вовсе — право же, я думаю, что она совершенно неподходящая кандидатура.

Генриетта, для которой эти слова были последней соломинкой, бросила на Люси взгляд, говоривший «и ты, Брут» и, нетвердо ступая, вышла из комнаты, проворчав сквозь зубы что-то вроде: «Как хорошенькая мордашка может действовать на людей». Люси отнесла это замечание на счет Иннес, не на свой.

В гостиной воцарилось молчание.

— Мне казалось, я хорошо знаю Генриетту, — произнесла, наконец, мадам.

— Я полагала, можно надеяться, что она будет справедлива, — горько сказала мисс Люкс.

Фрекен, не промолвив ни слова, вышла из гостиной, сохраняя по-прежнему высокомерный и хмурый вид. Все посмотрели ей вслед с мрачным одобрением; ее молчание было достаточно красноречиво.

— Какая жалость, что это случилось, когда все было так хорошо, — произнесла еще одну из своих бесполезных фраз мисс Рагг. Она напоминала человека, который бегаёт и предлагает жертвам землетрясения черносмородиновые таблетки. — Все были так довольны своими местами и...

— Думаете, она придет в себя, когда у нее будет время обдумать это? — спросила у мадам мисс Люкс.

— Она обдумывает это почти неделю. Вернее, она пришла к этой мысли почти неделю назад; так что к данному моменту это стало решенным делом, и она просто не может взглянуть на все иными глазами.

— И все же, вероятно, она не была уверена — я хочу сказать, не была уверена в нашей реакции, иначе не держала бы это в тайне доныне. Может быть, когда она все обдумает...

— Когда она все обдумает, она вспомнит, что Кэтрин Люкс поставила под сомнение королевскую прерогативу...

— Но ведь есть еще Правление. Она же не Господь Бог. Должен же быть кто-то, к кому можно апеллировать. Нельзя допустить подобной несправедливости, потому что...

— Конечно, существует Правление. Вы встречались с ними, когда устраивались сюда на работу. И видели одну из них — она приезжает сюда к ужину по пятницам, когда бывают лекции о йоге, теософии, вуду или еще чем-нибудь таком. Прожорливый слизень в черном шелковом платье и янтарных бусах, а мозги как у вши. Она считает Генриетту замечательной. Так же думают и остальные члены Правления. И так же, разрешите мне это сказать, думаю я. Это-то и потрясает больше всего. Как Генриетте, проницательная Генриетта, которая из плохонькой дамской школы создала этот колледж, может быть такой слепой, как могла она внезапно лишиться самого элементарного понимания — это фантастика. Фантастика.

— Но можем же мы что-нибудь сделать...

— Моя хорошая, хоть и бестактная Кэтрин, — сказала мадам, грациозно поднимаясь с места, — все, что мы можем сделать, это удалиться в свои комнаты и молиться. — Она взяла шарф, в который даже в самую жаркую погоду укутывала свое худое тело, когда переходила из одного помещения в другое. — Есть еще такое небольшое утешение, как аспирин

и горячая ванна. Они не тронут Всемогущего, но очень полезны для кровяного давления.

И мадам выплыла из комнаты, почти нематериальное существо, насколько им может быть живой человек.

— Если мадам никак не может повлиять на мисс Ходж, не вижу, кто бы мог это сделать, — заявила Рагг.

— Только не я, — сказала Люкс. — Я лишь напрасно разозлила ее. Но даже если бы я ничего не сказала или обладала бы чарами Клеопатры, а она прислушивалась бы к каждому моему слову, как можно уменьшить подобный ментальный астигматизм? Понимаете, она искренне верит тому, что говорит. Она — самый честный человек, каких я только встречала. Она действительно видит вещи в таком свете, она действительно видит в Роуз все, чем нужно восхищаться и что заслуживает награды, и полагает, что в нас говорит предубеждение и желание противодействовать. Как можно тут изменить что-либо? — мисс Люкс постояла минуту, уставившись в окно, а потом взяла свою книгу и сказала:

— Мне нужно пойти переодеться, если только я найду свободную ванную.

Она ушла, и Люси осталась с мисс Рагг, которой явно тоже очень хотелось уйти, но которая не знала, как бы поизящнее обставить свой уход.

— Очень неприятно, правда? — проговорила она.

— Да, жаль, конечно, — согласилась Люси и подумала, насколько неадекватно это отражает ситуацию; она все еще была ошеломлена новым аспектом, в котором ей предстало все дело. Тут она увидела, что Рагг все еще в спортивном костюме.

— Когда вы услышали обо всем?

— Я слышала, как студентки обсуждали это внизу — я имею в виду, когда мы вернулись с матча — и бросилась наверх, сюда, узнать, правда ли это, и попала в самый разгар. В самый разгар спора, я хочу сказать. Очень жаль, ведь все было так хорошо.

— Знаете, студентки считают само собой разумеющимся, что это место получит Иннес, — сказала Люси.

— Да, — голос Рагг прозвучал рассудительно. — Я слышала, как они переговаривались в ваннах. Так думать было естественно. Все мы считали само собой разумеющимся, что это будет Иннес. У меня она не очень хороша — в играх, я хочу сказать — но она отличный тренер. Она понимает, что делает. А в других вещах она, конечно, просто блестяща. Ей, действительно, быть бы доктором или заниматься чем-то умственным. Ладно, наверно, мне надо пойти снять с себя все это. — Она помедлила

минутку. — Мисс Пим, пожалуйста, не думайте, что такое у нас часто случается, хорошо? Я впервые вижу, чтобы преподаватели так взбунтовались. Как правило, мы очень дружные. Поэтому-то и жалко. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь уговорил мисс Ходж изменить свою точку зрения. Но насколько я ее знаю, это никому не удастся.

Х

Никому это не удастся, сказали они; а вдруг она, Люси, сделает это? Когда за Рагг закрылась дверь, Люси оказалась лицом к лицу с собственной дилеммой. У нее были причины считать, что первое впечатление мисс Люкс от реакции Генриетты было более правильным, чем второе. Ментальный астигматизм, о котором говорила мисс Люкс, не был настолько силен, чтобы исключить сомнения в собственной правоте. Люси не забыла того странного виноватого выражения на лице Генриетты, когда в прошлый понедельник ее секретарь попыталась заговорить о письме из Арлингхерста. Это было выражение «все могу». Но не «все могу» Деда Мороза. Совершенно определенно, это было что-то, чего она немного стыдилась. Она могла страдать ментальным астигматизмом настолько, чтобы считать Роуз достойной кандидатурой, но не настолько, чтобы не понимать, что Иннес первая имеет право претендовать на это место. А раз так, то обязанность Люси — довести некоторые факты до сведения Генриетты. Очень жалко, что маленькая красная книжка теперь размокает среди водорослей, превращаясь в бесформенную массу; она, Люси, проявила излишнюю импульсивность, выбросив ее, но независимо от книжки, она должна серьезно поговорить с Генриеттой и привести неоспоримые доказательства своей правоты относительно того, что Роуз — неподходящая кандидатка для работы в Арлингхерсте.

Люси была удивлена, что предстоящий разговор с Генриеттой на эту тему вызывает у нее приступ растерянности, которому совершенно не место в душе взрослого человека; меньше всего в душе человека, который является знаменитостью, как будто она все еще школьница; однако замечание Генриетты о «хорошеньких мордашках» очень укрепило дух Люси. Генриетте не следовало делать этого замечания.

Люси встала и поставила на поднос чашку с остывшим черным чаем, с сожалением заметив, что к чаю были миндальные пирожные; десять минут назад она бы с удовольствием съела миндальное пирожное, но теперь она не могла проглотить даже эклер. Преувеличением было бы сказать, что она обнаружила, что Генриетта — колосс на глиняных ногах, поскольку она никогда не задумывалась над тем, что собой представляет Генриетта. Однако она, Люси, привыкла смотреть на Генриетту снизу вверх, как на существо высшего порядка по сравнению с ней самой, и такое отношение, выработанное еще в школе, осталось на всю жизнь. Поэтому Люси и была

потрясена, обнаружив, что Генриетта способна в худшем случае на обман, а в лучшем — на betise^[31]. Интересно, думала Люси, что есть такого в Роуз, что заставило пошатнуться очень крепкий здравый смысл, каким отличалась Генриетта. Это ее замечание о «хорошеньких мордашках». Невольно вырвавшееся замечание. Что было в некрасивом лице северянки, что тронуло женщину, привыкшую к тому, что ее студентки хороши собой? Не было ли в некрасивой, нелюбимой, очень много работающей честолюбивой Роуз чего-то, что напомнило Генриетте ее саму? Не увидела ли она в этом борьбу, которую некогда вела сама? И потому бессознательно, не отдавая себе отчета, как бы удочерила Роуз и боролась за нее, и наблюдала за ней. Ее огорчение по поводу относительного провала Роуз по патологии было столь сильным, что даже отвлекло ее от разыгравшейся ссоры с преподавателями.

А может быть, Роуз просто ловко использовала эффект восторженных, чтобы не сказать, обожающих взглядов, которые Люси подметила тогда утром, в крытом переходе.

Нет, только не это. У Генриетты есть недостатки, но глупость не входит в их число. Более того, как и все прочие в школьном мире, она прошла долгий путь, завоевывая обожание, и искреннее, и искусственное. Интерес, который она чувствовала к Роуз, мог усиливаться благодаря тому, что девушка явно проявляла стремление к «апостольскому следованию», но источник этого интереса заключался в чем-то другом. Скорее Генриетта, некрасивая, не знавшая любви, стремящаяся к славе, смотрела на некрасивую, никем не любимую честолюбивую юную Роуз с теплотой, наполовину вызванной тем, что узнавала в ней себя.

Люси раздумывала, идти ли к Генриетте сию же минуту или же подождать, пока та остынет. Беда заключалась в том, что пока Генриетта будет остывать, одновременно будет пропадать ее, Люси, решимость говорить с ней об этом деле. Взвесив все и вспомнив свои прошлые фиаско, Люси сочла, что лучше отправиться сразу, пока ноги несут ее в нужном направлении.

Когда она постучала в дверь кабинета и немедленного ответа не последовало, на какой-то момент в Люси вспыхнула надежда, что Генриетта ушла наверх, к себе в комнату, и тем самым отсрочила на несколько часов выполнение ею, Люси, своего долга. Но нет; голос Генриетты пригласил ее войти, и она вошла, испытывая при этом ужасное чувство, как будто она преступница, и злясь на себя за то, что она такой заяц-трусика. Краска еще не сошла с лица Генриетты, она по-прежнему выглядела оскорбленной и если бы это была не Генриетта, Люси сказала

бы, что в глазах ее стояли слезы. Но последнее было совершенно невозможно. Казалось, она погружена в чтение каких-то лежавших на столе бумаг, но Люси почувствовала, что в момент, когда она постучала, Генриетту занимали только ее собственные мысли.

— Генриетта, — начала Люси, — ты, наверно, сочла, что с моей стороны было самонадеянно высказывать свое мнение о мисс Роуз. (О, Господи, как напыщенно это прозвучало!)

— Это было немного неуместно, — холодно ответила Генриетта.

Ну и выражения у нее! «Неуместно!»

— Но меня же спросили, — возразила Люси. — Ведь так было. В ином случае мне бы в голову не пришло высказываться, если бы ко мне не обратились. Дело в том, что мнение...

— Я не думаю, что нам следует обсуждать это, Люси. Это мелочь, и она не...

— Нет, это не мелочь. Поэтому я и пришла к тебе.

— Мы в нашей стране гордимся, не правда ли, тем, что каждый обладает правом иметь свое мнение и правом высказать его. Вот ты и высказала...

— Когда меня попросили.

— Когда тебя попросили. А я только сказала, что ты поступила настолько бестактно, приняв одну сторону в деле, о котором ты знаешь очень мало, если вообще что-нибудь знаешь.

— Совсем не так. Я как раз кое-что знаю. Ты думаешь, я предубеждена против мисс Роуз, потому что она не очень привлекательна...

— Не очень привлекательна в твоих глазах, — быстро поправила Генриетта.

— Скажем, не очевидно привлекательна, — проговорила Люси, от досады начиная ощущать себя увереннее. — Ты думаешь, я сужу о ней по тому, как к ней относятся другие, но это не так.

— А как еще ты можешь судить? Ты же не знаешь, как она работает.

— Я присутствовала на одном из экзаменов.

Люси с удовлетворением отметила, что при этих словах Генриетта замолчала.

Молчание продолжалось секунд пять.

— И какую черту характера студентки ты могла выявить, присутствуя на экзамене?

— Ее нечестность.

— Люси! — Однако шока в голосе не прозвучало. Прозвучало предостережение. Оно означало, если вообще что-то означало: «Знаешь-

что-бывает-за-клевету?»

— Да, я сказала: ее нечестность.

— Ты пытаешься сказать, что обнаружила, как мисс Роуз — пользовалась шпаргалкой во время экзамена?

— Она вела себя очень осторожно. Свои лучшие годы я не зря провела в четвертых классах, поэтому я знаю, как это обычно делается. Я в самом начале заметила, чем она занимается, и поскольку я не хотела устраивать скандал, я решила, что самое лучшее — помешать ей воспользоваться этим.

— Воспользоваться? Чем воспользоваться?

— Маленькой книжечкой.

— Ты хочешь сказать, что видела, как студентка пользовалась маленькой книжкой на экзамене и ничего не предприняла?

— Нет, конечно, нет. Я только потом узнала о книжке. А в тот момент я только видела, что она пытается что-то подсмотреть. У нее в руке был носовой платок, хотя у нее не было насморка и, кажется, не было необходимости сжимать его... и у нее на лице было это выражение «знает кошка, чье мясо съела», которое ты знаешь не хуже меня. Под столом не было ничего, поэтому я решила, что каков бы ни был этот предмет, она держала его в руке вместе с платком. Но поскольку у меня не было доказательств...

— А! У тебя не было доказательств.

— Да, у меня не было доказательств, и я не хотела взбудоражить весь класс, добывая их, поэтому я встала у стены, прямо за спиной Роуз, откуда легко могла проследить, чтобы она не воспользовалась помощью чего-нибудь или кого-нибудь...

— Но если ты ни о чем не спросила ее, откуда ты знаешь про книжку?

— Я нашла книжку у дорожки в гимнастический зал. Это...

— Ты хочешь сказать, книжка лежала не в ее столе? Вообще не в классе?

— Да. Если бы она лежала в ее столе, ты узнала бы об этом не позже, чем через пять минут. А если бы я нашла такую книжку в классе, где проходил экзамен, я сразу же принесла бы ее тебе.

— Такую книжку? Какую?

— Маленькую записную книжку с заметками по патологии.

— С алфавитом?

— Да. А — артрит, и так далее.

— Значит, это просто книжка, где студентка делала пометки в процессе занятий?

— Не «просто».

— А почему не «просто»?

— Потому что эта штука размером с большую почтовую марку. Люси подождала, чтобы это дошло до Генриетты.

— И какая связь между книжкой, которую ты нашла, и мисс Роуз?

— Только та, что ни у кого больше не было выражения «знает кошка, чье мясо съела»; по правде говоря, никто больше и не волновался, пока они писали. Роуз к тому же последняя сдала работу.

— Какое это имеет значение?

— Если бы книжку выронили до того, как Роуз вышла из аудитории, ее бы наверняка подобрал кто-нибудь из студенток. Она была красная, как георгин, ее нельзя было не заметить у края дорожки.

— Не на дорожке?

— Нет, — ответила с неохотой Люси. — В полудюйме от нее.

— Значит, мимо нее тысячу раз могли проскочить занятые своей болтовней студентки, озабоченные тем, как бы не опоздать на следующий урок?

— Да, наверно, могли.

— А фамилия на книжке была?

— Нет.

— Не было? никаких признаков, по которым можно бы определить, чья она?

— Ничего, кроме почерка. Но не скоропись, а шрифт.

— Понимаю. — Можно было ощутить, как подтянулась Генриетта. — Тогда принеси мне книжку, и мы предпримем необходимые шаги, чтобы найти ее владелицу.

— У меня ее нет, — сказала бедная Люси. — Я утопила ее.

— Ты — что?

— Бросила ее в реку возле площадки для игр.

— Совершенно невероятный поступок!

Не промелькнул ли в глазах Генриетты проблеск облегчения?

— Не знаю. Я сделала это импульсивно. А что мне было делать с ней? Это конспект по патологии, выпускной по патологии уже прошел, и книжкой не воспользовались. Задуманное не удалось. Тогда зачем беспокоить тебя, отдавая книжку? Я решила, что лучшее наказание для того, кто писал, — никогда не узнать, что с ней стало. Прожить всю жизнь и так и не ответить на этот вопрос.

— «Для того, кто писал». Это очень точно определяет ситуацию, не правда ли? Нет ни малейшего основания связывать книжку с мисс Роуз.

— Я уже сказала, что если бы такое основание было, я бы принесла

книжку тебе. Это только подозрение. Но подозрение очень сильное. Большая часть студенток вообще исключается.

— Почему?

— Те, кто в себе уверен, не станут терять время на то, чтобы застраховаться от провала. То есть те, кто силен в теоретической работе — виновны быть не могут. Но ты сама говорила, что Роуз трудно давались письменные задания.

— Как и многим другим.

— Да, но есть еще одно обстоятельство. Многим, без сомнения, трудно дается теория, но как только они проскочат ее, тут же об этом забывают. А Роуз — студентка блестящая в том, что касается практики, и уязвленная гордость заставляет ее стремиться к тому же на экзаменах. Она тщеславна и очень трудолюбива. Она хочет пожинать плоды своих трудов, но очень сомневается, что ей это удастся. Отсюда и маленькая книжка.

— Моя дорогая Люси, это психологическое теоретизирование.

— Может быть. Но когда мадам обратилась ко мне в гостиной, она просила меня заняться именно психологическим теоретизированием. Ты считала, что мое мнение сложилось на голом предубеждении, а я хочу тебе объяснить, что у меня есть для этого достаточно серьезные основания. — Люси посмотрела на красное лицо Генриетты и подумала: «а что, если еще раз рискнуть ступить на минное поле, теперь, когда она доказала, что не просто из каприза нарушила границы чужого владения?» — Генриетта, я говорю с тобой как с другом, я не понимаю, почему ты хочешь послать в Арлингхерст Роуз, когда у тебя есть такая подходящая кандидатура, как Иннес. — И стала ждать взрыва.

Но взрыва не последовало. Генриетта сидела, погруженная в тяжелое молчание, рисуя ручкой какие-то штрихи на тонком чистом листе промокательной бумаги; это был явный признак тревоги в ее душе, потому что ни рисование каракулей, ни пустая трата бумаги не были в обычае у Генриетты.

— Не думаю, что ты много знаешь об Иннес, — проговорила она, наконец, спокойным дружелюбным тоном. — У нее блестящий ум и хорошенькое личико, а потому ты приписываешь ей и другие достоинства. Достоинства, которыми она, совершенно определенно, не обладает. У нее отсутствует чувство юмора, она трудно сходится с людьми — это серьезные недостатки для человека, который собирается постоянно жить в коллективе преподавателей школы. Даже ее блестящие способности представляют собой недостаток, она не терпит глупых. У нее есть тенденция — я уверена, бессознательная — смотреть сверху вниз на других

людей. — (Люси вдруг вспомнила, как сегодня Иннес машинально употребила слово «они» по отношению к студенткам. Старушке Генриетте не откажешь в пронизательности). — По правде сказать, сразу, как она здесь появилась, у меня создалось впечатление, что она презирает Лейс и использует его только как трамплин для достижения цели.

— Ну что ты, нет, — механически запротестовала Люси, а ее внутренний голос спрашивал ее в это время: не так ли обстоит все в действительности и не это ли озадачивало ее в Мэри Иннес. Если обучение в Лейсе и правда было для нее тайным чистилищем, пыткой, которую надо вытерпеть, способом достигнуть цели, это могло объяснять взрослую сдержанность, сосредоточенность, которая вовсе не всегда была обязательна, неспособность улыбаться.

Немного не ко времени Люси вспомнила забавный рассказ Детерро о том, как, увидев Иннес, она передумала и решила остаться в Лейсе. В тот пасмурный день Детерро обратила внимание на Иннес, потому что та была «не из Лейса», она выбрала Иннес из толпы мельтешащих перед глазами студенток как человека, принадлежащего иному, более взрослому миру.

— Однако коллеги очень любят ее, — сказала вслух Люси.

— Да, соученицы любят ее. Они находят ее отчужденность загадочной, что ли. К сожалению, дети любят ее меньше, она их пугает. Если ты заглянешь в книгу, куда преподаватели записывают критические отзывы об уроках, которые студентки дают вне колледжа, то увидишь, что при описании поведения Иннес слово «антагонистична» появляется там достаточно часто.

— Может, это ее брови, — проговорила Люси. Она увидела, что Генриетта, ничего не поняв, приняла это за легкомысленную шутку, и добавила: — А может быть, она, как и многие другие люди, вопреки своему виду, испытывает глубокие внутренние сомнения. Это обычное объяснение антагонистичного поведения.

— Объяснения психологов мне представляются несколько уклончивыми, — ответила Генриетта. — Если у человека нет природной способности привлекать к себе людей, он может, по крайней мере, сделать усилие, чтобы казаться дружелюбным. Так поступает мисс Роуз.

(Еще бы! подумала Люси).

— Это большая трагедия — отсутствие природной привлекательности; человека не только не любят его коллеги, он вынужден еще терпеть необоснованное предубеждение начальства. Мисс Роуз очень много поработала, чтобы побороть свои недостатки: замедленность мышления и некрасивость. Она идет людям навстречу и делает огромные усилия, чтобы

приспособиться к ним, быть им приятной. И с учениками она занимается успешно. Они любят ее, с нетерпением ждут встречи с ней; отзывы о ее уроках блестящие. А вот в личных отношениях с преподавателями ее постигла неудача. Они замечают лишь ее непривлекательность, а усилия, которые она прилагает, чтобы быть дружелюбной и приятной, только раздражают их. — Генриетта подняла глаза от бумаги, на которой чиркала пером, и заметила выражение лица Люси. — Ну да, ты думаешь, что предпочтение, которое я отдаю Роуз как кандидатке, результат слепой пристрастности, правда? Поверь, мне не удалось бы поднять Лейс до его нынешнего уровня, если бы я не понимала кое-что в том, как работает мышление человека. Все годы Роуз очень много трудилась, добилась успеха, ее любят ученики, она достаточно умеет приспособливаться, чтобы ее приняли ее будущие коллеги. У нее есть дружелюбие и расположенность к людям — то, чего так явно нехватает Иннес. И я не вижу, почему бы ей не отправиться в Арлингхерст, имея мои самые горячие рекомендации.

— Не считая того, что она — нечестный человек.

Генриетта швырнула ручку, и та со звоном упала на подставку.

— Вот пример того, с чем приходится бороться непривлекательной девушке, — сказала она, вся воплощение праведного гнева. — Ты считаешь, что кто-то из девушек пытался смошенничать на экзамене, и указываешь на Роуз. Почему? Потому что тебе не нравится ее лицо — точнее, его выражение.

Итак, все бесполезно. Люси подобрала ноги и приготовилась встать.

— И вообще маленькую книжку, которую ты нашла, связать с какой-нибудь определенной студенткой никак нельзя. Просто ты вспомнила, что тебе не понравилось выражение лица мисс Роуз, и вот она уже преступница. Преступница (если таковая вообще существует. Мне бы очень не хотелось верить, что кто-то из моих Старших способен на такой поступок) преступница, может быть, самая хорошенькая и сама невинная из класса. Тебе следовало бы лучше знать человеческую природу, как предмет психологии и понимать это. Неизвестно, что было причиной — последний выпад Генриетты или обвинение в том, что она приписывает преступление девушке только потому, что у нее некрасивое лицо, — но, выходя из комнаты, Люси была крайне раздражена.

— И последнее, Генриетта, — сказала она, остановившись и взявшись за ручку двери.

— Да?

— До сих пор Роуз удавалось сдавать экзамены на «первую ступень».

— Да.

— Это странно, правда, ведь?

— Ничего странного. Она очень много занималась.

— И все-таки странно, потому что когда кому-то помешали воспользоваться маленькой красной книжкой, она не смогла получить даже «вторую».

И Люси тихо закрыла за собой дверь.

Пусть переварит это, подумала она.

Пока она шла к своему крылу, раздражение уступило место унынию. Генриетта, как сказала Люкс, была честна, и поэтому спорить с ней было бесполезно. До какого-то предела она была проницательной и дальновидной, но дальше заболела тем, что мисс Люкс назвала «астигматизмом». А с ментальным астигматизмом ничего поделать невозможно. Генриетта мошенничала неосознанно, а значит, ее нельзя было ни убедить, ни испугать, ни склонить к изменению курса. Люси с изрядной долей страха подумала о предстоящей вечеринке. Каково ей будет смотреть на Старших, которые только и будут говорить, что об Арлингхерсте, радуясь удаче Иннес?

Каково ей будет смотреть на саму Иннес, на ее блестящие глаза? Иннес, для которой «сам король не брат»?

XI

Ужин в Лейсе считался самым официальным мероприятием в распорядке дня; Старшие к этому времени переодевались в шелковые платья для танцев, остальные тоже меняли туалеты. Но по субботам, когда многие получали «увольнительную» в Ларборо, обстановка бывала гораздо более свободной. Студентки садились, где им хотелось, и в пределах допустимого надевали на себя то, что им хотелось. А в этот вечер атмосфера была еще более неформальной, чем обычно, потому что многие отправились праздновать конец экзаменационной недели где-нибудь в другом месте, а оставшиеся собирались праздновать здесь же, после ужина. Генриетта не появилась — поднос с ужином отнесли к ней в комнату; очевидно, и мадам Лефевр решила не приходить. Фрекен с матерью уехали в театр в Ларборо, так что Люси оказалась за столом с мисс Люкс и мисс Рагг и была этому рада. По молчаливому согласию жгучего вопроса об Арлингхерсте не касались.

— Вам не кажется, — проговорила мисс Люкс, без всякого энтузиазмаковыряя вилкой некое чудо-блюдо из овощей, лежавшее на ее тарелке, — что в праздничный вечер мисс Джолифф могла бы приготовить что-нибудь более привлекательное, чем эти объедки.

— Именно потому, что это праздничный вечер, она и не стала ничего делать, — ответила мисс Рагг, с аппетитом поедая все, что стояло перед ней. — Она очень хорошо знает, что наверху припасены лакомства в количестве, способном потопить военный корабль.

— Увы, это не для нас. Надо попросить мисс Пим сунуть что-нибудь в карман для нас, когда она будет уходить.

— Я купила булочки с кремом в Ларборо, когда возвращалась с матча, — призналась Рагг. — Мы можем выпить кофе у меня в комнате и съесть их.

Мисс Люкс предпочитала сырные палочки, однако, несмотря на свою холодную язвительность, была добрым человеком, поэтому она сказала:

— Очень мило с вашей стороны; с удовольствием.

— Я думала, что вы поедете в театр, а то бы предложила раньше.

— Старомодное занятие.

— Вы не любите театр? — спросила с удивлением Люси, для которой театр все еще сохранял долю привычного с детства очарования.

Мисс Люкс, которая вопрошающе и с явной неприязнью

рассматривала кусок морковки, подняла глаза и сказала:

— Вы никогда не думали о том, как бы вы восприняли театр, если бы попали туда впервые теперь, не испытав детской привязанности к пантомиме и тому подобному? Неужели вы нашли бы, что несколько переодетых типов, принимающих картинные позы в освещенной коробке — это занимательно? А дурацкий обычай антрактов — раньше предназначавшихся для прогулки в туалетную комнату, а теперь отданный на откуп барам, чтобы они могли извлекать прибыль? Какой еще из всевозможных видов развлечений позволит столь вольные перерывы? Разве кто-нибудь остановит посередине исполнение симфонии, чтобы слушатели могли пойти выпить?

— Но так построены пьесы, — запротестовала Люси.

— Да. Как я уже сказала — старомодное занятие.

Люси была слегка обескуражена, не потому, что это пошатнуло ее давнюю любовь к театру, а потому, что она, оказывается, ошибалась относительно мисс Люкс. Мисс Люкс казалась Люси потенциальной пылкой участницей экспериментальных спектаклей самых мрачных пьес, посвященных Причине и Следствиям.

— А я едва не пошла сегодня, — сказала Рагг, — только чтобы еще раз увидеть Эдварда Эйдриана. Я была просто без ума от него, когда была студенткой. Наверно, сейчас он немного *passee*^[32]. Вы видели его когда-нибудь?

— На сцене — нет. А мальчиком он обычно проводил каникулы у нас. — Мисс Люкс еще раз пошевелила вилкой грудку овощей на своей тарелке и решила, что там больше нет ничего, достойного внимания.

— Проводил каникулы? У вас дома?

— Да, он учился в школе вместе с моим братом.

— Господи Боже! Совершенно невероятно!

— Что в этом невероятно?

— Я хочу сказать, Эдварда Эйдриана трудно представить себе обыкновенным человеком, с которым можно быть знакомым. Таким же школьником, как любой другой.

— Противный мальчишка.

— Ой, не надо!

— Отвратительный мальчишка. Вечно разглядывал себя в зеркале. И обладал замечательным талантом захватывать все лучшее из возможного. — Люкс говорила спокойно, отвлеченно, как будто ставила диагноз.

— О, Кэтрин, вы расстроили меня.

— Я больше ни у кого не встречала такой способности перекладывать неприятные дела на других, как у Тедди Эйдриана.

— Но у него есть, несомненно, и другие способности, — осмелилась заметить Люси.

— Да, у него есть талант.

— Вы видите с ним? — спросила Рагг, все еще пораженная тем, что из первых рук получила сведения об Олимпе.

— Только случайно. Когда брат умер, мы отказались от дома, в котором жили наши родители, и семейные сборища кончились.

— И вы никогда не видели его на сцене?

— Никогда.

— И вы не поехали на автобусе за шесть пенсов в Ларборо, чтобы увидеть его сегодня.

— Не поехала. Говорю вам, театр нагоняет на меня смертельную скуку.

— Но это Шекспир.

— Хорошо, Шекспир. Я лучше посижу дома и почитаю его в обществе Дорин Рагг и ее слоек с кремом. Вы не забудете положить что-нибудь в карман для нас, когда будете уходить с праздника, а, мисс Пим? Все будет с благодарностью принято умирающим от голода пролетариатом. Макароны, плитки «Марса», апельсины-корольки, зачерствевшие сэндвичи, помятые булочки с сосисками...

— Я пушу шапку по кругу, — пообещала Люси. — Буду протягивать шапку и дрожащим голосом повторять: «Не забудьте преподавателей!»

Однако, когда она доставала бутылку шампанского из тающего в тазу льда, на душе у нее было вовсе не весело. Вечеринка, похоже, будет тяжким испытанием, никуда не денешься. Люси завязала большой бант из ленты на горлышке бутылки, чтобы придать ей праздничный вид и убрать всякое подозрение, что она, Люси, «принесла свое спиртное». В результате бутылка стала, пожалуй, похожа на герцогиню в бумажном колпаке, но Люси решила, что ничего подобного студенткам в голову не придет. Она поколебалась, раздумывая, что надеть, выбирая между костюмом, пригодным для «приема-сидя-на-полу» и желанием оказать честь хозяевам. Люси решила польстить им, надев «лекционное» платье и наложив особо тщательный макияж. Если Генриетта своей выходкой так многое испортила, она, Люси, привнесет в эту вечеринку все, что сможет.

Судя по доносящемуся отовсюду шуму, беготне туда и обратно с чайниками в руках, вечеринка у Стюарт была в этот вечер в Лейсе не единственной. В коридорах пахло кофе, и когда двери открывались и закрывались, волны смеха и болтовни прокатывались и замирали. Даже

Младшие, похоже, праздновали. Они не могли еще отмечать получение Места, но могли радоваться тому, что их первые выпускные экзамены позади. Люси вспомнила, что не узнала у Нат Тарт, как та сдала выпускной экзамен по анатомии («Сегодняшняя умная мысль завтра может оказаться чепухой, а ключица всегда ключица»). Надо будет поискать фамилию Детерро, когда она будет проходить мимо студенческой доски объявлений.

Люси пришлось дважды постучать в дверь Номера Десять, прежде чем ее услышали; но когда раскрасневшаяся Стюарт открыла дверь и впустила Люси, на собравшихся вдруг напала внезапная застенчивость, они вскочили, замолчали и тихо стояли, как вежливые, хорошо воспитанные дети.

— Мы так рады, что вы пришли, — начала Стюарт, но тут Дэйкерс увидела бутылку, и со всякими формальностями было покончено.

— Вино! — закричала она. — Чтоб мне с места не сойти, вино! О, мисс Пим, вы душка!

— Надеюсь, я не нарушила правила, — проговорила Люси, вспоминая выражение глаз мисс Джолифф, так и оставшееся не совсем понятным, — но мне показалось, что это хороший повод выпить шампанского.

— Тройной повод, — объявила Стюарт. — Дэйкерс и Томас тоже именинницы. Лучшего повода быть не может. Как мило, что вы подумали о шампанском.

— Это кощунство — пить шампанское из стаканов для чистки зубов, — сказала Хэсселт.

— Ничего, мы выпьем его как аперитив. Как отдельное блюдо. Давайте сюда свои стаканы. Мисс Пим, кресло — для вас.

Плетеное кресло было выдвинуто, и на него положили целую кипу разноцветных подушек; если не считать жесткого стула у письменного стола, это было единственное в комнате законное место для сидения; остальные участницы праздника принесли с собой подушки, бросили их на пол и теперь расселись на них, по одиночке или кучками, как котята на кровати. Кто-то набросил желтый шелковый платок на лампочку, так что обычно резкий яркий свет смягчился, став золотистым. Бледно-голубые сумерки за распахнутым окном служили как бы задником сцены, задником, который скоро должен был потемнеть. Вечеринка была такой же, как любая студенческая вечеринка во времена, когда Люси училась в колледже, только все было красочнее, ярче. Потому ли, что цвета подушек были более веселыми? Или потому, что девушки были красивее — у них не было прямых свисающих волос, не было очков, не было студенческой бледности. Нет, конечно, дело не в этом. Люси поняла — в чем. Не было сигаретного

дыма.

— О'Доннелл еще нет, — сказала Томас, забирая стаканы у гостей и ставя на покрытый белой материей стол.

— Она, наверно, помогает Роуз установить бум, — сказала одна из Апостолов.

— Вряд ли, — отозвалась другая. — Сегодня суббота.

— Даже в К.Ф.О. по воскресеньям не занимаются, — добавила третья.

— Даже Роуз, — заключила четвертая.

— Мисс Роуз все еще тренируется в движении с вращением? — спросила Люси.

— О да, — ответили ей. — Она будет продолжать до дня Показа.

— Когда же она находит время?

— Утром, как только оденется. До первого урока.

— В шесть утра! — ужаснулась Люси. — Кошмар!

— Время не хуже любого другого, — возразили ей. — По крайней мере, ты еще свежая, и торопиться не надо, и весь зал — твой. А кроме того, это единственное возможное время. Бум должен быть убран до первого урока.

— Ей не обязательно тренироваться, — сказала Стюарт. — Навык вернулся. Но она безумно боится снова потерять его перед Показом.

— О, Господи, я могу это понять, — посочувствовала Дэйкерс. — Подумать только, какой идиоткой будешь чувствовать себя, если повиснешь на буме, как больная обезьяна, и вся элита на тебя смотрит, и фрекен просто пронзает тебя этими своими глазами. Господи, смерть покажется тут счастливым избавлением. Если Донни не на поденщине у Роуз, то где же она? Только ее нехватает.

— Бедная Дон, — вздохнула Томас, — у нее еще нет места. — Томас, получив должность младшей-из-трех в Уэльсе, чувствовала себя миллионером.

— Не беспокойся о Дон, — заметила Хэсселт, — ирландцы всегда падают на все четыре лапы.

Мисс Пим искала глазами Иннес, но не видела ее. Бо тоже не было.

Стюарт, проследив за ее взглядом, поняла заключающийся в нем вопрос и сказала:

— Бо и Иннес просили меня сказать вам, что им очень жаль — они сегодня не будут, но они надеются, что вы будете их гостьей на другой вечеринке, еще до конца семестра.

— Бо устраивает ее в честь Иннес, — сказала Хэсселт. — Чтобы отпраздновать Арлингхерст.

— Собственно говоря, мы все устраиваем вечер в честь Иннес, — сказала Первый Апостол.

— Что-то вроде общего слета, — подтвердила Вторая.

— В конце концов, это честь для всего колледжа, — заметила Третья.

— Ведь вы придете, мисс Пим, — заключила Четвертая не вопросительным, а утвердительным тоном.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия, — сказала Люси и добавила, радуясь возможности сойти с тонкого льда, — А что случилось с Бо и Иннес?

— Неожиданно прикатили родители Бо и увезли их в театр в Ларборо, — ответила Стюарт.

— Вот что значит иметь Роллс, — сказала Томас без капли зависти в голосе. — Носись по всей Англии, как тебе заблагорассудится. Когда мои родители хотят куда-нибудь поехать, им надо запрячь старую серую кобылу, знаете, такую невысокую, коренастую, и трястись двадцать миль до ближайшего поселка.

— Они фермеры? — спросила Люси, представив себе пустую узкую дорогу в Уэльсе, протянувшуюся по безлюдью.

— Нет, мой отец священник. Но нам приходится держать лошадь, чтобы обрабатывать землю, а позволить себе и лошадь, и машину мы не можем.

— Да ладно, — заявила Первый Апостол, устраиваясь поудобнее на кровати, — и вообще кому охота теперь ходить в театр?

— Самый скучный способ провести вечер, — сказала Вторая.

— Сиди, уткнувшись коленями в чью-то спину, — добавила третья

— Не отрывая глаз от бинокля, — присовокупила четвертая.

— Почему бинокль? — спросила Люси, удивленная тем, что позиция мисс Люкс нашла поддержку среди тех, у кого пресыщенность не должна была еще разрушить жажду развлечений.

— А что без него увидишь?

— Марионеток в ящике.

— Как на пирсе в Брайтоне.

— Только на пирсе в Брайтоне можно видеть выражение лиц.

Они сами как будто сошли с пирса в Брайтоне, подумала Люси. Все по очереди. Как раздвоившиеся близнецы. Когда кто-то первым произносил какую-то фразу, остальные чувствовали, что должны подкрепить это замечание дополнительными аргументами.

— Что касается меня, я ужасно рада, что можно задрать ноги и ничего не делать для разнообразия, — заявила Хэсселт. — Я стерла ноги новыми

балетными туфлями и у меня ужасные волдыри.

— Мисс Хэсселт, — проговорила Стюарт, явно копируя кого-то. — Студентка обязана следить за своим телом, чтобы оно всегда находилось в соответствующем состоянии.

— Очень может быть, — ответила Хэсселт, — но я не собираюсь стоять целых пять миль в автобусе в субботу вечером, чтобы куда-то отправиться, меньше всего в театр.

— А потом, дорогие, это только Шекспир! — заявила Дэйкерс. — «Вот в чем вопрос!» — шутливо передразнила она, прижимая руку к груди.

— Но ведь Эдвард Эйдриан, — вступила Люси, чувствуя, что должен же кто-то защитить ее любимый театр.

— А кто этот Эдвард Эйдриан? — совершенно искренне спросила Дэйкерс.

— Это тот тип, у которого такой утомленный вид и который похож на линяющего орла, — ответила Стюарт, слишком занятая обязанностями хозяйки, чтобы заметить реакцию Люси: вот, оказывается, в каком убийственном, но весьма живописном образе предстал Эдвард Эйдриан в трезвых глазах молодежи. — Нас часто водили смотреть его, когда я училась в школе в Эдинбурге.

— И вам не нравилось? — спросила Люси, вспомнив, что фамилия Стюарт входила в первую тройку в списках, вместе с Бо и Иннес, и что умственная деятельность для нее, вероятно, не является столь тяжким испытанием, как для некоторых других.

— О, это было лучше, чем сидеть в классе, — согласилась Стюарт. — Но это было ужасно — старомодно. Приятно смотреть, но скучновато. Нехватает одного стакана.

— Наверно, моего, — сказала О'Доннел, входя в комнату и отдавая хозяйке свой стакан. — Кажется, я опоздала. Я искала туфли, которые бы налезли мне на ноги. Мисс Пим, простите меня, пожалуйста, за эти, — и она показала на домашние шлепанцы, которые были у нее на ногах. — Мои ноги отказались мне служить.

— А вы знаете, кто такой Эдвард Эйдриан? — спросила Люси у О'Доннелл.

— Конечно, знаю, — ответила та. — С тех пор, как в двенадцать лет я увидела его в Белфасте, я без ума от него.

— Кажется, вы единственная здесь, кто знает его и восхищается им.

— А, язычники, — сказала О'Доннелл, бросив презрительный взгляд на собравшихся, и Люси подумалось, что у О'Доннел подозрительно блеснули глаза, как будто она плакала. — Если бы это не был конец

семестра и у меня оставались бы деньги на билет, я бы сейчас была в Ларборо и сидела у его ног.

И если бы, подумала Люси, сочувствуя девушке, твое отсутствие на вечеринке не приписали тому, что ты — единственная, у кого еще нет места. Она ощутила симпатию к девушке, которая осушила глаза, не забыла извиниться за домашние шлепанцы и с веселым видом пришла на вечеринку, на которой ей нечего было праздновать.

— Ну, — сказала Стюарт, снимая проволоку с пробки, — теперь, когда О'Доннелл пришла, мы можем открыть бутылку.

— Господи, шампанское! — воскликнула О'Доннелл.

Вино, пенясь, полилось в толстые грубые стаканы, и все в ожидании повернулось к Люси.

— За Стюарт в Шотландии, за Томас в Уэльсе, за Дэйкерс в аббатстве Линг! — провозгласила Люси.

Все выпили.

— И за всех друзей от Кейптауна до Манчестера, — сказала Стюарт.

Выпили и за это.

— А теперь, мисс Пим, что вам положить?

И Люси спокойно и с удовольствием стала наслаждаться жизнью. Роуз не была в числе гостей, и по милости Провидения в лице богатых родителей с роллс-ройсом она, Люси, была избавлена от пытки сидеть напротив Иннес, лучившейся от счастья, для которого не было ни малейшего основания.

XII

Однако к середине дня в воскресенье радостное настроение улетучилось, и Люси очень жалела, что не сообразила раньше и не придумала какую-нибудь отговорку вроде приглашения на ленч в Ларборо, которая позволила бы ей бежать, бежать от надвигающегося взрыва. Люси терпеть не могла взрывы, как буквальные, так и метафорические; на людей, надувавших бумажные пакеты, которые потом с шумом лопались от хлопка, она смотрела со смесью отвращения и страха. А бумажный пакет, который должен был лопнуть после ленча, был особо мерзким; отголоски этого взрыва могли быть бесконечны и непредсказуемы. В глубине души у Люси теплилась надежда, что Генриетта передумает, что немое свидетельство списков с результатами экзаменов, вывешенных на доске объявлений, может оказаться более красноречивым, чем ее, Люси, жалкие слова. Но этот крошечный зародыш надежды не приносил ободрения. Люси слишком ясно понимала: даже пошатнувшаяся вера Генриетты в Роуз отнюдь не означает того, что в ней растет уверенность в достоинствах Иннес как кандидатки в Арлингхерст. Может быть, Генриетта напишет директору Арлингхерста, что среди оканчивающих нет студентки, достойной занять столь высокий пост — это было самое большое, на что стоило надеяться — но это никак не спасет Иннес от горя, которое обрушится на нее. Нет, ей, Люси, решительно следует убежать из Лейса на время воскресного ленча и вернуться, когда все события уже будут позади. Ведь можно предположить, что в Ларборо живут люди, которых тебе пришла мысль посетить. Ведь помимо обитателей богатых вилл за чертой города с их гладкими посыпанными песком дорожками и псевдо-роскошью, с одной стороны, и городской чернью с другой должен существовать слой людей, таких, как она сама. Врачи, например. Она может придумать друга-врача — правда, все врачи занесены в книгу. Подумай она об этом вовремя, она могла бы пригласить себя на ленч с доктором Найт; в конце концов, Найт обязана ей кое-чем. Или она могла бы взять с собой сэндвичи, просто уйти на природу и не возвращаться, пока не придет время ложиться спать.

Вместо этого она сидела у окна в гостиной, ожидая, пока преподаватели соберутся вместе, чтобы идти в столовую; глядя на студенток, возвращающихся из церкви, Люси думала, а может набраться храбрости и решимости, найти мисс Джолифф и все-таки попросить у нее сэндвичей. Или просто выйти из колледжа, не сказав никому ни слова — в

конце концов, никто еще не умирал с голоду в английской провинции, даже в воскресенье. Как говорила Детерро, всюду есть деревни.

Детерро первой вернулась из церкви, неторопливая в движениях, элегантная, как всегда. Люси высунулась из окна и сказала:

— Поздравляю вас с хорошим знанием ключиц.

Накануне вечером, отправляясь спать, она взглянула на доску.

— Да, я сама себе удивилась, — ответила Нат Тарт. — Бабушка будет довольна. «Первая степень» звучит так славно, правда? Я похвасталась этим перед своим кузеном, но он сказал, что так делать неприлично. В Англии принято ждать, пока тебя спросят о твоих успехах.

— Да, — грустно сказала Люси. — И хуже всего то, что очень мало кто спрашивает. Число тех, кто ставит свечу в подсвечник и светит во всем доме, в Великобритании трагично мало (Мтф.V,15).

— Не в Великобритании, — поправила Нат Тарт. — Он говорит — мой кузен — что севернее реки Твид хвастать можно. Знаете, это река на границе Англии и Шотландии. Рик говорит, что в Данбаре вы можете хвастаться, а в Бервике — нет.

— Мне бы хотелось познакомиться с Риком, — сказала Люси.

— Кстати, он думает, что вы — чудо.

— Я?

— Я рассказывала ему о вас. Мы в антракте говорили только о вас.

— О, вы ходили в театр?

— Ходил он. А меня повели.

— Значит, вам не понравилось? — спросила Люси, аплодируя в душе молодому человеку, который заставил Нат Тарт делать что-то, чего ей делать не хотелось.

— О, это было, как говорится, «не слишком плохо». Когда есть немного высокопарности — это даже приятно — для разнообразия. А балет мог бы быть лучше. Он танцор *manque*^[33], этот тип.

— Эдвард Эйдриан?

— Да. — Мысли Нат Тарт, похоже, отклонились в сторону. — Англичане носят шляпы только одного фасона, — произнесла она задумчиво. — С поднятыми сзади и опущенными спереди полями.

С этими словами она направилась в обход дома, оставив Люси размышлять, относилось это неожиданное замечание ко вчерашней публике или было вызвано появлением на подъездной аллее Дэйкерс. Воскресная шляпка Дэйкерс была, действительно, просто улучшенной копией шляпки, которую та носила в школе, и выглядывающее из-под узеньких полей милое улыбающееся пони-образное личико казалось еще более юным, чем

всегда. Увидев мисс Пим, Дэйкерс широким жестом сняла шляпу и громко выразила радость, что видит Люси в добром здравии после суровых испытаний вчерашнего вечера. По ее словам это было первое утро за всю ее, Дэйкерс, жизнь в колледже, когда она не смогла съесть пятый кусок хлеба с джемом.

— Обжорство — один из семи смертных грехов, — заметила Дэйкерс, — так что сегодня утром мне необходимо было исповедаться. Я пошла в баптистскую церковь, потому что она ближе всех.

— И вы чувствуете облегчение?

— Не знаю, чувствую ли я облегчение, теперь, когда вы спросили об этом. Все было похоже на обыкновенную беседу.

Люси поняла это так, что пристыженной душе требовался ритуал.

— Во всяком случае, дружескую.

— О, страшно дружескую! Священник начал проповедь с того, что оперся на локоть и заявил: «Ну вот, друзья мои, день сегодня прекрасный». А выходя все пожимали друг другу руки. И у них есть очень красивые воинственные гимны, — добавила Дэйкерс, перебрав в уме достоинства баптистов. Она задумалась еще на минуту и проговорила: — По дороге в Ларборо есть еще какие-то Портсмутские братья...

— Плимутские.

— Что плимутские?

— Плимутское братство, наверно, хотите вы сказать.

— Ну да. Я знаю, что они имеют какое-то отношение к морскому флоту. А я по склонности помпеянка. Ладно, попробую зайти к ним в будущее воскресенье. Как вы думаете, это не частное владение или что-нибудь вроде этого?

Мисс Пим так не думала, и Дэйкерс шутливо махнула шляпкой, изобразив прощальный жест, и пошла вокруг дома.

По одиночке, по двое и маленькими группками возвращались студентки в колледж после своей обязательной утренней прогулки. В зависимости от темперамента они приветствовали Люси взмахом руки, словом или просто улыбкой. Даже Роуз прокричала на ходу веселое «С добрым утром, мисс Пим!». Почти последними появились Бо и Иннес; они шли медленно, и вид у них был безмятежный и расслабленный. Остановившись под окном, они взглянули на Люси.

— Язычица! — проговорила Бо, улыбаясь.

Как жалко, что они не были вчера на вечеринке, сказали девушки, но будут другие вечера.

— Я сама устрою вечеринку, когда пройдет Показ, — заявила Бо. —

Вы придете, хорошо?

— С удовольствием. Как вам понравилось в театре?

— Могло быть хуже. Мы сидели рядом с Колином Бэрри.

— Кто это?

— Известный всей Англии хоккейный полузащитник.

— Наверно, это очень помогало смотреть «Отелло».

— Это помогало вытерпеть антракты, уверяю вас.

— А вам не хотелось посмотреть «Отелло»?

— Нам — нет. Нам до смерти хотелось посмотреть новый фильм с Ирмой Айрлэнд — «Пылающие барьеры». Звучит очень знойно, но в действительности это просто настоящий лесной пожар. Только мои родители считают, что праздничный вечер — это театр и коробка шоколада для антрактов. Нам не хотелось разочаровывать дорогих старичков.

— А им понравилось?

— Они были в восторге. За ужином только об этом и говорили.

— И вы осмеливаетесь называть кого-то язычником, — заметила Люси.

— Приходите сегодня пить чай со Старшими, — сказала Бо.

Люси поспешила ответить, что уже приглашена к чаю.

Бо посмотрела на ее виноватое лицо, чуть-чуть улыбнувшись, но Иннес вежливо сказала:

— Нам следовало пригласить вас раньше. Вы ведь не уедете до Показа, правда?

— Не уеду, если ничего не случится.

— Тогда вы придете к чаю в следующее воскресенье?

— Благодарю вас. Если я буду здесь — с удовольствием.

— Это мне — урок хороших манер, — сказала Бо.

Они стояли на посыпанной гравием дорожке, подняв к ней лица, улыбаясь. Такими она и запомнила их навсегда. Освещенными лучами солнца, спокойными, изящными, уверенными друг в друге и в том, что мир справедлив. Никакое сомнение не омрачало их души. Они считали само собой разумеющимся, что теплый гравий у них под ногами — твердая почва, а не край пропасти, грозящей катастрофой.

Колокол «за пять минут до гонга» встряхнул их. Когда они убежали, в гостиную вошла мисс Люкс; такой мрачной Люси ее еще никогда не видела.

— Не могу понять, почему я не ушла, — проговорила она. — Если бы я вовремя сообразила, не пришлось бы участвовать в этом гнусном фарсе.

Люси ответила, что сама думала о том же.

— Полагаю, нет никаких признаков, что намерения мисс Ходж изменились?

— Насколько я знаю, нет. Боюсь, это маловероятно.

— Как жаль, что мы все не ушли куда-нибудь. Если бы мисс Ходж пришлось назвать фамилию Роуз перед совсем пустым столом, колледж понял бы, по крайней мере, что мы не желаем участвовать в этом пародийном представлении.

— Если бы не нужно было отмечаться в табеле, что «уходишь» до одиннадцати часов, я бы удрала сейчас, но у меня не хватает мужества.

— Ладно, может, нам удастся придать лицам такое выражение, что все поймут: мы считаем, что это дело дурно пахнет.

Люси подумала: мисс Люкс не желает присутствовать, потому что это может быть расценено как моральная поддержка, а я просто как ребенок хочу убежать от неприятностей. Не в первый раз Люси захотелось, чтобы у нее был характер, более достойный восхищения.

Вплыла мадам Лефевр; на ней был шелковый костюм темношоколадного цвета, на ярком свету отсвечивающий синим металлическим блеском и делавший ее больше, чем когда-либо похожей на экзотическую стрекозу. Отчасти в этом были виноваты, конечно, ее огромные, как фонари, глаза. Как на фотографиях насекомого, сделанных крупным планом, из каких-нибудь рассказов о природе — глаза и хрупкое коричневое тело, такое угловатое и такое изящное. Мадам, кажется, справилась с приступом нахлынувшей было ярости и вновь обрела привычный отстраненно-презрительный взгляд на род людской; теперь она смотрела на происходящее со злым, хоть и слегка развлекающим ее отвращением.

— Никогда не присутствовала на поминках, — заявила мадам. — С интересом жду сегодняшнего представления.

— Вы вампир, — сказала Люкс без всякого чувства, как будто у нее уже не было сил, чтобы реагировать. — Сделали вы хоть что-нибудь, чтобы заставить ее изменить свое решение?

— О да, я боролась с Темными Силами. Боролась изо всех сил. Старалась быть убедительной, смею сказать. С примерами и ссылками. Кто это был осужден вечно катить камень в гору? Удивительно, как эти мифологические выдумки приложимы и к сегодняшнему дню. Интересно, можно ли поставить балет «Наказание»? Чистка конюшен и тому подобное. На музыку Баха, быть может. Хотя Бах и не очень вдохновляющий композитор в смысле хореографии. И слишком многие возмутятся и проклянут того, кто на это осмелится.

— Ох, перестаньте, — проговорила Люкс. — Мы собираемся потворствовать совершению мерзости, а вы рассуждаете о хореографии.

— Моя добрая, хоть и слишком серьезная Кэтрин, вы должны научиться принимать жизнь такой, какая она есть, и сторониться того, что вы не можете изменить. Совершенно правильно советуют китайцы: если насилия не избежать, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие. Мы потворствуем мерзости, как вы исключительно точно определили. Однако как разумные люди мы интересуемся и побочными продуктами процесса. Любопытно посмотреть, например, как отреагирует маленькая Иннес. Окажется удар смертельным, побудит ее к каким-нибудь поступкам или бросит в пучину диких мук бессмысленных действий?

— Идите к черту с вашими метафорами. Вы городите чепуху и знаете это. Нас вынуждают морально одобрить насилие над другим человеком и, насколько я знаю, ни в истории, ни в философии, ни в китайской, ни в какой-либо другой, подобного примера нет.

— Насилие? — произнесла фрекен, входя в комнату в сопровождении матери. — Кого собираются насилловать?

— Иннес, — ответила Люкс сухо.

— О-о. — Искорка в глазах фрекен погасла, они опять стали холодными и бледными. — Да, — проговорила она задумчиво. — Да.

Крупно лицо фру Густавсен, похожее на лицо жены Ноя, выглядело озабоченным. Она переводила взгляд с одной преподавательницы на другую как будто желая найти хоть какой-то проблеск надежды, хоть намек на то, что проблема может быть решена. Она подошла к окну, возле которого сидела Люси, быстро кивнула, что должно было означать короткое пожелание доброго утра, и заговорила по-немецки:

— Вы знаете, что собирается делать директриса? Моя дочь очень сердится. Очень сердится моя дочь. С самого ее детства я не видела, чтобы она так сердилась. Это очень плохо, то, что происходит? Вы тоже так думаете?

— Да, к сожалению, я тоже так думаю.

— Мисс Ходж очень хорошая женщина. Я восхищаюсь ею. Но когда хорошая женщина делает ошибку, это может оказаться гораздо хуже, чем ошибка плохой женщины. Неизмеримо хуже. Жаль.

Очень жаль, согласилась Люси.

Дверь открылась и вошла Генриетта, в ее кильватере двигалась взволнованная Рагг. Генриетта казалась спокойной, разве только немного более величественной, чем обычно (или чем того требовали обстоятельства), а Рагг посылала всем умоляющие улыбки, как бы

призывая: «девочки, будем держаться вместе и видеть все в розовом свете». Возникший в среде коллег крайний антагонизм пугал ее, и она бросала призывные взгляды на мадам, за которой обычно следовала по пятам. Однако мадам с широкой сардонической улыбкой смотрела только на Генриетту.

Генриетта пожелала всем доброго утра (она позавтракала в своей комнате); она рассчитала время своего появления так точно, что прежде чем она успела договорить приветствие, отдаленный гул гонга возвестил, что настало время действий, а не слов.

— Пожалуй, пора идти вниз, — сказала Генриетта и первой направилась к двери.

Мадам, скосив глаза в сторону Люкс, выразила этим свое восхищение столь «генеральским» поведением и последовала за Генриеттой.

— И правда, поминки, — заметила Люкс, когда они с Люси спускались по лестнице. — Напоминает Фотерингой^[34].

Разгоряченному воображению Люси показалось, что тишина, встретившая их в столовой, была лишь внешней данью скромности, что она полна ожидания; и действительно в тот день колледж был возбужден, как никогда, так что Генриетта в перерыве между мясным блюдом и пудингом послала Рагг передать Бо просьбу, чтобы студентки вели себя сдержаннее.

Ненадолго они примолкли, но скоро все забыли, и снова смех и болтовня неслись отовсюду.

— Они так возбуждены, потому что экзаменационная неделя позади, — как бы извиняя студенток, сказала Генриетта и оставила их в покое.

Это был ее единственный вклад в беседу — она никогда не разговаривала за едой — однако Рагг регулярно с храбростью произносила маленькие банальности, обводя взглядом хмурые лица сидящих за столом — как терьер, который принес кость к ногам своего хозяина. Рагг была ни в чем не повинным инструментом казни, пассивным ножом гильотины, она осознавала свою роль и молча просила у всех прощения за это. О, пожалуйста, ради всего святого, казалось, говорила она, я только младший преподаватель гимнастики в этом заведении, это не моя вина, что я обязана вечно таскаться за ней; что вы хотите от меня? чтобы я ей сказала — пусть объявит эту проклятую новость сама?

Люси было жаль мисс Рагг, несмотря на то, что от ее банальностей она готова была закричать. Успокойтесь, хотелось ей сказать, пожалуйста, успокойтесь, в такой ситуации лучше всего помолчать.

Наконец, Генриетта сложила свою салфетку, оглядела стол, дабы убедиться, что весь штат ее преподавателей кончил есть, и поднялась. Преподаватели поднялись вслед за ней, и все студентки тоже встали — с редким рвением и единодушием. Они явно ждали этого момента. Против своей воли Люси обернулась и посмотрела на девушек, на ряды открытых, полных ожидания лиц, не способных подавить улыбку; ее отнюдь не успокоило то, что у них был такой вид, как будто достаточно малейшего повода — и они разразятся приветственными криками.

Когда Генриетта повернулась и пошла к двери, а преподаватели последовали за ней, Рагг посмотрела на веселую толпу девушек и произнесла слова, которые ей было поручено произнести:

— Мисс Ходж желает видеть мисс Роуз у себя в кабинете после ленча.

XIII

Лиц Люси видеть не могла, но почувствовала, как внезапно тишина стала пустой. Пустой и мертвой. Такова разница между летней тишиной, наполненной щебетом птиц, шелестом листьев, шорохом ветра в траве, и застывшей тишиной арктической пустыни. А потом как раз в тот момент, как преподаватели подошли к дверям, сквозь мертвую пустоту донесся первый слабый свистящий шопот — они повторяли фамилию.

«Роуз!» говорили они. «Роуз!»

И Люси, выйдя на теплый воздух, на солнце, вздрогнула. Звук их голосов напомнил ей шуршание крошечных льдинок, которые злой ветер гнал по ровному снегу. Она даже вспомнила, где она видела такие льдинки и слышала их шорох: эту Пасху она провела в Спейсайде; они опоздали на автобус в Грэнтаун, оказались далеко от дома и им пришлось долго идти пешком под свинцовым небом и злым ветром сквозь ледяной мир. Вот и сейчас, идя через залитый солнцем двор, Люси почувствовала себя очень далеко от дома, и небо показалось ей таким же свинцовым, как в мартовскую бурю в горах Шотландии. На какой-то момент ей захотелось быть дома, в своей маленькой гостиной с ее ничем не нарушенным миром, которого не касаются человеческие проблемы и не задевают человеческие горести. Она подумала, не изобрести ли какой-нибудь предлог, который позволит ей уехать, после того, как она получит завтрашнюю почту и появится возможность на что-нибудь сослаться. Однако она, как ребенок, хотела посмотреть в пятницу Показательные выступления и у нее появился личный интерес к тому, что поначалу являлось просто новым зрелищем. Она знала всех Старших и многих Младших, расспрашивала их о Показе, делила с ними предвкушение праздника, отчасти смешанное со страхом, даже помогала шить им костюмы. Показ должен был быть вершиной, ликующей песней, точкой, к которой они шли все время обучения в колледже, и Люси не могла уехать, не увидев его, не приняв участия в нем.

Преподаватели, направлявшиеся к фасаду дома, ушли вперед, а Рагг задержалась, чтобы приколоть какое-то объявление к доске; она с откровенным облегчением вытерла пот со лба и сказала:

— Слава Богу, все. Наверно, это худшее из того, что мне приходилось делать. Как только начинала думать об этом, даже есть не могла.

Люси вспомнила, что, действительно, видела на тарелке мисс Рагг недоеденным большой кусок пирога.

Такова жизнь, да. Перед лицом Иннес захлопнули райские врата, а Рагг не могла доесть пудинг!

Из столовой еще никто не вышел — аппетит у студенток был гораздо лучше, чем у преподавателей, и обычно они кончали есть на десять-пятнадцать минут позже, так что, когда Люси шла в свою комнату, коридоры были пусты. Она решила удрать из Лейса, пока толпа студенток не хлынула на природу. Она уйдет далеко, в зеленое, белое и желтое, что является сельской природой, она будет вдыхать май, лежать на траве, ощущать, что мир вращается вокруг своей оси и вспоминать, что это очень большой мир, что горести колледжа очень велики и горьки, но они скоро пройдут, и что по Шкале Ценностей это Очень Слабое Пиво.

Люси сменила туфли на более подходящие для полевых тропинок, перешла в «старый дом», спустилась по лестнице и вышла в переднюю дверь, желая избежать встречи со студентками, которые вот-вот начнут просачиваться из столовой. В «старом доме» было очень тихо, из чего Люси заключила, что сегодня никто не задержался в гостиной после ленча. Она обошла дом и направилась к полям за гимнастическим залом, а в мозгу ее смутно шевелились мысли о Бидлингтоне и «Чайнике». Живая изгородь справа от нее была похожа на сплошную пену кремового цвета, а слева раскинулось золотое море лютиков. Вязы, колыхавшиеся в теплом воздухе, были прикованы якорями каждый к собственной пурпурной тени, а под ногами у Люси был узор из маргариток на низкой траве. Вокруг был очень славный мир, красивый, искренний, добрый мир, и день был совершенно не подходящим для того, чтобы — о, бедняжка Иннес! бедняжка Иннес! — опрокинуть и раздавить человека.

Люси решала проблему, перейти ли маленький мостик и повернуть вдоль реки в Бидлингтон, или пойти вверх, направляясь в неизвестность, и в этот момент увидела Бо. Бо стояла на середине моста и смотрела на воду, но ее золотые волосы и зеленое платье настолько вписывались в свет-и-тень под ивами, что Люси даже не заметила, что тут кто-то есть. Когда она вошла в тень и солнце перестало слепить глаза, она увидела, что Бо взглядом следит за ней, но девушка не поздоровалась. Это было так непохоже на Бо, что Люси стало страшно.

— Хэлло, — сказала она и облокотилась на деревянные перила рядом с Бо. — Правда, прекрасный день?

— Ты обязательно должна говорить, как идиотка? — спросила она себя.

Ответа не последовало. Потом Бо произнесла:

— Вы знали об этом назначении?

— Да, — ответила Люси. — Я — я слышала, как преподаватели говорили об этом.

— Когда?

— Вчера.

— Значит, сегодня утром, когда вы разговаривали с нами, вы знали.

— Да. А что?

— Было бы лучше, если бы кто-нибудь предупредил ее.

— Кого?

— Иннес. Не очень приятно получить кулаком по зубам в присутствии всех.

Люси поняла, что Бо вне себя от гнева. До сих пор девушка всегда прекрасно владела собой, но сейчас она была так расстроена, что почти не могла говорить.

— Но как я могла предупредить? — задала Люси логичный вопрос, придя в смятение от того, что на нее хотели возложить личную ответственность за дело, в которое она не считала себя вправе вмешиваться. — Я не могла даже упомянуть об этом раньше, чем мисс Ходж объявила о своем решении. Насколько я понимаю, она могла изменить его; когда я рассталась с ней, еще оставалась вероятность, что она посмотрит на вещи с... — Люси замолчала, поняв, куда это может ее завести. Но и Бо тоже поняла. Она резко повернула голову и посмотрела на мисс Пим.

— О, вы спорили с ней. Значит, вы не одобрили ее выбор?

— Конечно, нет. — Люси поглядела на рассерженное юное лицо, находившееся так близко от ее собственного, и решила быть откровенной. — Знайте, Бо, никто не одобрил. Преподаватели восприняли это так же, как вы. Мисс Ходж мой старый друг, я обязана ей многим, я восхищаюсь ею, но что касается этого назначения — она приняла решение, не считаясь ни с кем. Услышав об этом, я пришла в отчаяние, я бы сделала что угодно, только бы отменить его, проснуться завтра утром и обнаружить, что все — дурной сон; но предупредить... — она развела руками, выражая свою беспомощность.

Бо снова уставилась на воду.

— Такая умная женщина, как вы, должна была бы придумать что-нибудь, — пробормотала она.

Слова «умная женщина» внезапно показали, насколько Бо еще молода и как она нуждается в защите; это было очень непохоже на уверенную в себе светскую девушку Бо — искать помощи у совершенно ординарной Пим или называть ее «умной женщиной». Оказывается, Бо еще ребенок;

рассерженный, задетый тем, как дурно поступили с ее подругой. В этот момент она нравилась Люси еще больше, чем всегда.

— Хоть бы намек, — продолжала бормотать Бо, обращаясь к реке, — хоть бы предположение, что кто-то еще может оказаться на беговой дорожке. Что угодно, что могло бы предупредить ее. Смягчило бы удар. Предостерегло бы, чтоб она не была так открыта со всех сторон. Можно наказывать, но нельзя устраивать побоище. Вы могли бы принести маленькую жертву ради этого, разве не так?

Люси с запозданием почувствовала, что, пожалуй, могла бы, и спросила:

— Где она? Где Иннес?

— Не знаю. Она удрала из колледжа, прежде чем я успела поймать ее. Я знаю, что она побежала сюда, но куда она пошла потом, не знаю.

— Она воспримет это очень болезненно?

— А вы ждете, что она будет вести себя в этом кошмарном безобразии храбро и благородно? — зло сказала Бо, но потом спохватилась. — О, извините. Пожалуйста, простите меня. Я знаю, вы тоже огорчены. Просто я не гожусь сейчас для разговоров.

— Да, мне очень жаль, — сказала Люси. — С первого раза, как я ее увидела, я восхищалась Иннес, и я думала, что она добьется большого успеха в Арлингхерсте.

— Добилась бы, — пробормотала Бо.

— А как приняла новость мисс Роуз? Наверно, была удивлена?

— Я не стала дожидаться ее, — отрезала Бо, а потом сказала: — Я, пожалуй, пойду вверх по реке. Там есть небольшие заросли боярышника, который она очень любит; может, она там.

— Вы обеспокоены? — спросила Люси, чувствуя, что если Бо намеревается искать подругу только для собственного успокоения, то Иннес наверняка предпочла бы сейчас побыть одной.

— Не думаю, что она решит покончить с собой, если вы это имеете в виду. Но, конечно, я волнуюсь за нее. Удар вроде этого был бы болезненным для любого, особенно сейчас, в конце семестра, когда все устали. Но Иннес — Иннес всегда всему придавала очень большое значение. — Бо помолчала и снова стала смотреть на воду. — Когда мы были Младшими и мадам мучила нас своим сарказмом — мадам может быть просто ужасной — мы выходили из класса с синяками, а у Иннес была по-настоящему содрана кожа; действительно, до голого мяса. Она никогда не плакала, как другие, когда им невмоготу. Она просто — просто сгорала изнутри. — Бо замолчала, очевидно, решив, что и так наговорила

достаточно. Она чуть было не проявила нескромность и пришла к выводу, что не следует обсуждать подругу с почти посторонним человеком, пусть даже доброжелательно настроенным. — У нее нет смазки на перьях, у Иннес, — заключила она.

Бо сошла с мостика и двинулась по тропинке под ивами. Перед тем, как скрыться из виду, она остановилась и сказала:

— Если я нагубила, пожалуйста, простите меня. Я не хотела.

Люси продолжала смотреть на гладкую тихую воду, изо всех сил желая, чтобы можно было достать маленькую красную книжку, которую она так неосмотрительно кинула в ручей два дня назад, и думая о девушке, у которой не было «утиной спинки» — не было защитного механизма против мирской непогоды. О девушке, которая не хныкала и не смеялась, которая вместо этого «сгорала изнутри». Хорошо бы Бо не нашла ее, пока не пройдет самый тяжелый момент, подумала Люси. Иннес не бросилась к Бо за сочувствием, она убежала сразу и как можно дальше от людей, и лучше оставить ее в одиночестве, которого она искала.

А Бо, во всяком случае, полезно будет узнать, что в мире существуют и препятствия, и разочарования; до сих пор жизнь была слишком ласковой к Бо. Жаль, что ей приходится учиться за счет Иннес.

Люси перешла мостик, оказавшись на игровой площадке и пошла по полю, пользуясь проходами в живой изгороди там, где они попадались. Она надеялась, что не встретится с Иннес и на всякий случай решила, если это произойдет, не смотреть в ее сторону. Но Иннес не было. Вообще никого не было. Все еще переваривали съеденный ростбиф. Люси была наедине с цветущими кустами изгороди, пастбищем и синим небом. Потом она дошла до края склона, откуда открывался вид на широкую долину; там она села на землю, прислонившись спиной к дубу; в траве жужжали насекомые, в небе проплывали большие белые облака, а тень от дерева медленно двигалась по кругу у ее ног. Способность Люси к ничегонеделанью была почти бесконечной, и это приводило в отчаяние и ее наставников, и ее друзей.

Только когда солнце коснулось верхнего края кустов изгороди, она поднялась и решила двигаться дальше. Результатом ее раздумий было одно: она поняла, что не может сегодня сидеть со всеми за ужином; она будет гулять, пока не натолкнется на какую-нибудь маленькую гостиницу, а потом в сумерках вернется в колледж, когда колокол «спать» уже разгонит всех по комнатам. Люси сделала большой полукруг по полям и примерно через полчаса увидела вдалеке шпиль, показавшийся ей знакомым; это перенесло ее мысли от поисков какой-нибудь гостиницы на вопрос, открыт ли «Чайник» по воскресеньям. А даже если закрыт, может быть, ей удастся

уговорить мисс Невилл дать ей заморить червячка чемнибудь хотя бы из консервной банки. Было уже половина восьмого, когда Люси добралась до окраин Бидлингтона. Она посмотрела на Памятник Мученикам — единственное уродливое сооружение в поселке — почти ощутив общность судьбы, но увидела открытую дверь «Чайника» и успокоилась. Милая мисс Невилл. Милая, большая, ловкая, деловая, приветливая мисс Невилл.

Люси вошла в уютную комнату, уже погрузившуюся в тень от расположенных напротив домов, и обнаружила, что она почти пуста. Какая-то семья занимала стол у окна на улицу, а в дальнем углу сидела молодая пара, которой, очевидно, принадлежал дорогой соуре^[35], стоявший в конце сада. Какая умница мисс Невилл, подумала Люси. После того, как схлынула июньская воскресная толпа посетителей, комната по-прежнему была идеально чистой и в ней пахло цветами.

Оглядываясь, Люси выбирала, за какой стол сесть, как вдруг чей-то голос окликнул ее.

— Мисс Пим!

Первым побуждением Люси было удрать; у нее не было никакого настроения болтать сейчас со студентками, но тут она увидела, что это Нат Тарт. Нат Тарт представляла собой женскую половину сидящей в углу пары. Мужской половиной был, несомненно, «мой кузен», Рик, который полагал, что она, Люси, чудо и который на языке колледжа именовался «этот жиголо».

Детерро встала, подошла к Люси поздороваться — в том, что касалось формальностей, ее манеры были очаровательны — и повела ее к своему столу.

— Как замечательно! — воскликнула она. — Мы говорили о вас, и Рик сказал, как бы ему хотелось познакомиться с вами, а вот и вы. Это чудо. Это мой кузен, Ричард Гиллеспи. Его при крещении назвали Рикардс, но он считает, что это слишком похоже на имя кинозвезды.

— Или руководителя джаза^[36], — добавил Гиллеспи, пожал Люси руку и усадил ее за стол. Его ненавязчивые манеры истого англичанина несколько нейтрализовали впечатление, которое производило его несомненное сходство с избитым образом латиноамериканского киногероя. Люси поняла, откуда произошел «жиголо»: черные гладкие волосы, очень густые, длинные ресницы, трепещущие ноздри, тоненькая полоска темных усиков, — все соответствовало типу; но, как показалось Люси, на этом сходство кончалось. Внешность он унаследовал от какого-то латиноамериканского предка, но манеры, воспитание, характер — тут он

был типично английским, продуктом закрытой средней школы. Он был значительно старше Детерро — около тридцати, предположила Люси, и казался приятным, достойным доверия человеком.

Выяснилось, что они уже сделали заказ, и Рик пошел на кухню добавить к нему еще одну порцию бедлингтонских гренок с сыром.

— Эти гренки с сыром совсем не те, которые подают в чайных в Лондоне, — пояснила Детерро. — Здесь очень вкусные соус из сыра на очень мягких тостах с маслом, и все это приправлено необычными вещами вроде мускатного ореха — думаю это мускатный орех — или тому подобного, и у них божественный вкус.

Люси, которая сейчас была не в том состоянии, чтобы придирчиво разбираться во вкусе пищи, сказала, что это звучит изумительно.

— Значит, ваш кузен англичанин?

— Ну да. Мы не «двоюродные брат и сестра», как вы это называете, — объяснила Детерро, когда Рик вернулся. — Сестра отца моего отца была замужем за отцом его матери.

— Проще говоря, — пояснил Рик, — наши дедушка и бабушка были братом и сестрой.

— Может быть, проще, но это не точно, — заявила Детерро, вложив в свои слова все презрение, которое латиноамериканцы испытывают к безразличию англо-саксов в установлении степеней родства.

— Вы живете в Ларборо? — спросила Люси Ричарда.

— Нет, я работаю в Лондоне, в нашем главном отделении. Но сейчас меня послали в Ларборо.

Взгляд Люси вопреки ее воле обратился на Детерро, изучавшую меню.

— Здесь находится одна из фирм, с которой мы связаны, и я должен поработать у них пару недель, — мягко добавил Рик и, посмотрев на Люси, улыбнулся одними глазами. — Я пришел к мисс Ходж и представил бумаги, удостоверяющие мое происхождение, мою респектабельность, мою платежеспособность, мою презентабельность, мою приверженность религии...

— О, Рик, хватит, — перебила Детерро, — не моя вина, что мой отец бразилец, а мать француженка. А что такое шафрановый пончик?

— Тереза — самый замечательный сотрапезник, какого только можно представить, — улыбнулся Рик. — Она ест как изголодавшийся лев. Другие мои приятельницы, когда их приглашаешь в ресторан, весь вечер подсчитывают калории и воображают, что происходит с их талией.

— Твои приятельницы, — с легким оттенком суровости в голосе заметила его кузена, — не провели целый год в колледже физического

воспитания в Лейсе, где заставляют работать до седьмого пота, а кормят овощным macedoine^[37].

Люси, вспомнив, какие горы хлеба бывали проглочены студентками за каждой едой, подумала, что это, пожалуй, преувеличение.

— Когда я вернусь в Бразилию, я буду жить как леди и есть как цивилизованный человек, тогда и придет время подумать о калориях.

Люси спросила когда она собирается уезжать.

— Мой пароход отходит в последний день августа. Я смогу немного понаслаждаться английским летом — от последнего дня в колледже до отъезда. Мне нравится английское лето. Такое зеленое, нежное, доброе. Мне нравится в англичанах все, кроме их одежды, их зимы и их зубов. А где находится Арлингхерст?

Люси, которая забыла, как легко Детерро перепрыгивает с одной темы на другую, была слишком удивлена, услышав это название, и не сразу отреагировала. Рик ответил за нее.

— Это лучшая в Англии школа для девочек, — закончил он свой рассказ. — А что?

— Это то, чем в данный момент взбудоражен весь колледж. Одна из студенток поедет туда работать прямо из Лейса. Послушать их, можно подумать, что она станет, по крайней мере, Dame.

— Мне кажется, вполне законное основание для переполоха, — заметил Рик. — Мало кто получает такое теплое местечко сразу после колледжа.

— Да? Значит, ты думаешь, это и правда честь?

— Очень большая, как мне кажется. Не правда ли, мисс Пим?

— Очень.

— Ну ладно. Я рада. Грустно думать, что она проведет целые годы в школе для девочек, но если это честь для нее, то я рада.

— Вы о ком говорите? — спросила Люси.

— Об Иннес, конечно.

— Вы не были за ланчем сегодня? — удивилась Люси.

— Нет. Рик приехал на машине, и мы отправились в «Голову Сарацина» в Боминстер. А в чем дело? Какое это имеет отношение к назначению в эту школу?

— В Арлингхерст поедет не Иннес.

— Не Иннес?! Но все говорили, что она. Все так говорили.

— Да, все этого ожидали, но повернулось иначе.

— Да что вы! Кто же тогда едет?

— Роуз.

Детерро уставилась на мисс Пим.

— Нет-нет! Нет, я отказываюсь верить. Это просто невозможно.

— Увы, это правда.

— Вы хотите сказать, что — что кто-то — что они отдали предпочтение этой *canaille*^[38], этой *espece de...*^[39]

— Тереза! — предостерег ее Рик, улыбаясь, так как впервые видел свою кузину такой взволнованной.

— Если бы я не была леди, я бы плюнула! — сказала она под конец ясным голосом.

Семья у окна оглянулась, удивленно и слегка испуганно. Они решили, что пора уходить и начали собирать вещи и подсчитывать деньги.

— Посмотри, что ты наделала, — сказал Рик. — Перепугала подданных.

В этот момент из кухни появились гренки; их несла мисс Невилл на блюде, которое она прижимала к своему большому животу, обтянутому ситцевым передником; тут Нат Тарт, которую появление блюда с яствами отнюдь не отвлекло от темы, вспомнила, что именно от мисс Невилл она впервые услышала новость о вакансии в Арлингхерсте, и обсуждение разгорелось с новой силой. Рик заметил, что Люси неприятен этот разговор и спас ее, заявив, что гренки стынут. Люси показалось, что ему самому гренки были безразличны, но он каким-то образом почувствовал, что она устала и что ей это дело не по вкусу. Она ощутила к молодому человеку теплое чувство и была благодарна ему почти до слез.

— В конце концов, — заметил Рик, когда Нат Тарт обратила свое внимание на еду, — я не знаком с мисс Иннес, но если она такая замечательная, как ты говоришь, она наверняка получит хорошее место, пусть не в самом Арлингхерсте.

С помощью именно этого аргумента Люси в течение всего длинного дня пыталась успокоить себя. Это звучало разумно, логично, уравновешенно, однако в качестве морального пластыря действовало не как беладонна, а только как красная фланель. Люси понимала, почему Нат Тарт отвергла этот аргумент с презрением.

— Как бы тебе понравилось, если бы тебе предпочли эту? — спросила она с полным ртом гренков. — Как бы тебе понравилось, если бы ты думал, что тебе собираются оказать честь, красиво продемонстрировать, что ты что-то значишь, а потом бы в присутствии всех получил бы пощечину?

«Дали кулаком по зубам», назвала это Бо. Ее реакция и реакция Детерро были удивительно похожи. С той только разницей, что Детерро сочла это оскорблением, а Бо физической травмой.

— А какое чудесное утро мы провели в этой самой комнате с отцом и матерью Иннес, — продолжала Детерро, переводя свои красивые глаза на столик, за которым они тогда сидели. Люси тоже думала об этом. — Такие милые люди, Рик, мне бы хотелось, чтобы ты познакомился с ними. Мы все были очень милы; я, и мисс Пим, и pere, и mere^[40] Иннес, как будто это был цивилизованный отдых и хороший кофе. Это было прелестно. А теперь...

Общими усилиями Рик и Люси отвлекли ее от этой темы, и только когда они усаживались в машину Рика, чтобы ехать обратно в Лейс, она все вспомнила и снова начала причитать. Однако расстояние от Бидлингтона до Лейса машина преодолела так быстро, что прежде чем Детерро успела хорошенько «завестись», они были уже у дверей колледжа. Люси попрощалась и собиралась тактично удалиться, однако, Нат Тарт последовала за ней.

— Спокойной ночи, Рик, — сказала она небрежно. — Ты приедешь в пятницу?

— Ничто не остановит меня, — заверил Рик девушку. — В три часа, да?

— Нет, в половине третьего. Так написано на твоём пригласительном билете. На приглашении, которое я тебе послала. Для делового человека ты не очень точен.

— О, свои деловые бумаги я храню в папках.

— А где ты хранишь мое приглашение?

— На золотой цепочке между рубашкой и сердцем, — ответил Рик и ушел, оставшись победителем в этой пикировке.

— Ваш кузен прелесть, — сказала Люси, когда они вместе подымались по ступеням.

— В так думаете? Я очень рада. Я тоже так думаю. У него есть все достоинства англичанина, и все это немного приправлено чем-то совсем не английским. Я рада, что он приедет в пятницу посмотреть, как я танцую. Чему вы улыбаетесь?

Люси, которая улыбалась такому типичному для Детерро взгляду на появление ее кузена в пятницу, поспешила сменить тему.

— А разве вы не должны входить в другую дверь?

— Да, конечно, но я не думаю, что кто-нибудь будет против. Через две недели я смогу свободно подниматься по этим ступеням, если захочу — я, кстати, не захочу — так что я могу воспользоваться ими и сейчас. Я не очень хорошо отношусь к дверям, через которые ходят торговцы.

Люси собиралась было нанести визит преподавателям, прежде чем отправиться к себе в комнату в торце крыла, но в холле было так тихо,

атмосфера в доме настолько пустынна, что она раздумала и пошла по пути наименьшего сопротивления. Она увидит всех завтра утром.

Нат Тарт решила напоследок отдать дань правилам колледжа и, поскольку тишина в коридоре явно означала, что колокол «по комнатам» уже по крайней мере несколько минут как прозвенел, они пожелали друг другу спокойной ночи, и Люси пошла к себе. Раздеваясь, она прислушивалась, не донесется ли какой-нибудь звук из соседней комнаты. Но там было абсолютно тихо; и свет оттуда не проникал, как отметила Люси, задергивая свои занавески. Неужели Иннес не вернулась?

Люси посидела немного, размышляя, не нужно ли что-нибудь предпринять. Если Иннес не вернулась, хорошо бы, конечно, успокоить Бо. А если Иннес вернулась и молчит, может быть, можно каким-либо знаком, какой-нибудь маленькой услугой выразить свое сочувствие, не вторгаясь на чужую территорию?

Люси выключила свет, раздвинула занавески и села у открытого окна, глядя на ярко освещенные квадраты по всему периметру маленького четырехугольника — здесь считалось чудачеством задергивать занавески — и наблюдая за тем, чем занимаются студентки, оставшись одни. Одна причесывалась, другая что-то шила, третья перевязывала ногу. (Святая Простота — прыгала на одной ноге в поисках ножниц вместо того, чтобы, как опытная массажистка, воспользоваться индивидуальным пакетом), четвертая надевала пижаму, пятая гонялась за мотыльком.

Пока Люси сидела, два окна погасли. Завтра колокол разбудит опять в пол-шестого, а поскольку экзамены уже сданы, нет необходимости бодрствовать над тетрадями до последней минуты.

Люси услышала шаги и встала, решив, что идут к ней. Дверь Иннес тихо отворилась и закрылась. Свет не зажегся, но Люси услышала легкое шевеление — кто-то готовился лечь спать. Потом шлепанье тапочек в коридоре, тихий стук. Ответа не было.

— Это я, Бо, — произнес голос, и дверь комнаты Иннес открылась. Когда она снова закрылась, послышался шепот. Запах кофе и еле слышное позвякивание посуды. Очень разумно со стороны Бо подумать о еде. С какими бы демонами не боролась Иннес эти долгие часы — от полудня до десяти — она сейчас наверняка эмоционально опустошена и съест все, что перед ней поставят. Шепот продолжался, пока не прозвенел сигнал «гасить свет». Тогда дверь снова открылась-закрылась, и тишина в соседней комнате влилась в общую тишину, окутавшую Лейс.

Люси упала в постель; она настолько устала, что у нее едва хватило сил натянуть на себя одеяло. Она была зла на Генриетту, жалела Иннес и в

то же время немного завидовала, что у нее есть такой друг, как Бо.

Она решила было не засыпать и постараться придумать какойнибудь способ выразить бедняжке Иннес свое сочувствие и глубокое негодование по поводу случившегося — и тут же заснула.

XIV

В понедельник наступила реакция. Люси вернулась в общество, для которого тема Арлингхерста уже была исчерпана. И преподаватели, и студентки в течение целого свободного дня успели насытиться разговорами об этой сенсации, и к вечеру говорить больше было не о чем; все возможные точки зрения были уже многократно изложены, *ad nauseam*^[41]. Так что в понедельник, когда возобновилась обычная жизнь, это событие отодвинулось на задний план. Верная мисс Моррис попрежнему приносила Люси ее завтрак в комнату, поэтому при первом появлении Иннес на публике она не присутствовала. Люси увидела всех студенток в сборе только во время ленча, когда привычка вести себя определенным образом огладила самые грубые шероховатости, и колледж выглядел почти как обычно. У Иннес было спокойное лицо, Люси нашла, что присущая ей некоторая отрешенность сменилась выражением совершенной замкнутости; с какими бы чувствами ей не пришлось вести борьбу, сейчас они были опущены в трюм, и люки крепко задраены. Роуз более чем когда-либо была похожа на кошку тети Селии, Филадельфию, и Люси очень хотелось выставить ее на улицу, чтобы она помяукала. Кроме того, ей очень хотелось узнать, как приняла Роуз неожиданное назначение; Люси даже решила спросить об этом мисс Люкс, когда они спускались к ленчу.

— Как выглядела Роуз, когда услышала новость?

— Как экстоплазм, — ответила мисс Люкс.

— Почему экстоплазм? — спросила удивленная Люси.

— Самое отвратительное, что я могу придумать.

Так что любопытство Люси осталось неудовлетворенным. Мадам упрекнула ее, что она вчера покинула их, но никто не стал шутить по поводу возможной причины ее бегства. Тень Показательных выступлений, до которых осталось всего четыре дня, нависла над всеми. Арлингхерст — это была вчерашняя сенсация, уже утратившая свежесть. Колледж снова принялся за работу.

Монотонное течение жизни между понедельником и пятницей было нарушено только двумя событиями.

Первым было то, что мисс Ходж предложила Иннес работу в Уичерлейском Ортопедическом госпитале, а та отказалась. Тогда это место было предложено и с благодарностью принято О'Доннелл, у которой камень с души свалился. («Дорогая, как славно!» воскликнула Дайкерс.

«Теперь я могу продать тебе мой больничный халат, который мне никогда больше не понадобится».) И действительно продала, и была так счастлива, что у нее в самом конце семестра в кошельке появились деньги, что немедленно стала торговать вразнос остатками своего имущества по всему крылу, и остановилась только тогда, когда Стюарт язвительно спросила, входят ли булавки в список обмундирования.

Вторым событием был приезд Эдварда Эйдриана, актера.

Это неожиданное происшествие случилось в среду. Вторая половина дня среды была отведена для плавания, и все Младшие, и те из Старших, у кого в это время не было пациентов, плескались в бассейне. Люси, которая с помощью молитв, расчетов и дикой решимости с трудом могла переплыть бассейн, не принимала участия в этих упражнениях, несмотря на горячие призывы освежиться. В течение получаса она наблюдала всеобщее веселье, а потом пошла к дому выпить чаю. Она шла через холл к лестнице, когда одна из апостолов — ей показалось, что это Льюк, но она все еще не очень уверенно различала их — выглянула из двери клиники и попросила:

— О, мисс Пим, пожалуйста, вы не могли бы минутку посидеть на ногах Альберта?

— Посидеть на ногах Альберта? — повторила Люси, не совсем уверенная, что правильно расслышала.

— Да, или поддержать их. Но легче посидеть. Дыра в ремне растянулась, а другого, свободного, нет.

Она ввела совершенно потрясенную Люси в тишину клиники, где студентки, выглядевшие очень непривычно в белых халатах, занимались исправлением физических недостатков своих пациентов, и указала на стол, на котором лицом вниз лежал мальчик лет одиннадцати.

— Понимаете, — сказала девушка и показала Люси кожаный ремень, — эта штука вырвалась из гнезда, дырка впереди натягивает слишком туго, а сзади слишком слабо. Может быть, вы просто придержите его ноги минутку, если не хотите посидеть на них.

Люси поспешила сказать, что она предпочитает поддержать.

— Прекрасно. Это мисс Пим, Альберт. Она заменит ремень на сей раз.

— Хэлло, мисс Пим, — сказал Альберт, косясь одним глазом.

Льюк — если это была она — подхватила мальчика снизу за плечи и рывком подтянула его вперед, так что только ноги остались на столе.

— Теперь, мисс Пим, прижмите руками его лодыжки к доске и держите, — скомандовала Льюк, и Люси подчинилась, думая, как на месте будет эта юная решительность в Манчестере и как тяжел, оказывается, одиннадцатилетний мальчик, когда стараешься придавить его лодыжки к

столу. Люси перевела взгляд с того, что делала Льюк, на других студенток, казавшихся такими незнакомыми и чуждыми в их новом обличьи. Будет ли когданибудь конец числу граней этой странной жизни? Даже те, кого она, Люси, хорошо знала, например, Стюарт, здесь выглядели иначе. Их движения были более размеренными, а в тоне, которым они разговаривали с пациентами, звучали звонкие ноты особой искусственной заинтересованности. Не было улыбок, не было болтовни; просто спокойствие госпиталя. «Немного вперед. Хорошо». «Сегодня это выглядит гораздо лучше, правда?» «А теперь попробуем еще раз, и на сегодня все».

Полы халата Хэсселт слегка распахнулись, Люси заметила блеск шелка и поняла, что девушка заранее переделалась для урока танцев, потому что перерыва между тем, как она кончит работу со своими пациентами, и уроком в гимнастическом зале, не будет. Либо она уже пила чай, либо перехватит чашку en route^[42].

Пока Люси размышляла о странностях этой жизни — шелковые платья для танцев под больничным халатом — под окнами проехала машина и остановилась у парадной двери. Очень элегантная и очень дорогая машина, очень длинная, очень блестящая, с шофером за рулем. Теперь так редко можно увидеть машину с шофером, если только в ней не инвалид, что Люси с интересом смотрела, кто выйдет оттуда.

Может быть, мать Бо? Это была именно такая машина, в которой ездят с дворецким.

Однако из машины вышел моложавый — Люси была видна только его спина — человек в костюме, какой можно встретить в районе между Сент-Джеймс стрит и Дьюк-оф-Йорк степс в период между октябрём и концом июня. Шофер, костюм — в мозгу Люси пронеслась мысль о члене королевской семьи, но она не смогла вспомнить подходящую персону; кроме того, члены королевской семьи теперь водили машины сами.

— Большое спасибо, мисс Пим. Вы нам очень-очень помогли. Скажи спасибо, Альберт.

— Спасибо, мисс Пим, — послушно повторил Альберт, а потом, поймав взгляд мисс Пим, подмигнул ей. Люси серьезно подмигнула ему в ответ.

В эту минуту, сжимая в руках банку с тальком, которую фрекен только что наполнила в задней комнате, в комнату ворвалась О'Доннелл и возбужденно, свистящим шепотом проговорила:

— Подумать только! Эдвард Эйдриан! В машине Эдвард Эйдриан!

— Ну и что? — спросила Стюарт, забирая у нее банку. — Ты что-то слишком долго ходила за тальком.

Закрыв за собой дверь клиники, Люси вышла в холл. О'Доннелл сказала правду. В холле стоял Эдвард Эйдриан. И мисс Люкс тоже сказала правду. Потому что Эдвард Эйдриан разглядывал себя в зеркале.

На лестнице ей встретилась спускавшаяся вниз мисс Люкс, а повернув на второй марш, Люси увидела, как встретились эти двое.

— Хэлло, Тедди, — произнесла мисс Люкс без всякого энтузиазма.

— Кэтрин! — воскликнул Эйдриан радостно и пошел ей навстречу, как будто собираясь обнять ее. Однако ее холодно протянутая рука остановила его.

— Что вы здесь делаете? Только не говорите, что у вас появилась «племянница» в Лейсе.

— Не грубите, Кэт. Конечно же, я приехал повидать вас. Почему вы не сообщили мне, что вы тут? Почему вы не приехали на мой спектакль, мы могли бы потом поужинать вместе и поговорить о старых...

— Мисс Пим, — проплыл над лестницей спокойный ясный голос мисс Люкс, — не убегайте. Я хочу познакомить вас с моим другом.

— Но Кэтрин, — услышала Люси, как со слабым протестом проговорил Эйдриан.

— Это знаменитая мисс Пим, — представила мисс Люкс Люси тоном, означавшим «не валяй дурака». — И ваша большая поклонница, — добавила она, чтобы окончательно лишить его возможности сопротивляться.

Интересно, подумала Люси, ожидая, пока они подымутся к ней, понимает ли он, как жестоко она поступает, или его самодовольство слишком велико, чтобы быть уязвленным ее отношением.

Когда они все вместе вошли в пустую гостиную, мисс Пим вдруг вспомнила, как Стюарт назвала его «утомленным, похожим на линяющего орла», и подумала, что это очень удачное определение. У Эйдриана были довольно красивые черты лица, но хотя ему не могло быть многим больше сорока — может быть, сорок три или сорок четыре — оно казалось старообразным. Без грима, без парика лицо выглядело усталым и потрепанным, а темные волосы уже начали редеть. Люси внезапно стало жаль его. У нее в памяти еще очень живо было впечатление от молодости, силы и красоты Рика, кузена Детерро, и избалованный успехом известный актер показался ей немного жалким.

Эйдриан вел себя необыкновенно любезно по отношению к Люси — он все знал о ее книге (он читал все бестселлеры), но одним глазом он все время следил за мисс Люкс, которая проверила, что осталось от чая, заглянула, есть ли заварка в маленьком чайнике, и явно решив, что

достаточно будет просто долить в него немного горячей воды, разожгла горелку под большим чайником с водой. Что-то в том, как Эйдриан постоянно ощущал присутствие Кэтрин Люкс, было загадкой для Люси. Как ей казалось, это не было игрой. Преуспевающая звезда, он мог, конечно, приехав к скромной учительнице женского колледжа, придать себе независимый вид и по актерскому обыкновению захотеть покрасоваться перед посторонним человеком. Конечно, для нее, Люси, он «играл», все его обаяние было пущено в ход, а обаяние было немалое; но все это чисто рефлекторно. По-настоящему весь его интерес был сосредоточен на холодной худой женщине, которая сочла, что для него сойдет и жидкий чай. Не часто случалось, улыбаясь про себя подумала Люси, чтобы Эдвард Эйдриан появлялся на пороге, а его не приветствовали звуками труб; ведь почти двадцать лет, с того дня, как этот покоривший сердца Ромео вызвал слезы на глазах критиков, которых тошнило от одного упоминания имени Монтеки, приход и уход Эйдриана являлся важным событием. Он был окружен неким ореолом значимости. Люди бросались выполнять его просьбы и мечтали угодить ему. Ему делали подарки и ничего не требовали взамен; ему приносили жертвы и не ждали благодарности. Он был Эдвард Эйдриан, и этим все было сказано. Его портреты высотой в два фута красовались на афишах, он был национальным достоянием.

Однако он приехал сегодня в Лейс, чтобы повидать Кэтрин Люкс, и следил за ней глазами преданного пса. Увидеться с Кэтрин, которая сочла, что для него достаточно долить горячей воды в старую заварку. Все это было очень странно.

— Надеюсь, ваши гастролы в Ларборо проходят успешно, Тэдди? — спросила Люкс, скорее, просто из вежливости.

— О да, вполне. Слишком много школьников, но приходится мириться с этим, когда играешь Шекспира.

— А вы не любите играть для молодежи? — спросила Люси, вспомнив, что молодежь, с которой она совсем недавно беседовала, не выражала особого желанья идти смотреть на него.

— Ну, знаете, это не самая лучшая аудитория в мире. Взрослые предпочтительнее. И потом для них, конечно же, снижены цены на билеты, что не помогает делать сборы. Но мы смотрим на это как на капиталовложение, — добавил он, демонстрируя великодушную терпимость. — Это будущие зрители, и их нужно воспитывать, приучать, куда следует ходить.

Люси подумала, что, если судить по результатам, воспитание оказалось совершенно безуспешным. Молодежь шла в очередь на нечто под

названием «Пылающие барьеры». Нельзя даже сказать, что они «не ходили» в театр, все было гораздо проще: они бежали оттуда.

Однако на светском чаепитии совершенно не время было открывать горькие истины. Люси спросила, приедет ли Эйдриан на Показательный выступления, что, похоже, вызвало недовольство у мисс Люкс. Он никогда не слышал о Показательных выступлениях и отнесся к этому с огромным жаром. Уже много лет он видит, что все вокруг делают только одно единственное гимнастическое упражнение: засунув пальцы ног под шкаф и удерживаясь ими, сгибаются и разгибаются в поясе. Танцы? Господи, и танцы будут? Ну, конечно, он приедет. Более того, после Выступлений он приглашает их поехать с ним в театр, а потом они поужинают вместе.

— Я знаю, Кэтрин терпеть не может театр, но один раз она выдержит, правда, Кэтрин? В пятницу вечером идет «Ричард III», так что вам не придется терпеть меня в романтической роли. Это не лучшая пьеса, но постановка замечательная, хоть мне и не следовало бы так говорить.

— Ярлык преступника, приклеенный честному человеку, яркий пример политической пропаганды, и крайне глупая пьеса, — таково было мнение Люкс.

Эйдриан улыбнулся во весь рот, как школьник.

— Согласен, только досидите до конца, и тогда увидите, как отлично можно поужинать в «Мидлэнде» в Ларборо, если раздражить несчастного актера. У них есть даже Йоханнисбергер^[43].

Легкий румянец разлился при этих словах на щеках Люкс.

— Видите, я помню, что вы любите. Йоханнисбергер, как вы однажды заметили, пахнет цветами, и это удалит театральную вонь из ваших ноздрей.

— Я никогда не говорила, что театр воняет. Он скрипит.

— Конечно, скрипит. Последние почти две сотни лет он все время старается удержаться на ногах.

— Знаете, что он мне напоминает? Карету для коронации. Анахроничный хлам, нелепая условность, которая у нас попрежнему в ходу, потому что мы унаследовали привязанность к ней от предков. Позолоченный реликт.

Чайник вскипел, и мисс Люкс налила кипятка в заварку.

— Предложите мисс Пим что-нибудь поесть, Тедди.

Тон совсем как у няни, подумала Люси, беря с тарелки, которую ей протянул Эйдриан, слегка обветрившийся сэндвич. Может быть, именно это и привлекало его? Может быть, это — ностальгия по миру, где его не считали никем особенным? Долго наслаждаться таким миром он бы,

несомненно, не смог, но весьма вероятно, что временами он уставал от того, что его жизнь была похожа на жизнь золотой рыбки в аквариуме, и искал отдыха в компании когонибудь, для кого он был просто Тэдди, который в школьные годы приезжал погостить на каникулах.

Люси повернулась к Эйдриану, чтобы что-то сказать, и была поражена выражением его лица, когда Кэтрин презрительно отвергла предложенную ей пищу. Улыбка, любовь, зажегшиеся в этих глазах, могли быть и братскими, но было что-то еще. Не безнадежность ли? Похоже на то. Во всяком случае что-то, не имеющее никакого отношения к братским чувствам; очень странно было видеть, что так смотрит Великая Звезда на некрасивую ироничную преподавательницу теории в Лейсе.

Люси перевела взгляд на невозмутимую Кэтрин и впервые увидела ее такой, какой ее видел Эдвард Эйдриан. Женщиной с задатками *belle laide*^[44]. В школьном мире, в котором она жила, ее манеру «хорошо» одеваться, ее простую прическу, отсутствие макияжа воспринимали как должное, а красивую фигуру и гибкую осанку считали само собой разумеющимся. Она была просто умная некрасивая мисс Люкс. А в мире театра она выглядела бы совершенно иначе! Большой подвижный рот, высокие скулы с ямками под ними, прямой короткий нос, красивый овал лица, — все это громко взывало, требуя грима. С обыденно точки зрения у мисс Люкс было лицо, от которого, по словам мальчишки-рассыльного, «часы останавливаются», однако, с любой другой точки зрения это лицо могло заставить посетителей «Айрис» перестать есть, если бы во время ленча она вошла туда, соответствующим образом одетая и умело подкрашенная.

Сочетание того, что она была *belle laide* и знала его очень давно, могло иметь для Эйдриана весьма значительную притягательность. Весь остаток времени за чаем мысли Люси были заняты пересмотром своих прошлых представлений.

Как только позволили приличия, она удалилась, оставив их *tete-atete*^[45], чего Эйдриан так явно желал; *tete-a-tete*, в котором мисс Люкс всеми силами старалась отказать ему. Он еще и еще умолял их принять его приглашение на вечер пятницы. Его машину будет ждать, к шести часам Показательные выступления закончатся, ужин в колледже будет лишь спадом напряжения после дня волнений, и пусть в «Ричарде III» много чепухи, но смотреть спектакль приятно, это он им обещает, и кормят в «Мидлэнде» действительно чудесно, с тех пор, как они переманили шеф-повара от «Боно» на Дувр-стрит, и он так давно не видел Кэтрин и даже

наполовину не наговорился с умницей мисс Пим, которая написала эту замечательную книгу, и кроме того, ему до смерти надоели компании актеров, которые только и говорят о театре и о гольфе, и они могли бы поехать, просто чтобы доставить ему удовольствие — и еще много всякого, и все это с обаянием опытного актера, искренне желающего, чтобы они сказали «да». В конце концов договорились, что вечером в пятницу они отправятся вместе в Ларборо, посмотрят «Ричарда III», за что будут вознаграждены хорошим ужином, а затем их отвезут на машине домой.

Однако Люси, идя в свое крыло, пребывала в некотором унынии. Она еще раз оказалась неправа — в отношении мисс Люкс. Мисс Люкс не была никому не нужной некрасивой женщиной, которая находила утешение в том, что посвятила себя красивой младшей сестре. Мисс Люкс была потенциально очень привлекательна и так мало нуждалась в утешении, что отказывалась принимать его от одного из самых преуспевающих и интересных современных мужчин.

Она очень ошибалась относительно мисс Люкс. Как психолог, Люси начала подозревать, что была очень хорошей учительницей французского языка.

XV

Единственным человеком, которого взволновало вторжение Эдварда Эйдриана в мир колледжа, была мадам Лефевр. Мадам в качестве представительницы театрального мира в колледже явно считала, что она могла бы внести большую лепту в этот визит. Она дала понять мисс Люкс, что та, во-первых, не имела права быть знакомой с Эдвардом Эйдрианом, а, во-вторых, если уж она с ним знакома, не имела права держать его для себя одной. Мадам немного утешилась, узнав, что она увидит Эйдриана лично и сможет поговорить с ним на его собственном, так сказать, языке. Он, наверно, почувствует себя совершенно растерянным, оказавшись среди аборигенов колледжа физического воспитания в Лейсе.

Люси, слушая эти вкрадчивые колкости во время ленча в четверг, в душе надеялась, что мадам не удастся снискать расположение Эйдриана настолько, что он пригласит ее в их компанию на ужин. Люси предвкушала удовольствие от вечера в пятницу, но, конечно, никакого удовольствия она не получит, если мадам весь вечер будет наблюдать за ней своими огромными глазами. Может быть, мисс Люкс вовремя сумеет сунуть палки в колеса. Не в обычае мисс Люкс мириться с тем, что ее не устраивает.

Продолжая думать о мадам, мисс Люкс и завтрашнем вечере, Люси рассеянно перевела взгляд на студенток и увидела лицо Иннес. Сердце ее остановилось.

Прошло, наверно, три дня с тех пор, как она мельком, на ходу встретила с Иннес, но разве могло за три дня произойти такой с лицом молодой девушки? Люси пристально вглядывалась, пытаясь понять, в чем заключается перемена. Иннес похудела, конечно, и была очень бледна, но дела было не в этом. Дело было даже и не в тенях под глазами и ямках на висках. И даже не в выражении лица; Иннес ела, спокойно глядя в тарелку. И все же ее лицо потрясло Люси. «Интересно, — подумала она, — неужели никто больше не видит и почему никто ничего не сказал». Это было одновременно неуловимо и явно, как улыбка на лице Моны Лизы, так же не поддавалось определению и так же бросалось в глаза.

Так вот что значит «сгорать изнутри», подумала Люси. «Плохо, когда человек сгорает изнутри», как сказала Бо. Действительно плохо, если это может настолько изменить лицо. Как может лицо оставаться спокойным и при этом — выглядеть вот так? Если уж на то пошло, как можно терпеть, что орел терзает твои внутренности, и внешне оставаться спокойной?

Люси посмотрела на Бо, сидевшую во главе ближайшего стола, и поймала беспокойный взгляд, который та бросила на Иннес.

— Надеюсь, вы вручили мистеру Эйдриану пригласительный билет? — обратилась мисс Ходж к Люкс.

— Нет, — ответила Люкс, которой до смерти надоели разговоры об Эйдриане.

— И, надеюсь, вы предупредили мисс Джалифф, что за чаем будет на одного человека больше.

— Он ничего не ест за чаем, так что я не стала беспокоиться.

Ох, хотелось закричать Люси, перестаньте нести мелкую чушь и посмотрите на Иннес. Что происходит с ней? Посмотрите на девушку, которая в прошлую субботу была само сияние. Посмотрите на нее. Что она напоминает вам? Когда сидит вот так, спокойная, красивая и совершенно больная внутри. Что она напоминает? Одно из тех удивительных деревьев в лесу, не так ли? Одно из тех внешне прекрасных деревьев, которые при малейшем прикосновении рассыпаются в прах, потому что они пустые внутри.

— Иннес не очень хорошо выглядит, — сдержанно-осторожно заметила Люси, когда они с Люкс шли наверх.

— Она выглядит совсем больной, — грубовато сказала Люкс. — А что в этом удивительного?

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила Люси.

— Можно найти для нее место, которого она заслуживает, — сухо ответила Люкс. — Но поскольку никаких мест вообще больше нет, это, скорее всего неосуществимо.

— Вы хотите сказать, что ей надо начинать рассылать заявления?

— Да. До конца семестра осталось только две недели, и не похоже, чтобы у мисс Ходж оставались незанятые места. Большинство мест на будущий учебный год заполняются сейчас. Это ужасная насмешка судьбы, правда? То, что самая блестящая за последние годы студентка вынуждена писать заявления-от-руки-с-просьбой-о-работе-в-пяти-экземплярах-«рекомендации-не-возвращаются».

«Черт побери, — подумала Люси. — Это просто ужасно».

— Ей было предложено место, так что ответственность с мисс Ходж снимается.

— Но это место в больнице, а она не хочет заниматься медициной, — возразила Люси.

— Да, да! Не надо обращать меня в свою веру. Я и так на вашей стороне.

Люси подумала о том, как завтра приедут родители, и сияющие дочери будут показывать им Лейс, переполненные воспоминаниями о проведенных здесь годах и надеждами на успехи в будущем. С каким, должно быть, нетерпением ждала этого Иннес, ждала момента, когда увидит отца и мать, двух людей, любящих ее так сильно, сумевших, отказывая себе во всем, дать ей то образование, к которому она стремилась; ждала, чтобы порадовать их известием об Арлингхерсте.

Оказаться выпускницей без места было достаточно скверно, но это горе можно поправить. А вот несправедливость происшедшего не поправить никогда. Несправедливость перенести тяжелее, чем любую другую беду, таково было твердое мнение Люси. Она до сих пор помнила уязвленность, беспомощный гнев, отчаяние, которые терзали ее, когда в юности она становилась жертвой несправедливости. Хуже всего — чувство беспомощного гнева, оно сжигало, как на медленном огне. Выхода не было, потому что с этим ничего не поделать. Действительно гибельное чувство. Люси подумалось, что тогда ей, как Иннес, не хватало чувства юмора. Однако разве когда-нибудь молодые обладали способностью посмотреть со стороны на свои горести и разумно оценить их? Конечно, нет. Не сорокалетние шли к себе наверх и вешались, потому что кто-то в неподходящий момент сказал неподходящее слово, а четырнадцатилетние подростки.

Люси казалось, что она понимает, какая неистовая ярость, разочарование, ненависть снедают Иннес; к ее чести, она приняла удар, сохранив внешнее достоинство. Другая на ее месте рыдала бы перед всеми без исключения и собирала бы выражения сочувствия, как уличный певец собирает монеты в шляпу. Только не Иннес. Может быть, ей и не хватало чувства юмора — жировой смазки на перьях, как называла Бо, но муки, которые она при этом испытывала, оставались только ее делом, и она не собиралась выставлять их напоказ ни перед кем, меньше всего перед теми, кого она бессознательно называла «они».

Люси не удалось придумать какого-нибудь милого ненавязчивого способа выразить Иннес свое сочувствие; цветы, сладости и прочие обычные знаки дружеских чувств не годились, а замены им она не нашла; а теперь она ругала себя за то, что, хоть Иннес и находилась рядом с ней каждую ночь, ее горе стало отходить для Люси на задний план. Она вспоминала о нем каждый раз, когда Иннес с колоколом «по спальням» входила к себе в комнату, помнила, пока доносившийся оттуда легкий шум свидетельствовал, что хозяйка — дома. Люси думала о ней, беспокоилась, но вскоре засыпала. Однако днем, когда постоянно было полно

разнообразных дел, она почти забывала об Иннес.

Роуз не проявляла намерений устроить в субботу вечеринку в честь получения места, однако никто не знал, было ли это продиктовано тактом, пониманием того, как к этому относится колледж, или присущей ей экономностью. Об общей вечеринке в честь Иннес, которую так радостно планировали, не могло быть и речи, а общую вечеринку в честь Роуз явно никто не собирался устраивать.

Даже если учесть тот факт, что Люси не было в Лейбсе в момент наибольшего возбуждения, когда, как легко предположить, все выговорились, как могли; казалось странным, что все студентки хранили абсолютное молчание по этому поводу. Даже маленькая мисс Моррис, которая болтала, не умолкая, каждое утро, когда приносила поднос с завтраком, никогда не упоминала об этой истории. С позиции студенток Люси в этом деле была «преподавателем», аутсайдером, может быть, даже соучастницей. Ей это очень не нравилось.

Но что ей нравилось меньше всего и от мыслей о чем она не могла отделаться, так это неопределенность будущего Иннес. Будущего, ради которого девушка изо всех сил трудилась эти годы, будущего, которое должно было стать триумфальным. Люси безумно хотелось найти для Иннес место немедленно, сию минуту, чтобы завтра, когда усталая счастливая женщина с сияющими глазами увидит, наконец, свою дочь, она не обнаружила бы, что та осталась с пустыми руками.

Однако ведь не станешь обходить все колледжи физического воспитания один за другим как торговец-разносчик, не станешь предлагать девушку друзьям, как неудачно сшитое платье. Желания помочь было недостаточно. А Люси кроме желания помочь, оказывается, не располагала ничем.

Ладно, она употребит свое желание помочь и посмотрит, куда оно приведет. Когда все остальные отправились наверх, Люси последовала за мисс Ходж в ее кабинет и сказала:

— Генриетта, а мы не можем изобрести место для мисс Иннес? Недопустимо, чтобы она осталась без работы.

— Мисс Иннес долго не будет без работы. А кроме того, я не могу себе представить, чтобы воображаемое место оказалось утешением.

— Я не сказала «вообразить», я сказала «изобрести»: сотворить. Наверняка во всей стране имеется дюжина вакансий. Не могли бы мы соединить Иннес и работу, избавив ее от томительного ожидания ответов на поданные объявления. Это ожидание, Генриетта. Ты помнишь, каково это? Написанные красивым почерком объявления и рекомендации, которые

не возвращают.

— Я предлагала мисс Иннес место, и она отказалась от него. Не вижу, что еще я могу сделать. У меня больше нет вакансий.

— Да, но ты могла бы связаться с каким-нибудь бюро по найму и поговорить о ней, не правда ли?

— Я? Это значило бы нарушить все правила. И это совершенно не нужно. Когда она будет давать объявление, она, естественно, сошлется на меня, и если бы я не хотела давать ей рекомендации...

— Но ты могла бы — о, ты могла бы попросить место, поскольку у тебя есть выдающаяся студентка...

— Люси, ты говоришь абсурдные вещи.

— Знаю, но мне бы хотелось, чтобы Иннес «где-то очень ждали сегодня в пять часов».

Мисс Ходж, которая не читала Киплинга — точнее, не знала о его существовании — пристально посмотрела на Люси.

— Для женщины, написавшей такую достопримечательную книгу — профессор Биток с похвалой отозвался вчера за чаем в колледже университета — ты рассуждаешь необыкновенно импульсивно и легкомысленно.

Эта сентенция окончательно разрушила надежды Люси, которая хорошо отдавала себе отчет в собственных талантах. Почувствовав себя уязвленной, она встала и посмотрела на широкую спину Генриетты, смотревшей в окно.

— Я очень боюсь, — проговорила Генриетта, — что погода испортится. Сегодняшний утренний прогноз был отнюдь не обнадеживающим, да и чудесные летние дни держались так долго, что пора ждать перемены. Если она произойдет завтра, это будет трагедия.

Трагедия, вот как! Господи, глупая, никому не нужная толстуха, это ты рассуждаешь легкомысленно. Может быть, у меня коэффициент интеллекта СЗ и детские порывы, но я умею распознать трагедию, когда вижу ее, и она не имеет ничего общего с тем, когда толпа людей убегает, спасая от дождя свои нарядные туалеты или сэндвичи с огурцами. Честное слово, это — не трагедия.

— Да, не хотелось бы этого, Генриетта, — медленно проговорила Люси, вышла и отправилась наверх.

Она немного постояла у окна на лестничной площадке, глядя на плотные черные тучи, собирающиеся на горизонте, и злорадно желая, чтобы завтра они, как Ниагара, обрушились на Лейс и затопили его, так, чтобы над всем колледжем, как в прачечной, подымался пар от сохнувшей

одежды. Однако Люси почти сразу осознала, сколь ужасны подобные мысли, и поспешно изменила свое пожелание. Завтра — великий день; Господи, благослови их; день, ради которого они трудились до седьмого пота, зарабатывали шрамы, терпели саркастические замечания, ради которого их били, ломали, вытягивали, день, которого они с надеждой ждали, проливая слезы, ради которого жили. Будет только справедливо, если завтра ради них будет светить солнце.

А кроме того, наверняка, у мисс Иннес есть только одна пара нарядных туфель.

XVI

За время своего пребывания в Лейсе Люси каждый следующий день все легче просыпалась по утрам. Когда дикий звон колокола в 5.30 впервые взорвался и разбудил ее, она, как только он стих, повернулась на другой бок и снова заснула. Однако постепенно привычка начала вырабатываться. Теперь она не только не засыпала после ранней пробудки, но в последние день-два в каких-то еще дремлющих глубинах души появилось ощущение момента, когда этот звонок должен прозвенеть. А утро Показательного выступления вообще можно назвать историческим, потому что она проснулась до *reveille*^[46].

Ее разбудил легкий холодок под ложечкой, чувство, которого она не испытывала с самого детства. Оно было связано с днями, когда в школе выдавали награды. Люси всегда получала какую-нибудь награду. Никогда ничего выдающегося, увы — вторая по французскому, третья по рисованию, третья по пению, однако ее обязательно как-то отмечали. Иногда ей приходилось и выступать — сыграть, например, прелюд Рахманинова. Не тот, который «да, да, да а да-де-де-де»; для «де-де-де» требовалась необыкновенная сосредоточенность — и новое платье. Отсюда и холодок внутри. И вдруг сегодня, столько лет спустя, она снова испытала это ощущение. Долгие годы любая дрожь в этой области тела появлялась только как результат несварения желудка, если к несварению можно отнести слово «только». Теперь же, поскольку она разделяла эмоции, испытываемые окружавшей ее молодежью, она разделяла с ними и волнения, и ожидания.

Люси села в постели и посмотрела в окно. Погода была пасмурной, серой, лежал холодный туман, но позже он поднимется, и день может оказаться великолепным. Стояла абсолютная тишина. Все застыло в предрассветном сумраке, только школьная кошка осторожно переступала по мокрым от росы камням, тряся попеременно лапками, как бы протестуя. Трава отяжелела от росы, и Люси, которая почему-то любила мокрую траву, посмотрела на нее с удовольствием.

Тишину разорвал звон колокола. Кошка, как будто внезапно вспомнив о безотлагательном деле, подпрыгнула и умчалась прочь. Гравий проскрипел под ногами Джидди, направлявшегося в гимнастический зал, и вот уже послышался жалобный вой пылесоса, как будто где-то вдали завывала сирена. Стоны, зевки и вопросы о погоде понеслись из окон всех

келий, окружавших двор, но никто не выглянул: встать было так кошмарно трудно, что этот момент оттягивали до последнего.

Люси решила одеться и выйти, окунуться в серое росистое утро, прохладное, сырое, целительное. Она пойдет посмотреть, как выглядят лютики без солнца. Люси кое-как умылась, надела на себя все теплое, что у нее было, накинула на плечи плащ, вышла в пустынный коридор и спустилась по безлюдной лестнице. У двери во двор она остановилась почитать объявления на студенческой доске; среди них были и таинственные, и загадочные, и понятные. «Студенткам напоминают, что родителей и посетителей можно проводить в спальное крыло и клинику, но нельзя в фасадную часть дома». «Младшим напоминают, что в их обязанность входит обслуживать гостей, во время чая и помогать прислуге». И совершенно отдельно, заглавными буквами:

ДИПЛОМЫ БУДУТ ВЫДАВАТЬСЯ ВО ВТОРНИК УТРОМ В 9 ЧАСОВ

Идя к крытому переходу, Люси представляла себе дипломы в виде пергаментных свитков, перевязанных лентами, но потом вспомнила, что и в этом колледж не подчинялся никаким законам. Диплом Лейса представлял собой значок, прикреплявшийся к платью; серебряный кружок с эмалью, приколотый с левой стороны груди, расскажет всем, где провела его обладательница свои студенческие годы и как закончила.

Люси вступила в крытый переход и пошла к гимнастическому залу. Джидди давно закончил уборку — перед тем, как выйти, Люси видела из окна своей комнаты, как он возится с розами в дальнем конце лужайки — и Роуз, наверно, завершила уже свои утренние занятия, (легкие влажные следы ее кроссовок виднелись на бетонной дорожке) так что зал, по видимому, был пуст. Люси остановилась у поворота и вошла в открытую дверь. Как ипподром выглядит более драматично до того, как толпа заполнит его, или стадион до того, как машины исчертят его следами своих шин, так и большой зал, замерший в ожидании, зачаровал мисс Пим. Пустота, тишина, зеленовато, как под водой, освещение придавали ему достоинство и таинственность, которых у него не было в течение рабочего дня. Бум, на котором занималась Роуз, оставался в тени, а в зеркалах под галереей дрожали, многократно повторяясь, отражения проникающего сверху света.

Люси захотелось крикнуть, чтобы услышать собственный голос в этом пустом пространстве, или влезть на шведскую стенку — проверить, сможет

ли она совершить это, не ощутив сердцебиения. Однако она довольствовалась тем, что стояла и смотрела. В ее возрасте этого достаточно, и это она умела делать.

Что-то сверкнуло на полу на пол-пути от Люси к буму; что-то очень маленькое и блестящее. Шляпка гвоздя или что-нибудь вроде этого, подумала Люси; но тут же спохватилась, что в полу гимнастического зала гвоздей быть не может. Ей стало любопытно, что бы это могло быть, и она подошла и подняла блестящий предмет. Это была маленькая филигранная розетка, плоская, из серебристого металла. Люси опустила ее в карман своего жакета и, улыбнувшись, повернулась, чтобы продолжить свой путь. Если холодок внутри сегодня утром напомнил ей о школьных днях, то этот маленький металлический кружок еще яснее говорил о праздниках ее детства. Раньше даже, чем она поняла, что это такое, ее подсознание перенесло ее в атмосферу печенья, желе и белых шелковых платиц, а на ногах — пара лакированных туфелек с резинкой крест-накрест вокруг лодыжки и крошечной серебряной розеткой у выреза. Спускаясь по дорожке к калитке, Люси вынула ее из кармана и снова улыбнулась, вспоминая. Она совсем забыла эти бронзового цвета лакированные туфельки; они могли быть и черными, но все франтихи носили бронзовые. Интересно, подумала Люси, у кого в колледже сохранилась такая пара. На уроках танцев студентки носили балетные туфли с укрепленным носком или без него, а гимнастические туфли были кожаными, с рантом и полоской резины на подъеме. Люси никогда ни на ком в колледже не видела лакированных туфелек с маленьким украшением у выреза.

Может быть, Роуз надела их утром, чтобы добежать до гимнастического зала. Украшение, несомненно, было потеряно сегодня, потому что пылесос в руках Джидди убрал бы из зала все, что не прибито.

Люси постояла немного у калитки, но озябла и испытала разочарование: деревьев в тумане не было видно, лютики выглядели на сером лугу просто как ржавые пятна, а живые изгороди были похожи на грязный снег. Ей не хотелось возвращаться в дом до завтрака, поэтому она пошла к теннисным кортам, где Младшие чинили сетки — они сказали, что сегодня все делают все, единственный день в году, когда энергия всего колледжа собирается воедино — и Люси осталась с ними поболтать; она немного помогла им, а потом они вместе пошли в дом завтракать. Все девочки удивлялись тому, как рано она встала, и маленькая мисс Моррис высказала предположение, что Люси надоело есть холодные тосты у себя в комнате; однако, когда она призналась, что не могла спать от возбуждения, они были довольны, что не только у них в груди живут подобные эмоции, и

обещали, что действительность превзойдет все ожидания. Ведь, наверно, мисс Пим еще ничего не видела.

Люси сменила промокшие туфли на сухие, вытерпела дружеские насмешки преподавателей по поводу неожиданного приступа активности и спустилась вместе с ними к завтраку.

Повернувшись посмотреть, как выглядит сегодня Иннес, она увидела брешь в рядах студенческих голов. Люси не настолько знала размещение девушек, чтобы понять, кого нет, однако, за одним из столов, несомненно, было свободное место. Интересно, подумала Люси, видит ли Генриетта. Усевшись за стол, Генриетта привычно обвела взглядом комнату, но поскольку все в этот момент усаживались, рисунок был смазан и обнаружить брешь немедленно было невозможно.

Поспешно, на случай, если Генриетта не заметила этой бреши, Люси отвела глаза и не стала заниматься дальнейшим расследованием. Ей ни в коем случае не хотелось навлекать кару на кого-то из студенток, как бы та ни провинилась.

Мисс Ходж, быстро проглотив свой пирог с рыбой, положила вилку и подняла на студенток свои маленькие слоновьи глазки.

— Мисс Рагг, — произнесла она, — попросите мисс Нэш подойти ко мне.

Нэш поднялась со своего места во главе ближайшего стола и подошла.

— Это мисс Роуз не хватает за столом мисс Стюарт?

— Да, мисс Ходж.

— Почему она не пришла к завтраку?

— Не знаю, мисс Ходж.

— Пошлите кого-нибудь из Младших к ней в комнату спросить, почему ее нет здесь.

— Хорошо, мисс Ходж.

Туповатая услужливая студентка из Младших по фамилии Татл, которая обычно всегда убирала посуду, была отправлена с этой миссией и, вернувшись, доложила, что Роуз в комнате нет; это известие Бо передала главному столу.

— Где вы видели мисс Роуз последний раз?

— Не могу вспомнить, видела ли я ее сегодня вообще, мисс Ходж. Мы все были дома и занимались самыми разными делами. Это не то, что сидеть в классе или находиться в зале.

— Кто-нибудь знает, где мисс Роуз? — обратилась Генриетта к студенткам.

Похоже, никто не знал.

— Кто-нибудь видел ее сегодня утром?

Оказывается, никто не видел.

Генриетта, которая успела проглотить два тоста, пока Татл ходила наверх, проговорила:

— Достаточно, мисс Нэш.

Бо вернулась на свое место. Генриетта сложила салфетку и взглянула на фрекен, но фрекен уже поднималась из-за стола с обеспокоенным выражением на лице.

— Мы с вами пойдем в гимнастический зал, фрекен, — сказала Генриетта, и они обе вышли; остальные последовали за ними, но в зал не пошли. Люси отправилась к себе наверх, чтобы убрать постель, и только по пути сообразила: «Мне бы следовало сказать, что ее не было в зале. Как глупо, что я не подумала об этом раньше». Она привела в порядок комнату — студенткам полагалось выполнять эту обязанность, и она считала справедливым, если и она будет делать это сама — все время раздумывая, куда могла исчезнуть Роуз. И почему. Вдруг опять сегодня утром она не могла выполнить это простое упражнение на буме, вдруг опять *crise de nerfs*^[47]? Это было единственное объяснение тому странному факту, что кто-то из студенток колледжа не пришел на завтрак.

Люси прошла в «старый дом», спустилась по парадной лестнице и вышла в сад. Из кабинета доносился голос Генриетты — она с кем-то взволнованно говорила по телефону, и Люси решила не мешать ей. До молитвы оставалось еще больше получаса, и это время она проведет в саду, разбирая свою почту; туман быстро поднимался, и в воздухе, который до того оставался мертвенно серым, появились мерцающие проблески. Люси направилась к своей любимой скамейке в дальнем конце сада, откуда был виден окружающий пейзаж, и в дом вернулась только в девять часов. Теперь можно было не сомневаться в погоде: день будет прекрасным. «Трагедии», которой опасалась Генриетта, не случится.

Когда Люси огибала угол дома, от парадного входа отъехала машина «скорой помощи» и двинулась по подъездной аллее. Люси с удивлением посмотрела ей вслед, однако сочла, что здесь карета «скорой помощи» не должна наводить страх, как это бывает в обычной жизни. Быть может, что-то, связанное с клиникой.

Время — без двух минут девять — требовало присутствия в гостиной преподавателей в полном сборе, однако, там находилась только мисс Люкс.

— Роуз нашлась? — спросила Люси.

— Да.

— Где?

— В гимнастическом зале, с переломом основания черепа.

Даже в момент шока, который она испытала, Люси заметила, как типична для Люкс эта сжатая фраза.

— Как? Что случилось?

— Штырь, который удерживал бум, был плохо вставлен. Когда она вспрыгивала на бум, он упал ей на голову.

— Господи Боже! — Люси будто почувствовала, как тупое бревно обрушивается на ее собственную голову; она всегда ненавидела бумы.

— Фрекен уехала с ней в машине «скорой помощи» в Вест Ларборо.

— Хорошо, что так быстро.

Да. Вест Ларборо недалеко, утром, к счастью, «скорая помощь» была еще на месте, и когда она ехала сюда, на дороге не было движения, которое бы ее задержало.

— Какое несчастье! В день Показательных выступлений!

— Да. Мы попытались скрыть это от студенток, но безнадежно, конечно. Так что мы можем только свести к минимуму шок.

— Как вы думаете, насколько это серьезно?

— Никто не знает. Мисс Ходж телеграфировала ее родным.

— Они не приедут к Показу?

— Похоже, не собирались. Родителей у нее нет, только тетка и дядя, которые ее вырастили. Как подумаешь, — добавила мисс Люкс, минутку помолчав, — она и была похожа на бездомную. — Она даже не заметила, что употребила прошедшее время.

— Это получилось по вине самой Роуз, полагаю? — спросила Люси.

— Или студентки, помогавшей ей установить эту штуку вчера вечером.

— А кто это был?

— Кажется, О'Доннелл. Мисс Ходж послала за ней, хочет расспросить.

В этот момент вошла сама Генриетта, и смутная досада, которую в последние дни испытывала Люси по отношению к своей подруге, испарилась без следа: она увидела лицо Генриетты. Генриетта, казалось, постарела лет на десять и даже похудела, по меньшей мере, на целый стоун.

— Телефон у них как будто есть, — проговорила она, продолжая единственную тему, которая занимала ее мысли. — Так что я смогу поговорить с ними раньше, чем они получают телеграмму. Я заказала междугородный разговор. Наверно, к вечеру они приедут сюда. Я не могу отойти от телефона, так что проведите, пожалуйста, молитву, мисс Люкс. Фрекен не успеет вернуться. — Фрекен, как старшая преподавательница гимнастики, была второй по рангу после мисс Ходж. — Мисс Рагг, наверно,

не будет на молитве; она приводит в порядок гимнастический зал. Мадам будет, и Люси окажет вам поддержку.

— Конечно, конечно, — подтвердила Люси. — Может, я могу еще чтонибудь сделать?

В дверь постучали, и вошла О'Доннелл.

— Мисс Ходж, вы хотели меня видеть?

— О, у меня в кабинете, мисс О'Доннелл.

— Вас там не было, вот я и...

— Это не имеет значения, раз уж вы здесь. Скажите, когда вечером вы устанавливали бум с мисс Роуз... ведь вы помогали ей?

— Да, мисс Ходж.

— Когда вы с ней устанавливали бум, какой его конец вы крепили?

На мгновение воцарилось напряженное молчание. О'Доннелл, совершенно очевидно, не знала, какой конец сорвался, и не знала, будет ли то, что она сейчас скажет, для нее проклятием или спасением. Однако, когда она заговорила, в голосе ее прозвучала отчаянная решимость, свидетельствующая, что все, что она скажет, будет правдой.

— Тот, что у стены, мисс Ходж.

— Вы вставляли штырь в стойку, которая прикреплена к стене?

— Да.

— А мисс Роуз занималась стойкой посередине?

— Да, мисс Ходж.

— У вас нет сомнений в том, какой конец вы крепили?

— Никаких.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я всегда крепила тот конец, что у стены.

— А почему так?

— Роуз выше ростом, чем я, и могла поднимать бум на большую высоту. Поэтому я всегда бралась за тот конец, что у стены, чтобы можно было встать на перекладину шведской стенки, когда вставляла штырь.

— Понимаю. Очень хорошо. Спасибо, мисс О'Доннелл за вашу прямоту.

О'Доннелл повернулась, чтобы идти, но потом снова обернулась.

— А какая стойка сорвалась, мисс Ходж?

— Та, что посередине, — ответила мисс Ходж, глядя на девушку почти с любовью, хотя всего минуту назад готова была отпустить ее, оставив в неизвестности, снято ли с нее подозрение.

Краска прихлынула к обычно бледному лицу О'Доннелл.

— О, спасибо! — прошептала она и вышла, почти выбежала, из

комнаты.

— Бедняжка, — посочувствовала Люкс, — это были для нее ужасные минуты.

— Небрежность в обращении со снарядами так непохожа на мисс Роуз, — задумчиво произнесла Генриетта.

— Вы же не думаете, что О'Доннелл сказала неправду?

— Нет, нет. Она, сказала, несомненно, правду. Совершенно естественно, что она крепила конец у стены, где ей могла помочь шведская стенка. Но я все никак не могу себе представить, как это случилось. Помимо того, что мисс Роуз обычно всегда очень внимательна, штырь должен был быть плохо вставлен, чтобы он вылетел и бум мог опуститься. И трос должен был быть слишком слабо натянут, чтобы бум упал почти на три фута!

— А Джидди не мог что-нибудь случайно повредить?

— Не знаю, что он мог там сделать. Чтобы изменить положение вставленного штыря на такой высоте, нужно специально дотянуться до него. Джидди не мог задеть его своим пылесосом. Да и как бы он ни гордился его мощностью, ее недостаточно, чтобы вытащить штырь из стойки.

— Да. — Люкс немного подумала. — Расшатать штырь могла бы только вибрация. Какое-нибудь колебание. Но ничего такого не было.

— Конечно, ничего такого в гимнастическом зале не было. Мисс Роуз заперла его, как обычно, вчера вечером и отдала ключ Джидди, а он открыл зал сегодня утром после первого звонка.

— Значит, остается только предположить, что мисс Роуз на сей раз была слишком беспечна. Она ушла из зала последней и вернулась первой — так рано туда никого не загонишь, если в том нет жестокой необходимости, так что винить следует Роуз. И скажем спасибо за это. Все и так достаточно плохо, но было бы много хуже, если бы оказалось, что небрежность проявила другая, и теперь ее будет угнетать мысль, что она виновата в...

Прозвонил колокол на молитву, и одновременно истерически, как обычно, внизу затрещал телефон.

— Фрекен не вернулась? — спросила появившаяся в дверях мадам. — Ну ладно, пойдёмте. Жизнь должна продолжаться, вот сентенция, подходящая к данному моменту. И будем надеяться, что утренняя порция духовной пищи не окажется уж слишком подходящей к случаю. Священное Писание имеет ужасное обыкновение быть подходящим к случаю.

Люси в очередной раз пожелала мадам Лефевр оказаться на

необитаемом острове где-нибудь в районе Австралии.

Собравшиеся в ожидании преподавателей студентки подавленно молчали, и молитва прошла в атмосфере уныния — случай непривычный и беспрецедентный. Только к моменту, когда запели гимн, все немного пришли в себя. Гимн был на слова Блейка^[48], имел возвышенно-воинственный дух, и они пропели его с чувством. Люси тоже.

«Мой дух в борьбе несокрушим, незримый меч всегда со мной», пела она, вкладывая в слова всю душу. И вдруг замолчала, потому что у нее перехватило дыхание.

Перехватило дыхание от мысли, которая заставила ее онеметь.

Она вспомнила. Вспомнила, почему была уверена, что Роуз не найдут в гимнастическом зале. Она видела влажные следы Роуз на бетонной дорожке и потому сочла, что Роуз уже ушла. Но Роуз туда еще не приходила. Роуз пришла позже, вспрыгнула на плохо закрепленный бум и лежала там, пока ее не стали искать после завтрака.

Тогда — чьи это были следы?

XVII

— Студентки, — обратилась к девушкам мисс Ходж, поднимаясь со своего места после ленча и показывая жестом остальным преподавателям, чтобы они оставались сидеть, — вы все знаете о несчастном случае, который произошел сегодня утром — полностью из-за небрежности самой пострадавшей. Первое, чему учат гимнастку — внимательно осмотреть снаряд перед тем, как пользоваться им. То, что такая ответственная, и вообще прекрасная студентка, как мисс Роуз, пренебрегла этой простой, самой основной обязанностью, — предостережение всем вам. Это первое. Второе. Сегодня мы принимаем гостей. То, что случилось утром — не секрет, мы не могли бы скрыть это, даже если бы захотели — но я прошу вас не говорить на эту тему. Наши гости приедут, чтобы хорошо провести время; известие, что сегодня утром имел место достаточно серьезный несчастный случай, в результате которого одна из наших студенток попала в больницу, несомненно испортит им удовольствие; возможно, наблюдая гимнастические упражнения, они будут испытывать совершенно ненужный страх. Так что если у кого-нибудь из вас есть желание драматизировать сегодняшнее происшествие, пожалуйста, обуздайте его. Ваше дело — позаботиться, чтобы гости уехали довольные, не беспокоясь и не сожалея ни о чем. Я надеюсь на ваш здравый смысл.

Это утро прошло под знаком приспособливания — физического, умственного, духовного. Фрекен вернулась из госпиталя в Вест Ларборо и стала работать со Старшими, переделывая их выступление так, чтобы не было заметно, что их стало на одну меньше. Невозмутимое спокойствие фрекен помогло девушкам воспринять изменения и саму необходимость в них достаточно хладнокровно, хотя фрекен и говорила, что по крайней мере одна из трех шарахалась в сторону как пугливый жеребенок, когда ей нужно было работать на переднем конце бума или проходить то место, где он упал. Будет чудом, сказала фрекен, покоряясь судьбе, если на сегодняшнем Показе та или другая не наделают ошибок. Как только фрекен отпустила девушек, наступила очередь мадам Лефевр. Благодаря своим физическим способностям Роуз участвовала почти в каждом номере балетной программы, а это означало, что каждый номер должен был подвергнуться либо залатыванию дыр, либо переделке. Это неблагоприятное и трудное занятие продолжалось до самого ленча, и отголоски его были слышны и позже. Большая часть разговоров за ленчем, похоже, состояла из

замечаний типа: «Это ты протягиваешь мне правую руку, когда Стюарт проходит впереди меня?» а Дэйкерс легче было нарушить общее молчание, результат охватившего всех волнения, обычного в таких случаях, объявляя громким голосом, что «последний час доказал, дорогие, что один человек может находиться одновременно в двух местах».

Однако главное событие произошло, когда фрекен и мадам закончили ревизию каждой своей программы. Тогда-то мисс Ходж послала за Иннес и предложила ей место Роуз в Арлингхерсте. В госпитале подтвердили диагноз фрекен о переломе, было ясно, что Роуз много месяцев не сможет работать. Как восприняла это Иннес, никто не знал; знали только, что она согласилась. Это назначение было как бы спадом напряжения, оно оказалось в тени настоящей сенсации, и было воспринято как нечто само собой разумеющееся; насколько могла заметить Люси, ни студентки, ни преподаватели не думали о нем. Единственным комментарием была сардоническая реплика мадам: «Господь располагает».

Однако Люси не ощутила радости по этому поводу. Неясное беспокойство, шевелившееся в ней, досаждало, как умственное несварение. Ее беспокоило «попадание в точку» во времени. Несчастный случай произошел не только в удобный, но и в самый последний момент. Завтра Роуз уже не нужно было идти в гимнастический зал заниматься, не нужно было бы устанавливать бум и не было бы плохо вставленного штыря. И потом эти влажные следы ранним утром. Если это не были следы самой Роуз, то чьи тогда? Как совершенно справедливо заметила Люкс, в такой ранний час никого нельзя было близко подтащить к гимнастическому залу, разве только дикими лошадьми.

Может быть, это были отпечатки ног Роуз, но она еще куда-то ходила прежде, чем отправилась в зал позаниматься несколько минут на буме. Люси не могла поклясться, что следы вели в дом, она не помнила, были ли следы на ступеньках. Просто она увидела важные следы в крытом переходе и решила, вообще не задерживаясь на этой мысли, что Роуз ее опередила. Может быть, следы огибали здание, Люси не знала. Они вообще могли не иметь ничего общего с гимнастическим залом. И со студентками тоже. Быть может эти отпечатки туфель без каблуков, такие неясные, смазанные, были оставлены утренними тапочками одной из служанок.

Все это было возможно. Но к следам, которые, скорее всего, не были следами Роуз, примешивалась находка маленького металлического украшения на полу, который за двадцать минут до этого был вычищен пылесосом. Украшения, лежавшего как раз посередине между входной дверью и ожидавшим Роуз бумом. И какие бы ни строить догадки, одно

было ясно: украшение потеряно не Роуз. Она не только почти наверняка не заходила в зал утром, до того, как туда вошла Люси, у нее просто не было лакированных туфель. Люси знала это точно, потому что сегодня ей пришлось взять на себя упаковку вещей Роуз. Мисс Джолифф, в чью обязанность это входило номинально, была загружена приготовлениями к приему гостей и переложила это дело на Рагг. Та не нашла, кому из студенток это поручить, потому что все были заняты на уроке у мадам, а доверить эту обязанность Младшим было невозможно. Поэтому Люси добровольно вызвалась проделать эту работу, радуясь, что может быть хоть в чем-то полезной. Первое, что она сделала в Номере Четырнадцатом, — вынула из шкафа туфли Роуз и осмотрела их.

Отсутствовала только пара гимнастических туфель, которые, очевидно, Роуз надела сегодня утром. Но чтобы быть абсолютно уверенной, Люси, услышав, что Старшие вернулись из гимнастического зала, позвала О'Доннелл и спросила:

— Вы ведь хорошо знаете мисс Роуз? Посмотрите, пожалуйста, на туфли и скажите, вся ли здесь обувь, что у нее была; а потом я начну укладывать их.

О'Доннелл посмотрела и сказала — да, вся. «Кроме гимнастических туфель, — добавила она. — Они были на ней».

Похоже, все было именно так.

— Она ничего не отдавала чистить?

— Нет, всю обувь мы чистили сами, кроме хоккейных ботинок зимой.

Значит, так. На Роуз этим утром были обычные туфли для гимнастики. Маленькая филигранная розетка оторвалась не от туфли Роуз.

Тогда от чьей? — спрашивала себя Люси, упаковывая вещи Роуз с такой аккуратностью, с какой никогда не обращалась со своими собственными. От чьей?

Переодеваясь, она продолжала задавать себе этот вопрос. Розетку она убрала в один из ящичков стола, служившего одновременно письменным и туалетным, и безрадостно раглядывала свой скудный гардероб, выбирая что-нибудь подходящее для праздника на открытом воздухе. Из окна, выходящего в сад, ей было видно, как Младшие устанавливали там столики, плетеные стулья и зонтики, под которыми будут пить чай. Девочки сновали туда-сюда как муравьи, создавая веселый разноцветный узор по краям лужайки. Солнечные лучи освещали их, и вся картина с ее четкими многочисленными деталями напоминала внезапно повеселевшее полотно Брейгеля.

Однако когда Люси глянула вниз на эту картину и вспомнила, с каким

нетерпением она ждала этого праздника, у нее было тоскливо на душе, и она не могла понять, откуда эта тоска. Ей было ясно только одно. Сегодня вечером она должна пойти к Генриетте и отдать маленькую розетку. Когда общее возбуждение уляжется, и у Генриетты будет время успокоиться и подумать, тогда эту проблему — если таковая вообще существовала — можно будет поставить перед ней. Прошлый раз она, Люси, поступила неправильно, когда, пытаясь избавить Генриетту от неприятностей, бросила в воду маленькую красную книжку; на этот раз она исполнит свой долг. Розетка — это не ее дело.

Да. Это не ее дело. Конечно, не ее.

Люси решила, что голубое полотняное платье с узким красным пояском достаточно ясно свидетельствует о своем происхождении с Ганновер сквер и удовлетворит самых критически настроенных родителей, приехавших из провинции; она почистила замшевые туфли щеткой, которую вложила в них заботливая миссис Монморанси, и спустилась в сад предложить свою помощь, там, где она могла понадобиться.

В два часа начали приезжать первые гости; они заходили поздороваться в кабинет к мисс Ходж, а затем переходили в руки своих возбужденных отпрысков. Отцы с недоверием трогали странные приспособления в клинике, матери ощупывали кровать в спальном крыле, а опытные в садоводстве дядюшки осматривали в саду розы Джидди. Люси попыталась отвлечься, стараясь «связать» попадавших ей родителей с той или иной студенткой. Она заметила, что бессознательно ищет мистера и миссис Иннес и почти со страхом ждет встречи с ними. Почему со страхом? спрашивала она себя. Страшиться нечего, ведь так? Конечно, нечего. Все замечательно. Иннес в конце концов получила Арлингхерст; этот день в конце концов стал для нее днем триумфа.

Люси столкнулась с ними неожиданно, огибая на ходу изгородь из душистого горошка. Иннес шла между отцом и матерью, держа их под руки, и лицо ее светилось. Это не было то сияние, которое сверкало в ее глазах неделю назад, но все же это был достаточно хороший заменитель. У девушки был изможденный вид, но она казалась спокойной, как будто, каков бы ни был результат, внутренняя борьба закончилась.

— Вы познакомились с ними и ничего мне не сказали, — обратилась она к мисс Пим, указывая на родителей.

Как будто встретились старые друзья, подумала Люси. Трудно поверить, что она видела этих людей только один раз в течение часа, летним утром, за кофе. Казалось, что она знает их всю жизнь. И они со своей стороны, верила Люси, испытывают такое же чувство. Они

действительно были рады снова увидеться с ней, что то вспоминали, о чем-то спрашивали, ссылаясь на ее высказывания и вообще вели себя так, будто она не только играла важную роль в их жизни, но просто была частью этой жизни. И Люси, привыкшая к равнодушию, царившему на литературных вечеринках, почувствовала, что благодаря им у нее на сердце снова потеплело.

Иннес оставила их беседовать и ушла готовиться к выступлению гимнасток, которым должна была открыться праздничная программа, а Люси вместе с родителями девушки направилась к гимнастическому залу.

— Мэри выглядит совсем больной, — сказала ее мать. — Что-нибудь неладно?

Люси колебалась с ответом, не зная, что сказала им дочь.

— Она рассказала нам о несчастном случае и о том, что ей по наследству достался Арлингхерст. Наверно, ей не очень приятно, что ее удача — результат несчастья другой студентки, но тут примешалось еще что-то.

— Все считали само собой разумеющимся, что в первую очередь это место должна получить она. Думаю, для нее было ударом, когда этого не произошло.

— Понимаю. Да, — медленно проговорила миссис Иннес, и Люси почувствовала, что дальнейших объяснений не требуется; вся история мучений и мужества Иннес стала ясна ее матери в одно мгновение.

— Боюсь, ей может не понравиться, что я вам рассказала, так что...

— Нет-нет, мы ничего не скажем, — заверила мать Иннес. — Как мило выглядит сад. Джарвис и я из сил выбиваемся на нашем клочке земли, но только его уголки чуть-чуть похожи на картинки из книг, а мои всегда напоминают что-то другое. Только посмотрите на эти мелкие желтые розы!

Так они дошли до двери в гимнастический зал, и Люси проводила их наверх, показав им «Нетерпящего» — ее уколола мысль о маленькой металлической розетке, — помогла найти их места на галерее, и праздник начался.

Место Люси было в конце первого ряда, и оттуда она с любовью смотрела вниз на сосредоточенные юные лица, с такой напряженной решимостью ожидающие команды фрекен. Люси слышала, как одна из Старших говорила: «Не беспокойся, фрекен нас вытянет». И по ее глазам было видно, что она верила в это. Им предстояло испытание, они подошли к нему потрясенные, но фрекен их вытянет.

Люси осознала теперь ту любовь, которая светилась в глазах Генриетты, когда они в первый раз вместе смотрели репетицию Показа. Это

было меньше двух недель назад. Теперь вот и у нее, Люси, появилось по отношению к ним собственническое чувство и гордость за них. Когда придет осень, даже карта Англии будет выглядеть для нее по-другому после этих двух недель в Лейсе. Манчестер — будет городом, где работают Апостолы, Аберисвит — местом, где пытается бодрствовать Томас, в Линге — Дэйкерс нянчится с детьми, и так далее. Если она, Люси, испытывает к ним такие чувства после нескольких дней жизни здесь, не удивительно, что Генриетта, которая видела, как они неумелыми новичками начинали свою жизнь в колледже, как они росли, совершенствовались, боролись, терпели неудачи, добивались успехов — смотрела на них, как на своих дочерей. Удачливых дочерей.

Девушки закончили первый номер, и напряжение немного сошло с их лиц, они начали успокаиваться. Аплодисменты, которыми наградили их после вольных упражнений, разорвали тишину, согрели атмосферу и сделали все более человеческим.

— Какие прелестные девушки, — сказала сидевшая рядом с Люси дама с лорнетом, похожая на вдовствующую герцогиню (кто теперь пользуется такой штукой? вряд ли это чья-то мать) и, повернувшись, спросила конфиденциальным тоном:

— Скажите, ведь их отбирали?

— Не понимаю, — пробормотала Люси.

— Я хочу сказать, здесь все-все Старшие?

— Вы думаете, это только лучшие? О нет, здесь вся группа.

— Правда? Совершенно замечательно. И такие хорошенькие. Просто удивительно хорошенькие.

Она что, думала, что всем, у кого веснушки, дали по пол-кроны, чтобы они убралась на время отсюда? — изумилась Люси.

Но вдовствующая особа говорила правду. Исключая лошадей двухлеток на тренировке, Люси не могла придумать ничего, радующего душу и глаз более, чем эти загорелые ловкие юные создания, которые сейчас внизу были заняты тем, что устанавливали бумы. Кольца из-под крыши опустились, веревочные трапы натянулись, и на всех трех видах снарядов непринужденно, с мастерством замелькали тела Старших. Аплодисменты, которыми их наградили, когда они убрали кольца и трапеции и развернули бумы для упражнений на равновесие, были искренними и громкими. Зрелище публике нравилось.

Когда Люси была здесь сегодня рано утром, под таинственным сводом, образованным зеленоватыми тенями, зал выглядел совершенно иначе. Сейчас он был золотым, реальным, живым; солнечный свет, проходивший

сквозь крышу, дождем изливался на светлое дерево и заставлял его пылать. Снова увидев своим мысленным взором пустое пространство с единственным установленным в ожидании Роуз бумом, Люси повернулась посмотреть, кому выпадет жребий выполнять упражнение на равновесие на том месте, где нашли Роуз. Кому достанется передний конец того бума?

Иннес.

— Пошли! — скомандовала фрекен, и восемь юных тел, сделав сальто, взлетели на высокие бумы. Секунду они посидели там, потом в унисон поднялись и встали во весь рост на противоположных концах бума, одна нога перед другой, лицом друг к другу.

Люси отчаянно надеялась, что Иннес не потеряет сознание. Девушка была не просто бледна, она была зеленой. Ее напарница, Стюарт, попыталась начать, но увидев, что Иннес не готова, остановилась подождать ее. Но Иннес стояла как вкопанная, не в состоянии пошевелить ни одним мускулом. Стюарт послала ей отчаянно-призывный взгляд, однако Иннес продолжала стоять будто парализованная. Что-то было сказано ими друг другу без слов, и Стюарт стала выполнять упражнение, выполнять превосходно, что в данных обстоятельствах заслуживало особой похвалы. Все силы Иннес были сконцентрированы на том, чтобы удержаться на буме, спуститься на пол вместе со всеми и не погубить все упражнение, свалившись или спрыгнув раньше времени. Мертвая тишина и всеобщий интерес, к несчастью, сделали неудачу Иннес слишком очевидной, и вызвали к ней, стоявшей без движения, сочувствие, смешанное с удивлением. Бедняжка, думали зрители, она заболела. Несомненно, это следствие перевозбуждения. Бедняжка, бедняжка.

Стюарт закончила упражнение и вопросительно посмотрела на Иннес. Они стали одновременно медленно опускаться и сели на бум; вместе повернулись лицом к публике и, сделав сальто, спрыгнули на пол.

Взрыв аплодисментов приветствовал их. Как и всегда, англичан растрогало мужественное поведение при неудаче, а давшийся легко успех вызвал бы лишь вежливое одобрение. Присутствующие выражали одновременно и свое сочувствие, и свое восхищение. Они поняли, как велико было чувство долга, удержавшее на буме Иннес, как будто внезапно пораженную параличом.

Однако сочувствие не дошло до Иннес. Люси сомневалась, слышала ли она вообще аплодисменты. Она жила в своем мире, который был сплошной пыткой, жила, недостижимая для утешения. Люси не могла смотреть на нее.

Шквал следующих номеров перекрыл неудачу и положил конец драме.

Иннес заняла свое место рядом с другими и выполнила все с мастерством автомата. А финальное сальто она сделала так, что Люси показалось, что она хочет при всех сломать себе шею. Та же мысль, если судить по выражению лица, пришла в голову Фрекен, но поскольку все движения Иннес были уверенными и очень красивыми, та не могла ее остановить. А от того, что делала Иннес, захватывало дух, и при этом все было замечательно красиво и точно. Она совсем не волновалась, и ей удавались самые отчаянные курбеты. И когда студентки закончили сой последний номер — вольные упражнения — и запыхавшиеся, сияющие, выстроились, как в начале, в одну шеренгу на полу, гости поднялись, как один человек, и приветствовали девушек одобрительными возгласами.

Люси, сидевшая в конце ряда у самой двери, вышла из зала первой и успела увидеть, как Иннес приносила Фрекен извинения.

Фрекен остановилась, а потом двинулась дальше, как будто ей это было совсем не интересно, или как будто она не хотела слушать.

Однако на ходу она как бы случайно подняла руку и дружеским жестом слегка похлопала Иннес по плечу.

XVIII

Когда гости направились в сад к стоявшим вокруг лужайки плетеным стульям, Люси пошла вместе со всеми. Прежде чем сесть самой, она стояла и смотрела, достаточно ли стульев для всех, и тут ее поймала Бо, которая воскликнула:

— Мисс Пим! Вот вы где! А я гоняюсь за вами. Я хочу познакомить вас с моими родителями. — Она повернулась к паре, которая уже уселась, и сказала:

— Смотрите, я, наконец, нашла мисс Пим.

Мать Бо была очень красива, над ее красотой потрудились лучшие косметические салоны и самые дорогие парикмахеры, но у них была прекрасная почва для работы, потому что когда миссис Нэш было двадцать лет, она, очевидно, была очень похожа на Бо. Даже сейчас, при ярком солнечном свете, она выглядела не больше, чем на тридцать пять лет. Кроме того, у нее был хороший портной, и вела она себя спокойно и дружески доверчиво, как женщина, за всю жизнь привыкшая к тому, что она красавица. Она так хорошо знала, какое впечатление она производит на людей, что вовсе не думала об этом, ее голова была свободна, и она могла обратить свое внимание на того, с кем она разговаривала.

Мистер Нэш был, совершенно очевидно, тем, кого называют «руководитель». Гладкая чистая кожа, отлично сшитый костюм, вид очень обеспеченного человека и общая аура мебели красного дерева и рядов чистых блокнотов на столах.

— Мне нужно переодеться. Я улетаю, — проговорила Бо и исчезла.

Люси усадили, и миссис Нэш посмотрела на нее, улыбаясь, и сказала:

— Ну вот, теперь, когда я вижу вас во плоти, мисс Пим, мы можем спросить вас кое о чем, что нам до смерти хочется узнать. Скажите, пожалуйста, как вам это удалось?

— Что — удалось?

— Произвести впечатление на Памелу.

— Да, — подтвердил мистер Нэш, — именно это нам бы очень хотелось узнать. Всю жизнь мы пытались произвести хоть какое-нибудь впечатление на Памелу, но в ее глазах мы по-прежнему пара милых людей, которые по воле случая виновны в ее появлении на свет и над которыми время от времени нужно подшучивать.

— А вы, оказывается, тот человек, о котором в самом деле стоит

писать домой, — проговорила миссис Нэш, подняла бровь и рассмеялась.

— Если это послужит вам утешением, — ответила Люси, — на меня ваша дочь тоже произвела сильное впечатление.

— Пэм прелесть, — сказала ее мать. — Мы очень любим ее, но мне бы хотелось, чтобы она больше считалась с нашим мнением. Пока не появились вы, мисс Пим, Пэм не считалась ни с кем, за исключением няни, которая была у нас, когда Пэм было четыре года.

— И заставила считаться с собой физическим воздействием.

— Да, это был единственный раз, когда Пэм нашлепали.

— И что было потом?

— Нам пришлось расстаться с няней!

— Вы не одобряете, когда шлепают?

— О, мы-то были рады, но Памела не одобрила.

— Пэм устроила первую в истории сидячую забастовку, — сказал мистер Нэш.

— И сидела семь дней, добавила миссис Нэш. — Если мы не хотели одевать ее и кормить силком всю оставшуюся жизнь, нам ничего другого не оставалось, как расстаться с няней. Это была превосходная женщина. Очень жаль было терять ее.

Раздались звуки музыки, и перед высокой стеной рододендронов появились Младшие в пестрых шведских национальных костюмах. Начались народные танцы. Люси, откинувшись на спинку стула, погрузилась в раздумье, но не о детских выходках Бо, а об Иннес и о том, что черная туча сомнений и предчувствий пытается затмить яркий свет солнца, как будто насмехаясь над ним.

Люси была так занята мыслями об Иннес, что услышав голос миссис Нэш «Мэри, дорогая, вот и ты. Очень рада видеть тебя», вздрогнула, обернулась и посмотрела на стоящую за ними Иннес. На ней был мужской костюм по моде XV века, камзол, штаны и капюшон, под который были убраны волосы и который, плотно прилегая к лицу, подчеркивал особенности строения его черт. Теперь, когда глаза девушки, и всегда глубоко спрятанные в глазницах, запали еще больше и под ними легли темные тени, ее лицо приобрело грозное выражение, которого у него раньше не было. Это было — как это говорится? — «роковое» лицо. Люси вспомнилось ее первое впечатление, что именно вокруг таких лиц создается история.

— Ты переутомилась, Мэри, — сказала миссис Нэш, глядя на девушку.

— Они все переутомились, — проговорила Люси, желая отвлечь внимание от Иннес.

— Только не Памела, — возразила ее мать. — Пэм никогда в жизни много не работала.

Да. Бо все подавалось на тарелочке. Чудо, что она выросла такой очаровательной.

— Вы видели, как я провалила упражнение на буме? — спросила Иннес светским тоном. Это удивило Люси, она думала, что девушка постарается избежать этой темы.

— О, дорогая, мы так волновались за тебя, что покрылись испариной, — сказала миссис Нэш. — Что случилось? У тебя закружилась голова?

— Нет, — заявила Бо, подходя к ним сзади и беря Иннес под руку, — просто это ее способ привлекать внимание. Эта девушка отличается не слабыми физическими возможностями, а великолепными мозгами. Никто из нас не догадался придумать подобный трюк, — и как бы в знак одобрения она пожала локоть Иннес.

Бо тоже была одета в мужской костюм и, казалось, испускала сияние; даже то, что золотые волосы девушки были спрятаны, не уменьшало блеск и живость ее красоты.

— Это последний номер Младших — правда, они славно выглядят на фоне этой зелени? — а теперь Иннес, я и вся наша группа будем развлекать вас сценами из английской истории, а потом вы получите чай, чтобы подкрепиться перед настоящими танцами.

И они обе ушли.

— Вот так, — произнесла мисс Нэш, глядя на удаляющуюся дочь. — Наверно, это лучше, чем если бы ее охватило желание учить аборигенов в Черной Африке или что-нибудь в таком духе. Но мне бы хотелось, чтобы она осталась дома и была нашей дочкой.

Люси подумала, что это делает честь миссис Нэш, если она, выглядя так молодо, хочет, чтобы ее дочь жила дома.

— Пэм всегда сходила с ума по гимнастике и играм, — сказал мистер Нэш. — Ее не удержать было. Впрочем, если уж на то пошло, ее никогда ни в чем было не удержать.

— Мисс Пим, — раздался голос Нат Тарт, появившейся у локтя Люси, — вы не возражаете, если Рик посидит с вами, пока я буду изображать со старшими эти истории? — и она показала на стоявшего за ее спиной со стулом в руках Гиллесли, на лице которого была его обычная широкая улыбка.

Плоская шляпа с большими полями и завязанной под подбородком вуалью — мода, называвшаяся «Женщина из Бата» — была приколата на

макушке Нат Тарт и придавала ей невинно-удивленный вид, совершенно восхитительный. Люси и Рик обменялись взглядами, выразившими обоюдное одобрение, и он, улыбаясь, уселся рядом с ней.

— Ну не прелесть ли она в этом костюме, — произнес Рик, глядя, как Детерро скрывается за зарослями рододендронов.

— Я полагаю, «история» не может считаться танцами.

— Она хорошо танцует?

— Не знаю. Я никогда не видела, но думаю — хорошо.

— Я даже ни разу не танцевал с ней на балу, как это ни странно. Я вообще не знал о ее существовании, до прошлой Пасхи. Можно сойти с ума от мысли, что она уже целый год в Англии, а я не знал. Три месяца встреч от случая к случаю — слишком короткий срок, чтобы произвести впечатление на такого человека, как Тереза.

— А вы хотите произвести впечатление?

— Да.

Односложный ответ был вполне красноречив.

Одетые в средневековые английские костюмы Старшие выбежали на лужайку, и разговоры стихли. Люси попыталась отвлечься, определяя кому какие ноги принадлежат, и восхищаясь энергией, с которой эти ноги двигались после целого часа труднейших упражнений. Она говорила себе: «Да, ты должна сегодня вечером отнести маленькую розетку Генриетте. Хорошо. Это ясно. От тебя ничего не зависит, ни сам факт, что тебе надо пойти, ни результат, к которому все может привести. Поэтому выбрось все из головы. Ты так ждала этого дня. День чудесный, солнечный, все рады тебе, и тебе должно быть очень хорошо. Успокойся. Даже если — если розетка будет причиной чего-то ужасного, тебя это не касается. Две недели назад ты не знала никого из этих людей, и уехав, никогда никого из них больше не увидишь. Тебе должно быть безразлично все, что случится или не случится с ними».

Но эти рассуждения, как бы правильны они ни были, не помогали. Увидев, что мисс Джолифф с помощницами стала накрывать к чаю установленные поодаль столы, Люси поднялась, обрадовавшись, что есть куда приложить свои руки и чем занять голову.

Рик неожиданно пошел вместе с ней.

— Я как будто рожден передавать тарелки. Наверно, во мне сидит жиголо.

Люси заметила, что ему следовало бы посмотреть «Истории влюбленных», которые изображала его возлюбленная.

— Ее номер последний. И если я хоть немного знаю мою Терезу,

удовлетворить ее аппетит гораздо труднее, чем ее тщеславие, как бы велико оно ни было.

Похоже, он хорошо знает свою Терезу, подумала Люси.

— Вы обеспокоены чем-то, мисс Пим?

Вопрос застал ее врасплох.

— Почему вы так решили?

— Не знаю. Просто мне показалось. Может быть, я могу чем-нибудь помочь?

Люси вспомнила, как в воскресенье вечером, когда она почти расплакалась над бидлингтонскими гренками с сыром, он сразу понял, что она устала, и помог ей. Если бы, когда ей было двадцать, ей встретился кто-нибудь такой же понимающий и такой же молодой и красивый, как поклонник Нат Тарт, а не Алан с его адамовым яблоком и дырявыми носками!

— Я должна сделать кое-что, что необходимо сделать, — медленно проговорила Люси, — но я боюсь последствий.

— Последствий для вас?

— Нет. Для других.

— Не думайте; делайте.

Мисс Пим поставила тарелки с кексами на поднос.

— Видите ли, то, что необходимо, не всегда правильно. А может, я хотела сказать наоборот?

— Я не уверен, что понял, что вы вообще хотели сказать.

— Ну, тут появляется ужасная дилемма — кого вы спасаете. Вы понимаете. Если вы знаете, что, спасая человека с верха снежной лавины, вы вызовете ее срыв, в результате которого будет разрушена деревня, что вы будете делать? Такого рода вопрос.

— Конечно, я спасу его.

— Да?

— Лавина может накрыть деревню так, что ни одна кошка не погибнет — положить на этот поднос немного сандвичей? — так что будет спасена, по крайней мере, одна жизнь.

— Вы считаете, что всегда нужно делать то, что правильно, и пусть последствия заботятся сами о себе?

— Примерно так.

— Несомненно, это проще всего. По правде говоря, я думаю слишком просто.

— Если вы не собираетесь играть роль Господа Бога, нужно выбирать простой путь.

— Играть роль Господа Бога? Вы знаете, что положили сюда вдвое больше сэндвичей с языком?

— Если вы не можете, как Господь Бог, предвидеть все «до и после», лучше всего придерживаться правил. Полный успех! Музыка кончилась, и вон моя юная дама движется сюда, как леопард на охоте. — Рик с улыбкой в глазах смотрел на приближающуюся Детерро. — Не правда ли, эта шляпа сногшибательна! — Он на секунду задержал взгляд на Люси: — Делайте то, что правильно, мисс Пим, и пусть Господь Бог решает.

— Ты не смотрел, Рик? — услышала Люси вопрос Детерро, но тут и она сама, и Детерро, и Рик были захлестнуты налетевшей волной Младших, примчавшихся выполнять свою обязанности — угощать чаем. Люси выбралась из звяканья белых чашек и мелькания пестрых шведских костюмов и оказалась лицом к лицу с Эдвардом Эйдрианом. Тот был один и выглядел совсем потерянным.

— Мисс Пим! Вас-то я и хотел увидеть, Вы слышали, что...

Одна из Младших сунула ему в руки чашку с чаем, и он одарил ее своей самой лучшей улыбкой, но ей было некогда и она ее не увидела. В тот же момент к Люси с чаем и подносом с кексами подошла маленькая мисс Моррис, сохранившая верность даже в суматохе Показа.

— Давайте присядем, хорошо? — сказала Люси.

— Вы слышали об этом ужасном случае?

— Да. Думаю, что серьезные несчастные случаи бывают не так уж часто. Просто очень неудачно, что это произошло как раз в день Показательных выступлений.

— О, несчастный случай, да. А вы знаете, что Кэтрин говорит, что не может поехать сегодня вечером в Ларборо? Что все подавлены и она должна остаться здесь. Вы слышали когда-нибудь что-нибудь более абсурдное? Если здесь царит угнетенное настроение, тем больше причин для того, чтобы вытащить ее и заставить немного забыться? Я все приготовил. Даже купил специально цветы для нашего столика на сегодняшний вечер. И именинный пирог. В следующую среду день ее рождения.

Интересно, подумала Люси, знает ли кто-нибудь в Лейсе, когда у Кэтрин Люкс день рождения.

Как могла, Люси выразила сочувствие Эйдриану, при этом мягко сказав, что понимает точку зрения мисс Люкс. Ведь девушка серьезно ранена, все очень обеспокоены и, без сомнения, будет несколько бездушно с ее стороны, если она поедет веселиться в Ларборо.

— Но это не веселье! Это просто тихий ужин со старым другом. Я

действительно не понимаю, почему, если со студенткой произошел несчастный случай, Кэтрин должна бросать старого друга. Поговорите с ней, мисс Пим. Вы можете убедить ее.

Люси сказала, что сделает все, что сможет, но на успех не надеется, потому что, пожалуй, разделяет идеи мисс Люкс по этому поводу.

— И вы! О, Господи!

— Я знаю, что это неразумно. Даже абсурдно. Но никто из нас не сможет быть веселым, и вечер будет сплошным разочарованием, а ведь вы этого не хотите? А нельзя ли перенести все на завтра?

— Нет, сразу, как только кончится вечерний спектакль, я должен буду торопиться на поезд. И потом, это суббота, и у меня будет *matinee*^[49]. А вечером я играю «Ромео», это совсем не понравится Кэтрин. Она и в «Ричарде III» с трудом меня выдержит. О, Боже, какой все это абсурд.

— Успокойтесь, — сказала Люси. — Все не так трагично. Вы еще приедете в Ларборо, теперь, когда вы знаете, что она здесь, и сможете видеться с ней, когда только захотите.

— Я никогда больше не застану Кэтрин в таком благодушном настроении. Никогда. Знаете, отчасти это благодаря вам. Она не хочет представлять перед вами в виде Горгоны. Она даже согласилась поехать посмотреть мою игру. Никогда раньше она не соглашалась. Я никогда не смогу снова уговорить ее, если она не поедет сегодня. Убедите ее, мисс Пим.

Люси обещала попробовать.

— А как вам понравилось сегодня, если отвлечься от нарушенного обещания?

Мистер Эйдриан, по его словам, получил большое удовольствие. Он не знал, что привело его в большой восторг — красота студенток или их ловкость и умение.

— Кроме того, у них чудесные манеры. У меня ни разу не попросили автографа, за весь день.

Люси посмотрела на него, думая, что он иронизирует. Но нет, все было «впрямую». Он действительно не мог представить себе другой причины отсутствия охотников за автографами, как хорошие манеры. Бедный, глупый ребенок, подумала Люси; постоянно живет в мире, о котором ничего не знает. Интересно, все ли актеры такие. Блуждающие воздушные шары, а в центре каждого упакованный в него маленький актер. Как, наверно, это славно, жить обложенным подушками, надежно оберегающими от жестокой реальности. Они вообще даже не родились; они все еще плавают в некоей пренатальной жидкости.

— А кто эта девушка, которая напутала в упражнении на равновесие? Неужели ей не дадут отвлекаться от Иннес хоть на две минуты!

— Ее зовут Мэри Иннес. А что?

— Какое удивительное лицо. Чистый Борджиа. [\[50\]](#)

— Не надо! — резко сказала Люси.

— Я весь день не мог понять, кого она мне напоминает. Наверно, портрет молодого человека кисти Джорджоне, но который из них — не знаю. Надо бы просмотреть их заново. Во всяком случае, это удивительное лицо, такое тонкое и такое сильное, такое доброе и такое злое. Совершенно фантастически красивое. Не представляю себе, что может делать такая драматичная личность в женском колледже физического воспитания в двадцатом веке?

Ладно, ей, Люси, во всяком случае оставалось утешение, что еще кто-то видел Иннес так же, как видела она: необычной, красивой особой красотой, не соответствующей веку, в котором она живет, потенциально трагической фигурой. Люси вспомнила, что Генриетта считала Иннес просто скучной девушкой, которая сверху вниз смотрит на людей, менее одаренных, чем она сама.

Что бы такое предложить Эдварду Эйдриану для того, чтобы отвлекаться, подумала Люси. Она увидела, как по дорожке движется хлопающий по ветру шелковый галстук-бабочка и ослепительно белый воротник, и узнала мистера Робба, обучавшего ораторскому искусству; он был единственным преподавателем со стороны, если не считать доктора Найт. Сорок лет тому назад мистер Робб был подающим надежда молодым актером — самым блестящим Ланселотом Гоббо своего поколения — и Люси почувствовала, что поразить мистера Эйдриана его же собственным оружием будет, пожалуй, неплохо. Но поскольку она оставалась все той же Люси, ее сердце смягчилось при мысли о том, как он понапрасну готовился — цветы, пирог, планы показаться в выгодном свете — и она решила быть милосердной. Она заметила О'Доннелл, издали разглядывавшую того, кто некогда был ее героем, и поманила девушку. Пусть Эдвард Эйдриан получит реальную подлинную стойкую поклонницу, которая будет восхищаться им, и пусть он никогда не узнает, что она — его единственная поклонница в колледже.

— Мистер Эйдриан, — сказала Люси, — это Эйлин О'Доннелл, одна из ваших самых восторженных почитательниц.

— О, мистер Эйдриан, — начала О'Доннелл.

На этом Люси оставила их.

XIX

Когда чаепитие закончилось (Люси была представлена не менее чем двадцати парам родителей), публика двинулась к выходу из сада, и Люси перехватила мисс Люкс по дороге в дом.

— Боюсь, я не смогу сегодня поехать, — сказала она. — Я чувствую, начинается мигрень.

— Жаль, — равнодушно ответила Люкс. — Я тоже отказалась.

— О, почему?

— Я очень устала, расстроена из-за Роуз, и мне не хочется отправляться гулять в город.

— Вы меня удивляете.

— Удивляю вас? Чем же?

— Никогда не думала, что доживу до того момента, как увижу, как Кэтрин Люкс обманывает сама себя.

— О-о. И в чем же я лгу себе?

— Если вы заглянете в свою душу, то обнаружите, что вовсе не поэтому остаетесь дома.

— Да? А почему же?

— Потому что вам доставляет огромное удовольствие сказать Эдварду Эйдриану, куда ему убираться.

— Отвратительное выражение.

— Зато образное. Вы просто ухватились за возможность проявить свою власть над ним, разве не так?

— Признаюсь, мне было нетрудно нарушить обещание.

— И вы испытали легкое злорадство?

— Я являла собой отвратительный пример самовлюбленной мегеры. Вы это хотите сказать, да?

— Он так мечтает о встрече с вами. Не могу понять, почему.

— Благодарю. Могу сказать, почему. Чтобы он мог расплакаться и рассказать, как он ненавидит театр — то, что для него является смыслом жизни.

— Даже если вам с ним скучно...

— Если! Боже мой!

— ...вы можете потерпеть час-другой и не вытаскивать случай с Роуз как козырь, спрятанный в рукаве.

— Вы что, пытаетесь сделать из меня честную женщину, Люси Пим?

— Очень бы хотелось. Мне так жаль его, брошенного...

— Добрая — моя — женщина, — произнесла Люкс, при каждом слове тыча в Люси указательным пальцем, — никогда не жалейте Эдварда Эйдриана. Женщины тратили лучшие годы своей жизни на то, что жалели его, а кончалось тем, что жалели их самих. Изо всех самовлюбленных, самообманывающихся...

— Но он заказал Йоханнисбергер.

Люкс остановилась и улыбнулась Люси.

— Пожалуй, я бы выпила с удовольствием, — сказала она задумчиво. Потом сделала еще несколько шагов.

— Вы и правда оставили Тедди на мели?

— Да.

— Ладно. Ваша взяла. Я просто была скотиной. Поеду. И всякий раз, как он заведет «О, Кэтрин, как я устал от этой искусственной жизни», я буду злобно думать: это Пим ввергла меня в подобную историю.

— Выдержу, — заверила Люси. — Кто-нибудь слышал, как дела у Роуз?

— Мисс Ходж только что говорила по телефону. Она все еще без сознания.

Люси, увидев голову Генриетты в окне кабинета — комната называлась кабинетом, но в действительности была маленькой гостиной слева от парадной входной двери — пошла поздравить подругу с тем, как успешно прошел праздник, и тем отвлечь ее хоть на одну-две минуты от давящих мыслей, а мисс Люкс ушла. Генриетта, похоже, обрадовалась Люси и даже с радостью повторила ей все банальности, которые выслушивала целый день; Люси какое-то время поговорила с Генриеттой, так что когда она направилась к своему месту в зале, чтобы смотреть танцы, галерея была уже почти полна.

Увидев Эдварда Эйдриана на одном из стульев, стоявших в проходе, Люси остановилась и сказала:

— Кэтрин поедет.

— А вы? — спросил он, глядя на нее снизу.

— Увы, нет. У меня ровно в шесть тридцать начнется мигрень.

На что он ответил:

— Мисс Пим, я вас обожаю, — и поцеловал ей руку.

Его сосед удивленно посмотрел, сзади кто-то хмыкнул, но Люси нравилось, когда ей целовали руки. А то какой смысл натирать их каждый вечер розовой водой и глицерином, если время от времени ничего не получать взамен.

Люси вернулась на свое место в конце первого ряда и обнаружила, что вдова с лорнетом не дождалась танцев; место было свободно. Но как раз перед тем, как погас свет — занавеси на окнах были задернуты и в зале горели лампы — сзади появился Рик и спросил:

— Если вы не держите это место для кого-нибудь, можно я сяду?

И как только он уселся, появились танцовщицы.

После четвертого или пятого номера Люси почувствовала некоторое разочарование. Привыкшая к уровню международного балета, она не допускала мысли, что в таком месте, как Лейс, неизбежно любительство. Все гимнастические упражнения, которые она видела, студентки выполняли на самом высоком уровне, профессионально. Однако, отдавая другим знаниям почти все время и силы, как они это делали, они не могли достичь высокого мастерства еще и в танцах. Танцы требовали полной отдачи.

Они все делали хорошо, но не вдохновенно. На лучшем любительском уровне, или чуть-чуть выше. Программа состояла из народных и исторических танцев, так любимых всеми преподавательницами, и исполнялись эти танцы с превосходной точностью, добросовестной, не скучноватой. Быть может, то, что им приходилось все время помнить об изменениях в рисунке танца, лишало их исполнение непринужденности. Но а общем, решила Люси, не хватало и выучки, и темперамента. Реакции зрителей тоже недоставало непосредственности; рвение, с которым они принимали гимнастические упражнения, пропало. Может быть, они выпили слишком много чая, а может, кино познакомило даже тех, кто жил в далекой глуши, с неким стандартом, что и явилось причиной их критического отношения. Как бы то ни было, их аплодисменты были скорее вежливыми, чем бурными.

Бравурная русская пляска подняла настроение зрителей на какой-то момент, и они с надеждой ждали следующего номера. Занавес раздвинулся, и взглядам явилась Детерро. Она стояла одна, подняв руки над головой и повернув одно бедро к зрителям. На ней было платье, какое носят в ее родном полушарии, и в луче «прожектора» сверкали пестрые цвета и блестящие украшения, так что девушка казалась яркой птицей из бразильских лесов. Маленькие ножки в туфлях на высоких каблуках нетерпеливо притоптывали под широкой юбкой. Она начала танцевать; медленно, почти отрешенно, как будто отбивала такт. Потом стало ясно, что она ждет возлюбленного и что он опаздывает. Как она относилась к этому опозданию, тоже вскоре стало очевидно. К этому моменту все сидели, вытянувшись. Из пустого пространства Детерро, как фокусник, достала

возлюбленного. Почти что можно было видеть виноватое выражение его смуглого лица. Как верная невеста, она стала выговаривать ему. К этому времени зрители сидели уже на кончиках стульев. Потом, поругав его, она начала демонстрировать ему себя; он не понимает, как ему повезло, что у него такая девушка, как она, девушка, у которой такие талия, бедра, глаза, рот, лодыжки, такая грация, как у нее? Он что, совсем деревенщина, ничего не видит? Вот она и показывает ему: каждое движение было остроумно, и вызывало улыбку на лицах у публики. Люси повернулась и посмотрела на окружающих: еще минута, и они заворкуют. Это было чудо. К тому времени, как танцовщица смягчилась и позволила своему возлюбленному вставить слово, они были ее рабами. А когда она ушла со своим невидимым, но несомненно укрощенным молодым человеком, они кричали, как дети на утреннем сеансе фильма о Диком Западе.

Глядя, как Нат Тарт раскланивается, Люси вспомнила, что она выбрала Лейс, потому что для настоящих балетных школ «это должно быть *metier*».

— Она слишком скромно оценила свои способности, — произнесла вслух Люси. — Она могла бы быть профессиональной балериной.

— Я рад, что она не стала ею, — отозвался Рик. — Здесь она научилась любить английскую деревню. А если бы она училась в городе, она встретила бы только с международной дрянью, которая вертится около балета.

Люси подумала, что, наверно, он прав.

Когда после этого стали появляться другие студентки со своими номерами, температура явно упала. В танце Стюарт кельтский подъем явно оживил всех, у Иннес — грациозность и в какие-то моменты зажигательность, но когда среди них появилась Детерро, даже Люси забыла Иннес и всех остальных. Детерро была восхитительна.

В конце ей устроили овацию.

И мисс Пим, увидев выражение лица Рика, почувствовала легкий укол тоски.

Когда тебе целуют руку — этого еще мало.

— Мне никто не говорил, что Детерро так танцует, — сказала Люси мисс Рагг, когда они вместе отправлялись ужинать. Гости, наконец, уехали, с криками «до свидания» под шум заводимых моторов.

— О, она любимица мадам, — ответила Рагг несколько недовольным тоном, как может говорить поклонница мадам о создании, которое настоль погрязло в грехе, что не играет в спортивные игры. — Самато я думаю, что она очень сценична. И здесь вообще не на месте. Мне и правда кажется, что тот первый танец был очень мил. А вам?

— Мне кажется, он был восхитителен.

— О, да, — покорно проговорила Рагг и добавила: — Наверно, она способная, иначе мадам не была бы так привязана к ней.

Ужин прошел тихо. Крайняя усталость, упадок сил, мысли об утреннем несчастном случае, — все это приглушило воодушевление студенток и связало их языки. Преподаватели тоже очень утомились — шок, напряжение, светские обязанности, волнение. Люси почувствовала, что бокал хорошего вина был бы очень к месту, и с мимолетным сожалением подумала о йоханнесбергерере, который в эти минуты пила Люкс. А когда она вспомнила, что через несколько минут нужно будет отнести маленькую розетку в кабинет Генриетты и рассказать, где она нашла ее, сердце Люси ужасно заколотилось.

Розетка все еще лежала в ящике стола, и после ужина Люси отправилась за ней, но по пути ее перехватила Бо, взяла под руку и сказала:

— Мисс Пим, мы варим какао в общей комнате, все вместе. Пожалуйста, пойдите, приободрите нас. Вы же не собираетесь сидеть в этом морге наверху, — под моргом, очевидно, понималась гостиная, — ведь так? Пожалуйста, пойдите, приободрите нас.

— Я и сама не очень бодро себя чувствую, — ответила Люси, с отвращением думая о какао, — но если вы примиритесь с моим унылым настроением, я примирюсь с вашим.

Они повернули по направлению к общей комнате, и в этот момент в распахнутые окна неожиданно ворвался сильный порыв ветра, пронесся по коридору, раскачав в саду ветви деревьев и вздыбив листья, так что стала видна их обратная сторона.

— Конец хорошей погоде, — сказала Люси, останавливаясь и прислушиваясь. Она всегда терпеть не могла беспокойный губительный ветер, который налетал как расплата за золотые дни.

— Да, и холодно стало, — отозвалась Бо. — Мы разожгли огонь.

Общая комната находилась в «старом доме», и в ней был древний кирпичный камин и, конечно, когда в нем горело только что разожженное пламя, раздавалось позвякивание посуды, и потрескивали дрова, а вокруг группками расположились усталые студентки в ярких платьях и еще более ярких домашних шлепанцах, все выглядело повеселее. Сегодня вечером не только на О'Доннелл не было парадной обуви; практически все надели домашние шлепанцы различных видов. Дэйкерс лежала на кушетке, ее босые ноги с забинтованными пальцами были задраны выше головы. Она весело помахала рукой мисс Пим и показала свои пальцы:

— Haemosfosis! — объявила она. — Я испачкала кровью свои лучшие

балетные туфли. Наверно, никто не захочет купить пару слегка испачканных балетных туфель? Боюсь, никто.

— У камина есть кресло, мисс Пим, — сказала Бо и пошла разливать какао. Иннес, которая сидела поджав ноги на ковре и наблюдала, как Младшие борются с мехами, раздувая огонь, похлопала рукой по креслу и приветствовала Люси в своей обычной серьезной неулыбчивой манере.

— Я выпросила у мисс Джолифф то, что осталось от чая, — объявила Хэсселт, входя в комнату с большим блюдом разнообразных остатков.

— Как тебе удалось? — закричали девушки. — Мисс Джолифф никогда ничего не отдает, даже запаха.

— Я пообещала ей прислать персикового джема, когда вернусь в Южную Африку. Здесь не так уж много, хотя и кажется, что полное блюдо. Большую часть после чая съела прислуга. Хэлло, мисс Пим. Что вы о нас скажете?

— Скажу, что вы все были великолепны, — заявила Люси.

— Совсем как лондонские полицейские, — сказала Бо. — Ну, ты сама напросилась, Хэсселт.

Люси извинилась за банальное клише и попыталась более подробно изложить свое мнение, убедить их, что она в восторге от того, что они делали.

— Разве Детерро не была лучше всех, а? — спросил кто-то, и все с дружеской завистью посмотрели на фигурку в ярком одеянии, спокойно прислонившуюся спиной к уголку камина.

— Я делаю только что-то одно. Это легко — делать хорошо только что-то одно. И Люси, как и все остальные, не могла определить, было ли это коротенькое замечание выражением скромности или упреком. Она все же решила, что скромности.

— Хватит, Марч, горит прекрасно, — сказала Иннес одной из Младших и пошевелилась, желая забрать у нее меха. При этом ноги высунулись у нее из-под юбки, и Люси увидела, что на ней надеты черные лакированные туфельки.

На левой отсутствовало маленькое металлическое украшение.

О нет, отдалось в мозгу Люси. Нет. Нет. Нет.

— Вот ваша чашка, мисс Пим, а вот твоя, Иннес. Съешьте миндального бисквита, мисс Пим; правда, он уже немного зачерствел.

— Нет, у меня для мисс Пим есть шоколадное печенье.

— Нет, она получит айрширские хлебцы, из банки, но свежие. Это не ваша засохшая провизия.

Вокруг нее продолжали болтать. Она что-то взяла с блюда. Она

отвечала, когда к ней обращались. Она даже отхлебнула глоток из чашки.

О нет. Нет.

Теперь, когда это случилось — случилось то, чего она боялась так сильно, что даже в мыслях не могла сформулировать — теперь, когда это случилось, стало конкретным и явным, она испугалась. Сразу все превратилось в привидевшийся во сне кошмар: ярко освещенная шумная комната, чернеющее небо за окном, надвигающаяся гроза, отсутствующее украшение. Один из тех кошмаров, где не относящаяся к делу мелочь приобретала ужасное значение. Где что-то нужно было делать, немедленно и непременно, но не придумать было — как и для чего.

Теперь ей надо встать и, вежливо откланявшись, пойти к Генриетте, рассказать все и закончить так: «Я знаю, с чьей это туфли. Мэри Иннес».

Иннес сидела у ее ног, ничего не ела, только с жадностью пила какао. Она снова подобрала под себя ноги, но Люси уже все видела. Даже самую слабую надежду, что у кого-то еще окажется пара лакированных туфель, пришлось выбросить за борт. Обувь была самая разнообразная и разноцветная, но лакированных туфель не было.

И вообще ни у кого больше не было причины приходить сегодня в гимнастический зал в шесть часов утра.

— Выпейте еще какао, — сказала Иннес, поворачиваясь к Люси. Но мисс Пим еле пригубила и первую чашку.

— А я выпью еще, — сказала Иннес и стала подниматься.

Очень высокая худая девочка из Младших, фамилия которой была Фартинг, но которую все, даже преподаватели, звали Полупенни (Грошик), вошла в комнату.

— Опоздала, Полупенни, — сказал кто-то. — Заходи, съешь булочку.

Но Фартинг как-то неуверенно продолжала стоять в дверях.

— В чем дело, Полупенни? — заговорили девушки, удивленные выражением ее лица (как будто она испытала шок).

— Я хотела поставить цветы в комнату фрекен, — медленно начала она.

— Только не говори, что там уже были цветы, — заявил кто-то, и все дружно рассмеялись.

— Я слышала, как преподаватели говорили о Роуз.

— Ну, и как она? Ей лучше?

— Она умерла.

Чашка, которую держала Иннес, упала в камин. Бо пересекла комнату и стала собирать осколки.

— О, не может быть, — раздались голоса. — Ты не ошиблась,

маленькая?

— Нет, не ошиблась. Они говорили на лестничной площадке. Она умерла полчаса назад.

Наступило гнетущее молчание.

— Я закрепила конец у стены, — громко сказала О'Доннелл в полной тишине.

— Конечно же, закрепила, Дон, — успокоила ее Стюарт, подходя к ней. — Мы все знаем это.

Люси поставила чашку и подумала, что ей лучше подняться наверх. Ее отпустили, бормоча сожаления. Вокруг были рассыпаны осколки веселой вечеринки.

Придя в гостиную, Люси узнала, что мисс Ходж уехала в больницу встретить родственников Роуз, когда те приедут, и что звонила и сообщила новость она сама. Родные Роуз приехали и, кажется, приняли удар равнодушно.

— Я никогда не любила ее, да простит меня Бог, — проговорила мадам, вытягиваясь во весь рост на жесткой софе; мольба о прощении, обращенная ко Всевышнему, прозвучала искренне.

— О, она была молодец, — сказала Рагг, — очень милая, когда узнаешь получше. И великолепный полузащитник. Это ужасно! Теперь будет расследование, приедет полиция, дознание, все станет известно и все такое.

Да, полиция и все такое.

Сегодня вечером Люси ничего не могла предпринять в отношении маленькой розетки. И вообще ей хотелось обдумать это дело.

Ей хотелось уйти к себе и подумать над этим.

XX

Бонг! Бонг! Часы на далекой колокольне пробили еще раз.

Два часа ночи.

Люси лежала, уставившись в темноту, холодный дождь барабанил по земле, время от времени налетали дикие порывы ветра и, бесчинствуя, забрасывали занавески в комнату, хлопая ими, как парусами, и все вокруг было неизвестность и смятение.

Дождь лил с упорным постоянством, и вместе с ним лило слезы сердце Люси. А в душе ее царило смятение сильнее, чем в природе.

«Делайте то, что правильно, и пусть решает Бог», сказал Рик. Казалось, это разумное правило.

Но тогда шла речь о гипотетическом деле — «нанесении тяжелых телесных увечий» (ведь это так называется?), а теперь речь идет не о гипотезе, и не об увечьях. Это было — то самое.

Не Бог будет решать это дело, несмотря на все успокоительные слова. Это сделает Закон. То, что написано чернилами в книге установлений. Даже вмешательство самого Господа Бога не сможет спасти пару десятков безвинных людей, которых раздавит на своем пути колесница Джаггернаута.

Око за око, зуб за зуб, говорит древний Моисеев закон. И это звучало просто. Это звучало справедливо. За этим виделся пустынный фон, как если бы замешаны были только два человека. Выраженное современными словами это звучит совершенно иначе и называется «повешением за горло, пока не наступит смерть».

Если она пойдет к Генриетте...

Если?

О, ладно, конечно, она пойдет.

Когда она утром пойдет к Генриетте, она приведет в действие силу, которой ни она, ни кто другой управлять не может; силу, которая будучи выпущена на свободу, вырвет одного, другого, третьего из надежной безопасности их мирной жизни и ввергнет в хаос.

Люси думала о миссис Иннес, спокойно спавшей где-то в Ларборо и собиравшейся завтра домой ждать возвращения дочери, которая была для нее светом жизни. Однако ее дочь домой не вернется — никогда.

Роуз тоже не вернется, произнес внутренний голос.

Да, конечно, и Иннес должна как-то заплатить за это. Нельзя

допустить, чтобы она смогла воспользоваться плодами своего преступления. Однако все же, все же должен существовать какойто другой способ расплаты, при котором невинные не будут расплачиваться еще горше.

В чем заключалась справедливость?

Разбить сердце матери; погубить, опозорить Генриетту, разрушить все, что она создала; навсегда стереть радость с лица Бо, Бо, которая не была рождена для горестей. Что значит жизнь за жизнь? Здесь было три — нет, четыре жизни за одну.

Одну, но стоящую...

Нет, нет. Не ей судить. Для этого необходимо знать «все до и после», как сказал Рик. У этого Рика замечательно трезвый ум для человека с лицом плейбоя и шармом латиноамериканского любовника.

В соседней комнате слышались шаги Иннес. Насколько могла судить Люси, она тоже не спала. Там было тихо, только время от времени раздавались шаги или открывался кран над раковиной. Нужна ли ей вода для того, чтобы утолить жажду или охладить виски, в которых пульсирует кровь, подумала Люси. Если она, Люси, лежала без сна, а мысли кружились и кружились в ее мозгу, как крыса в клетке, то что должна ощущать Иннес? Она могла быть безнравственна, ей могли быть безразличны люди, но бесчувственной она ни в коем случае не была. Уязвленное ли честолюбие или просто гнев и ненависть привели ее в гимнастический зал этим туманным утром, она не была тем человеком, который мог сделать то, что сделала она, не причинив страшного вреда самому себе. Учитывая ее характер, можно сказать, что она погубила себя, когда коснулась этого бума. В судебных отчетах попадались рассказы о женщинах, столь бессердечных, что буквально распускались, как свежий цветок, лишь только препятствия к осуществлению их желаний оказывались устранены. Но они были скроены не так, как Мэри Иннес. Иннес принадлежала к другому, более редко встречающемуся классу людей, которые слишком поздно обнаруживали, что не могут больше выносить сами себя. Цена, которую они заплатили, оказывалась слишком высокой.

Быть может, Иннес сама себя покарает.

Когда эта мысль пришла ей в голову, Люси вспомнила свое первое впечатление от Иннес в то воскресенье, когда они сидели под кедром. Все или ничего. Самоуничтожение. То, что она погубила жизнь человека, вставшего на ее пути, было, скорее, случайностью.

Она ни в коем случае не хотела смерти Роуз; в этом Люси была совершенно уверена. И именно поэтому запустить всю эту машину

представлялось ей делом отвратительным, немыслимым. Все, чего она намеревалась достигнуть, расшатав этот штырь, — временная неработоспособность. Уверенность в том, что Роуз не поедет в Арлингхерст в сентябре — поедет она, Иннес.

Интересно, подумала Люси, рассчитывала ли она на это, когда отказалась от места в Уичерлейском ортопедическом госпитале? Не, конечно, нет. Она была не из тех, кто хладнокровно планирует свои действия. Все было сделано в самый последний момент, от отчаяния.

По крайней мере, выполнено все было в самый последний момент.

Возможно, потому, что раньше не представился случай.

Быть может, путь к гимнастическому залу раньше не был свободен; или Роуз оказывалась там первой.

«Лицо Борджиа», сказал в восхищении Эдвард Эйдриан.

Вот пра-пра-прабабушка Терезы, на которую она похожа, — та действовала по плану. И прожила вдовой долгую, спокойную, счастливую жизнь, управляя поместьями и воспитывая сына — и никаких признаков духовного самоубийства.

В комнаты ворвался ветер, и окно Иннес начало хлопать. Люси услышала шаги, Иннес прошла к окну, и все затихло.

Как ей хотелось пойти в соседнюю комнату, сейчас, сию минуту, и все выложить. Показать Иннес козыри, которыми она не собиралась играть. Может быть, вместе они бы что-нибудь придумали.

Вместе? Вместе с девушкой, которая вытащила штырь из-под бума?

Нет. С девушкой, с которой она в прошлую субботу разговаривала в коридоре, такой сияющей, такой разумной, полной такого достоинства. С девушкой, которая в эту ночь не могла спать. С дочерью ее матери.

Что бы она не совершила, даже если она заранее все обдумала, результат оказался иным. Она не могла предвидеть его. Результат оказался катастрофой для нее.

А кто был первопричиной этой катастрофы?

Генриетта. Упрямая, как мул, Генриетта, отдавшая предпочтение своей любимице.

Интересно, бодрствует ли Генриетта? Генриетта, вернувшаяся из Ларборо такой постаревшей, такой странно похудевшей. Как будто сломался каркас внутри нее и набивка осела. Как у плохо набитой игрушки, которой целый месяц играли дети. Так выглядела Генриетта.

Люси было искренне жаль подругу, лишившуюся человека, которого она — любила? Да, наверно, любила. Только любовь могла ослепить ее настолько, что она не видела недостатков Роуз. Лишившуюся любимицы;

испугавшуюся за свой драгоценный Лейс. Люси была искренне тронута бедами, выпавшими на долю Генриетты. Но она не могла отделаться от мысли, что если не ее, Генриетты, собственные поступки, ничего бы подобного не произошло.

Побудительной причиной была уязвимость Иннес. Однако кнопку, которая привела в действие всю трагедию, нажала Генриетта.

А теперь она, Люси, собиралась нажать другую кнопку, которая приведет в движение еще более чудовищную машину. Машину, которая охватит своими клешнями, искалечит и убьет всех, невиновных вместе с виновными. Генриетта, быть может, и заслужила наказание, но что сделали Иннесы, чтобы на них обрушился этот ужас? Ужас, которому нет названия.

Или они тоже внесли свою долю? Насколько воспитание Иннес виновато в отсутствии у нее гибкости? Даже если она родилась «без смазки на перьях», пытались ли родители подготовить ее к будущей жизни? Кто может сказать, в чем заключается первопричина?

В конце концов, быть может, это Всевышний решил воспользоваться посредством Закона. Христианин, очевидно, должен принять все как данность. Обычно считается аксиомой, что все случившееся имеет свои причины. Что всякий, кто будет испытывать муки во время суда над Иннес по обвинению в убийстве, так или иначе заслужил свое наказание. Это была очень удобная, успокоительная теория, и Люси хотелось бы принять ее. Однако, оказывается, ей трудно согласиться с тем, что следствием какого-то упущения со стороны таких ответственных и таких любящих родителей, как Иннесы, окажется страшная трагедия, которая обрушится на их голову.

Или быть может...

Люси села в постели, обдумывая новую мысль.

Если все решает Бог — а в конце концов, несомненно, так оно и есть — тогда, быть может, его решение уже действует. Начало действовать, когда не кто-то другой, а именно она, Люси, нашла маленькую розетку. Ее нашла не энергичная женщина, которая отправилась бы к Генриетте сразу же, как только заподозрила недоброе, и привела бы в движение машину законов, созданных человеком. Нет. Ее нашла колеблющаяся душа, которая любой вопрос рассматривает по крайней мере с трех сторон. Может быть, в этом и заключается смысл.

Но как бы ей хотелось, чтобы Всевышний избрал себе другое орудие. Она всегда старалась не брать на себя никакой ответственности, а уж такая... С ней вообще не справиться. Как бы ей хотелось выбросить эту маленькую розетку — кинуть сейчас в окно и сделать вид, что никогда ее

не видела. Но, конечно, она не может так поступить. Как бы труслива и нерешительна по природе она ни была, всегда оставалась другая половина ее «я» — та половина, которую звали «Летиция» и которая наблюдала за всеми действиями Люси критическим оком. Ей никогда не удавалось уйти от этого своего второго «я». Оно посылало ее в бой, когда у нее дрожали колени, оно заставляло ее говорить, когда ей хотелось попридержать язык, оно не позволяло ей лечь, когда она бывала так утомлена, что не могла стоять. Оно удержит ее сейчас от того, чтобы умыть руки.

Люси встала и, наклонившись над подоконником, выглянула в ночь, где хлестал дождь. На полу под окном натекла лужа. Она ступила в нее, и резкий холод, ударивший по ее босым ногам, был даже приятен. Физический дискомфорт — это было, по крайней мере, что-то вполне понятное. Хорошо хоть, что не надо вытирать лужу или беспокоиться о ковре. Стихиям позволялось проникать в дом, когда им это было угодно, и все принимали это как должное. Одно из редких замечаний Иннес: «Как славно проснуться утро и обнаружить, что на подушке лежит снег». Так было только один раз, сказала девушка, но всегда можно определить время года по тому, что находишь утром у себя на подушке: осенью паутину, а в июне семена сикоморы.

Люси так долго стояла у окна, давая остыть своей пылающей голове, что у нее замерзли ноги, и когда она забралась обратно в постель, ей пришлось закутать их шерстяным шарфом, чтобы они согрелись. Вот чем все кончилось — замерзшими ногами, морально и физически. Бедная ты, бедная, Люси Пим.

Около трех часов утра она стала засыпать, как вдруг вздрогнула, и сон опять слетел с нее: она осознала, что она хотела сделать. Она совершенно серьезно собиралась скрыть вещественное доказательство преступления. Стать соучастницей преступления. Преступницей.

Она, уважаемая, законопослушная Люси Пим.

Как дошла она до этого? О чем думала?

Ну конечно, выбора у нее не было. Кто решает или не решает — не ее дело. Это дело официального расследования, а она должна выполнить свой долг. Долг перед цивилизацией, перед государством, перед самой собой. Ее личные чувства не имеют к этому никакого отношения. Как бы плох ни был Закон, как бы он ни заблуждался, она не может скрыть вещественное доказательство.

Как могла она обезуметь до такой степени, чтобы даже помыслить о подобном поступке?

Рик был прав: она сделает то, что правильно, и пусть решает Господь

Бог.

Около половины пятого она, наконец, заснула.

XXI

Утро было туманным и сырым, и Люси посмотрела в окно с отвращением. Колокол прозвонил, как обычно, в половине шестого, хотя в день после Показательных выступлений до завтрака уроков не было. Колледж мог пойти на уступки, однако, правил своих не менял. Люси попробовала снова уснуть, но со светом дня к ней вернулось ощущение действительности, и то, что в темные часы ночи было лишь лихорадочным теоретизированием, теперь предстало как холодная реальность. Через час или два она должна будет нажать эту кнопку и непредсказуемо изменить жизни людей, о существовании которых она даже не знает. Сердце Люси снова начал отчаянно биться.

О, Господи, зачем только она вообще приехала сюда!

Когда она уже была одета и втыкала в соответствующие места своей прически заколки-«невидимки», она поняла, что не может пойти к Генриетте рассказать про розетку прежде, чем не поговорит с Иннес. Люси не могла бы сказать, было ли это отголоском детского представления о том, что такое «честная игра», или просто попыткой найти способ решения проблемы, при котором с нее снялась бы хоть малая толика ответственности.

Подойдя к двери в комнату Иннес, Люси быстро, чтобы не испарилась решимость, постучала. До этого она слышала, как Иннес вернулась из ванной, и считала, что та, наверно, уже успела одеться.

Открывшая дверь Иннес выглядела усталой, глаза были опухшими, но девушка казалась спокойной. Теперь, когда она очутилась с ней лицом к лицу, Люси трудно было отождествить ее с Иннес из ее тревожных ночных раздумий.

— Вы не зайдете на минуту ко мне в комнату? — спросила Люси. Иннес секунду поколебалась, в ней мелькнула некоторая неуверенность, но она тут же взяла себя в руки.

— Да, конечно, — ответила она и пошла за Люси.

— Ну и дождь был ночью, — сказала она веселым тоном.

Делать замечания о погоде было так непохоже на Иннес. И абсолютно непохоже на Иннес — быть веселой.

Люси вынула из ящика маленькую серебристую розетку и на ладони протянула ее Иннес.

— Вы знаете, что это такое?

В ту же секунду веселость исчезла с лица Иннес, и оно стало жестким и настороженным.

— Откуда она у вас? — почти грубо спросила она.

Только в тот момент Люси осознала, что в глубине души, в самой глубокой ее части, она рассчитывала, что реакция Иннес будет другой. Не отдавая себе отчета, она ждала, что Иннес скажет: «Это похоже на бляшку с лакированных туфель для танцев, такие у многих из нас есть». Сердце Люси перестало биться и опустилось в желудок.

— Я нашла ее на полу в гимнастическом зале вчера рано утром, — проговорила она.

Жесткая настороженность медленно уступила место отчаянию.

— А почему вы показываете ее мне? — глухо спросила Иннес.

— Потому что, как я поняла, в колледже есть только одна пара этих старомодных лакированных туфель.

Наступило молчание. Люси положила вещицу на стол и ждала.

— Я ошибаюсь? — спросила она наконец.

— Нет.

Снова молчание.

— Вы не понимаете, мисс Пим, — внезапно сказала Иннес, — это не было рассчитано на... Я знаю, вы подумаете, что я пытаюсь оправдать этот поступок, но никто не хотел, чтобы все произошло именно так. Это потому, что я просто заболела, не получив Арлингхерст — я просто на какое-то время потеряла разум от этого — я вела себя как ненормальная. Я просто не могла думать ни о чем другом, кроме Арлингхерста. А это был способ... попытаться снова дать мне шанс. Только это ни в коем случае не больше. Вы должны поверить мне. Вы должны!

— Конечно, я вам верю. Если бы не верила, я бы, наверно, не поделилась с вами тем, что знаю. — И она указала на розетку.

Через минуту Иннес спросила:

— Что вы будете делать?

— О, Господи, не знаю, — беспомощно вздохнула бедная Люси, оказавшись лицом к лицу с действительностью. Она знала о преступлениях из детективных романов, где героиня, даже если на нее сначала падало подозрение, обязательно оказывалась невиновной; либо ее сведения были почерпнуты из полицейских отчетов, где говорилось о преступлениях уже раскрытых, наказанных и остававшихся только предметом изучения. У всех замешанных в преступления людей, о которых сообщалось в отчетах, были друзья и родные, ошеломленные происшедшим, отказывавшиеся верить; их чувства, наверно, были очень похожи на ее, Люси, собственные ощущения,

но это не успокаивало и не могло указать правильный путь. Это было то, что случалось с другими людьми, случалось ежедневно, если верить прессе, но не могло произойти с тобой.

Как можно поверить, что кто-то, с кем ты смеялся и разговаривал, кого любил и кем восхищался, с кем жил общей жизнью, повинен в смерти другого человека?

Люси вдруг обнаружила, что рассказывает Иннес о своей бессонной ночи, о своих теориях относительно «решает Бог», о своем нежелании разрушить жизнь пол-дюжины людей из-за преступления, совершенного одним человеком. Она была слишком погружена в собственные проблемы, чтобы заметить, как начала загораться надежда в глазах Иннес. Только когда она услышала свои слова: «Конечно, нельзя позволить, чтобы вы извлекли пользу из смерти Роуз», она поняла, как далеко зашла по дороге, по которой вовсе не собиралась идти.

Однако Иннес ухватилась за это.

— О, я и не думала, мисс Пим. И это не зависит от того, что вы нашли это украшеньице. Вчера вечером, услышав, что она умерла, я поняла, что не могу поехать в Арлингхерст. Я собиралась сегодня утром пойти к мисс Ходж и сказать ей об этом. Я тоже не спала всю ночь. Думала о многом. Не только о моей вине в смерти Роуз, о моей неспособности переносить неудачи и тому подобное. Еще и — о, об очень многом, что вам будет неинтересно. — Она помолчала минуту, глядя на Люси. — Мисс Пим, послушайте, если я пообещаю всю свою жизнь посвятить искуплению того, что случилось вчера утром, может быть, вы... — Она не могла облечь свое бесстыдное предложение в слова, даже после рассуждений Люси о справедливости.

— И стану соучастницей происшедшего?

Холодная официальность фразы обескуражила Иннес.

— Не. Это слишком, я ни от кого не могу ожидать подобного. Но я искуплю, понимаете. Это не будет что-то половинчатое. Это будет моя жизнь — за ее. Я с радостью сделаю это.

— Конечно, я верю вам. А как вы собираетесь искупать?

— Я думала об этом прошлой ночью. Начала с колонии прокаженных и тому подобных вещей, но это, пожалуй, нереально и не имеет особого смысла после обучения в Лейсе. Я придумала нечто лучшее. Я решила, что буду работать рядом с отцом. Я не собиралась заниматься медициной, но у меня это хорошо получается, а в моем родном городке нет ортопедической клиники.

— Звучит прекрасно, — сказала Люси, — но в чем наказание?

— Моим единственным стремлением с самого раннего детства было уехать, бежать из маленького провинциального городишки; поступление в Лейс было моим пропуском на свободу.

— Понимаю.

— Поверьте, мисс Пим, это будет сильным наказанием. Но оно не будет бесплодным. Это не будет просто самобичевание. Я буду жить, принося пользу, и это будет... будет хорошей платой.

— Да, понимаю.

Снова наступило долгое молчание.

Прозвенел колокол, но впервые с тех пор, как она приехала в Лейс, Люси не обратила на него внимания.

— Конечно, я могу только дать вам слово...

— Я принимаю ваше слово.

— Благодарю вас.

Не слишком ли легкий выход, подумала Люси. Если Иннес должна быть наказана, то скучная, хоть и полезная для других жизнь не является достаточной карой. Конечно, она отказалась от Арлингхерста, и это стоило ей немало. Но достаточно ли этого как платы за смерть?

А чем вообще можно заплатить за смерть? Если не смертью?

Иннес же предлагала то, что, по ее понятиям, было прижизненной смертью. Может быть, это не такая уж малая плата.

Люси оказалась сейчас перед фактом, что все ее размышления, разговоры с самой собой, сопоставление доводов в данный момент сплелись в единственный простой вопрос: может ли она осудить на смерть девушку, которая стоит перед ней?

В конце концов все обстояло просто. Если она отнесет сейчас эту розетку Генриетте, Иннес умрет раньше, чем первые студентки осенью вернутся в Лейс. Если она не умрет, у нее впереди будут двадцать лет прижизненной смерти, которые действительно будут «бесплодными».

Пусть же она проведет эти годы в тюрьме, которую сама выбрала, где она сможет быть полезной другим.

Да, она, Люси Пим, действительно совершенно не годилась для вынесения Иннес обвинительного приговора.

Вот так.

— Я полностью в ваших руках, — медленно проговорила Люси, обращаясь к Иннес, — потому что я не способна послать человека на виселицу. Я знаю, в чем мой долг, и я не могу выполнить его. — Как странно, подумала она, что я оказываюсь в ее власти, а не она в моей.

Иннес недоверчиво посмотрела на нее.

— Значит, — она облизала пересохшие губы, — значит, вы не скажете про розетку?

— Нет. Я никогда никому не скажу.

Внезапно Иннес побелела.

Побелела так, что Люси поняла: это именно то, о чем она читала, но чего никогда не видела. «Стала белой, как полотно», говорят в таких случаях. Ну, быть может, как небеленое полотно, но это именно означало «побелеть».

Девушка схватилась рукой за стул, стоявший у туалетного столика, и резким движением опустилась на него. Увидев обеспокоенное выражение на лице Люси, она сказала:

— Все в порядке. Я не упаду в обморок. Я ни разу в жизни не падала в обморок. Через минуту я буду в порядке.

Люси, которая испытывала неприятное чувство к Иннес из-за ее самообладания, ее готовности к заключению сделки — ей казалось, что Иннес слишком прямо говорит обо всем — была схвачена чемто вроде угрызений совести. Налицо была старая история о загнанных в глубину чувствах, которые, найдя выход, мстили за себя.

— Хотите воды? — спросила Люси, направляясь к раковине.

— Нет, спасибо, со мной все в порядке. Это просто из-за того, что последние двадцать четыре часа я была так испугана, а потом увидела эту серебряную вещицу у вас на ладони — и это было последней соломинкой, а тут вдруг все кончилось, вы разрешаете мне купить смену приговора, и... и...

Спазмы подступили у нее к горлу и прервали ее речь. Сильные, раздражающие все тело всхлипы без единой слезы. Она прижала руки ко рту, чтобы остановить спазмы, но они прорвались — и она закрыла руками лицо, пытаясь справиться с приступом. Бесполезно. Она уронила на стол вытянутые руки, между ними — голову — и разрыдалась.

А Люси, глядя на нее, подумала: другая бы девушка начала с этого. Использовала бы слезы как оружие, как способ пробудить во мне сочувствие. Но не Иннес. Иннес пришла, вся самообладание и отрешенность, и предложила себя в заложники. То, что она сейчас сорвалась, показывает только, какие мучения она испытывала все это время.

В медленном крещендо начали нарастать тихие раскаты гонга.

Иннес услышала его и поднялась.

— Пожалуйста, извините меня, — сказала она. — Я, пожалуй, пойду и плесну на себя холодной воды. Это должно помочь.

А Люси подумала, как характерно: девушка, которую сотрясали такие рыдания, что она не могла говорить, совершенно бесстрастно прописала себе лекарство, как будто она была другим человеком, а не той истеричкой, которая внезапно взяла в ней верх и устроила этот спектакль.

— Да, пойдите, — проговорила Люси.

Взявшись за ручку двери, Иннес остановилась. — Когда-нибудь я смогу поблагодарить вас по-настоящему, — сказала она и убежала.

Люси спустила маленькую серебристую розетку в карман и пошла вниз завтракать.

XXII

Это был ужасный уик-энд.

Дождь лил, не переставая. Генриетта ходила с видом, как будто она перенесла серьезную операцию, которая окончилась неудачно. Мадам находилась в отвратительном настроении, и от нее не было никакой пользы, ни в действиях, ни в словах. Фрекен была в ярости, что такое случилось в «ее» гимнастическом зале. Рагг выступала в роли Кассандры, изрекающей унылые банальности. Люкс выглядела спокойной и утомленной.

Люкс вернулась из Ларборо, принеся с собой маленькую розовую свечку, завернутую в тонкую бледнозеленую бумагу.

— Тедди сказал, чтобы я отдала это вам, — проговорила она. — Почему — не знаю.

— О? С пирога?

— Да. Скоро мой день рождения.

— Как мило, что он помнит.

— О, у него есть книжка, где записаны дни рождения. Это входит в рекламу. Его секретарь обязан посылать телеграммы всем, кому следует, тогда, когда следует.

— Вы не верите ничему, что он делает? — спросила Люси.

— Тедди? В его настоящие чувства — не верю. Не забывайте, что я знаю его с тех пор, как ему было десять лет. Ему не обмануть меня дольше, чем на пять секунд.

— Мой парикмахер, — сказала Люси, — который, причесывая, поучает меня, говорит, что нужно прожать другому человеку три недостатка. Если это делать, все остальное оказывается на удивление милым, так он говорит.

— Если простить Тэдди три недостатка, больше ничего, увы, не останется.

— Почему?

— Потому что три его недостатка — это тщеславие, эгоизм и жалость к себе. И любой из них абсолютно непереносим.

— Уф! — воскликнула Люси. — Сдаюсь.

Однако она простенькую маленькую свечку себе на туалетный столик и с удовольствием подумала об Эдварде Эйдриане.

Как бы ей хотелось так же думать о своей любимой Бо, которая все

безумно усложняла, придя в неопишную ярость от того, что Иннес отказалась от Арлингхерста. Как поняла Люси, дело почти дошло до ссоры, насколько это было возможно между двумя девушками, так привязанными друг к другу.

— Говорит, что не сможет чувствовать себя счастливой в одежде мертвеца, — пожаловалась Бо, сдаваясь, но по-прежнему кипя возмущением. — Можете вы вообразить что-нибудь более смешное? Отвергнуть Арлингхерст, как будто это чашка чая. После того, как, казалось, она вот-вот умрет от горя, потому что ей его не отдали первой. Ради Бога, мисс Пим, поговорите с ней, заставьте ее одуматься, пока не поздно. Это не просто Арлингхерст, это все ее будущее. Начинать с Арлингхерста — значит начинать с самой вершины. Уговорите ее, хорошо? Уговорите отказаться от этой нелепой идеи!

Люси стало казаться, что ее все время умоляют «поговорить» с кем-нибудь. То ей следовало быть порцией успокоительного лекарства, то послужить уколом адреналина, а если не то и не другое, то просто прописанной всем ложкой соды.

В тех случаях, когда она не была *deus ex machina*^[51], дурным толкователем справедливости. Но Люси старалась не думать об этом.

Конечно, ей нечего было сказать Иннес. Зато сказали другие. Мисс Ходж воевала с ней долго и честно, обескураженная отказом девушки, которой она не хотела первой отдать это место. Теперь ей некого было послать в Арлингхерст; ей придется написать, чтобы они искали кандидатку в другом месте. Весьма вероятно, что, когда известие о несчастном случае просочится в академические круги, в Арлингхерсте решат не обращаться в Лейс в следующий раз, когда им потребуется гимнастка. Несчастные случаи не должны происходить в управляемых должным образом гимнастических залах, тем более, случаи со смертельным исходом.

Такова была и точка зрения полиции. Они были очень милы, очень вежливы, очень тактичны. С пониманием отнеслись к тому, какой вред нанесет заведению нежелательная огласка. Однако дознание, конечно, должно состояться. А дознания, увы, связаны с прессой и открывают возможность неверного истолкования. Поверенный Генриетты побывал в редакции местной газеты, и ему обещали не раздувать это дело, но кто знает, а вдруг заметка попадет на глаза помощнику редактора в тот момент, когда будет не хватать сенсаций? Что тогда?

Люси хотела уехать до следствия, уехать от постоянных напоминаний о ее вине перед Законом, но Генриетта просила ее остаться. Люси никогда

не могла отказать Генриетте, тем более такой страшно постаревшей Генриетте. Люси осталась. Она выполняла небольшие разного рода поручения Генриетты, в основном, чтобы дать той возможность разбираться с кучей непривычных дел, свалившихся на нее.

Но на дознание она, Люси, не пойдет.

Она не сможет сидеть там, зная то, что она знает, и не почувствовать в какой-то момент желание встать, рассказать правду и снять ответственность со своей души.

Кто знает, что могла заподозрить полиция? Они пришли, осмотрели зал, что-то замерили, рассчитали вес бума, расспросили всех и каждого, консультировались по этому поводу у разных специалистов, все выслушивали и ничего не говорили. Они забрали с собой штырь, который был виноват во всем, — может, потому, что таков заведенный порядок, но кто знает? Кто знает, какие подозрения могли зародиться в широкой груди полицейского инспектора или прятаться за вежливой невозмутимостью его лица?

Однако случилось так, что на дознании объявился совершенно неожиданный спаситель. Спаситель в лице Артура Миддлхэма, импортера чая, с Вест Ларборо роуд, 59. Иначе говоря, проживающий в одной из вилл, расположенных вдоль шоссе, соединяющего Вест Ларборо с въездом в Лейс. Мистер Миддлхэм ничего не знал о колледже, за исключением самого факта его существования и того, что в нем жили молодые женщины, которые, весьма скупо одетые, гоняли на велосипедах по всей округе. Однако мистер Миддлхэм слышал о несчастном случае. И ему показалось крайне странным, что штырь в гимнастическом зале вышел из гнезда в то же самое утро и, весьма возможно, в то же самое время, когда створка одного из окон в его гостиной вывалилась от сотрясения, произведенного колонной танков, возвращавшейся с учений в Саут Ларборо. Его теория фактически повторяла теорию мисс Люкс: вибрация. Только теория мисс Люкс была случайным выстрелом в темноту и потому на нее не обратили внимания, а теория мистера Миддлхэма была обоснована и подкреплена вещественным доказательством: разбитой створкой окна.

И, как всегда, когда кто-то первым проложил путь, нашлись добровольные последователи. (Если бы кто-нибудь придумал историю о том, как он накануне вечером, в 5.30, увидел на небе зеленого льва, и написал об этом в газету, по меньшей мере шесть человек заявили бы, что видели то же самое раньше). Одна взволнованная женщина, услышав заявление мистера Миддлхэма, поднялась со своего места в зале и сказала, что кувшин для пива, который служил ей многие годы, ни с того, ни с сего

в то же самое время упал с маленького столика, стоявшего у окна.

— Где вы живете, мадам? — спросил следователь, вытаскив ее из толпы и записав как свидетеля.

Она живет в коттедже между Лейсом и Бидлингтоном. На шоссе? О да, у самого шоссе; летом от пыли можно задохнуться, и машин много, ну, а танки... Нет, у нее нет кота. Нет, в комнате никого не было. Она вошла туда после завтрака и нашла кувшин на полу. Такого раньше никогда не случалось.

Бедная О'Доннелл очень нервничала, но показания дала ясно и решительно: она крепила конец у стены, а Роуз устанавливала подпорку посередине. «Устанавливать» означало поднять бум с помощью троса на блоке и вставить штырь под бум, тем самым закрепив его. Таким образом, бум поддерживался и тросом, свисающий конец которого заворачивался вокруг клина на стойке. Нет, они не проверили снаряд перед тем, как уйти.

Фрекен на вопрос о тросе, который не смог заменить вышедший из строя штырь, ответила, что он был недостаточно туго закручен, чтобы, когда штырь вылетел, предотвратить провисание. Завернуть трос вокруг клина — студентки проделывали это автоматически, и ни одна из них не думала о тросе как о мере безопасности. Хотя в действительности это было именно так. Штырь мог сломаться из-за какого-нибудь дефекта в металле, и в этом случае трос принимал всю тяжесть на себя. Да, может быть, что трос, на который обычно падал только вес бума, вытянулся под внезапной дополнительной нагрузкой в десять стоунов, но она, фрекен, этого не думает. Тросы в гимнастическом зале проходили очень основательную проверку и имели гарантию. Более вероятно, что мисс Роуз плохо закрутила трос.

И, похоже, все. Это был несчастный случай. Штырем, который забрала полиция, пользовались практически все в день Показательных выступлений, и абсолютно ничего не произошло.

Это была очевидная Смерть от Несчастливого случая.

«Ну, вот и конец», — подумала Люси, услышав новости. Она ждала, сидя в гостиной, глядя на сад под дождем, не в состоянии поверить, что все пройдет хорошо. Ни одно преступление не совершается без того, чтобы не допустить где-то промах; Люси читала достаточно криминальных историй, чтобы знать это.

Один промах уже был допущен, когда маленькое украшение оторвалось от туфли. Кто знает, что еще могла откопать полиция? Но вот все кончилось, Иннес в безопасности. Теперь Люси поняла, что она поставила себя под удар Закона ради Иннес. Она думала, что ради матери

Иннес, ради Генриетты, ради абсолютной справедливости. Но в конце концов поступила она так потому, что что бы ни сделала Иннес, она не заслужила того, что Закон сделает с ней. Иннес прошла через жесточайшие испытания, и предел ее сил оказался значительно ниже нормального. Ей не хватило какой-то легирующей добавки, какого-то хорошего твердого укрепляющего вещества, которое помогло бы ей выдержать напряжение, не сломавшись. Но она была слишком высокой пробы, чтобы отбросить ее.

Люси с интересом следила за тем, как звучали приветствия, которыми наградили Иннес, когда в среду утром она вышла получать диплом. Крики, которыми встречали девушек, различались не только громкостью, но и оттенками. Например, в тех, которыми приветствовали Дайкерс, звучали и смех, и теплота. Бо отдали дань как Главе Старших, это были поздравления нижестоящих Старосте, пользующейся очень большой популярностью. Но в том, как приветствовали Иннес, можно было услышать, и это было весьма примечательно, что-то еще: горячее восхищение, сочувствие, добрые пожелания; никого другого такими приветствиями не удостоили. Интересно, подумала Люси, было ли это вызвано тем, что ее отказ принять назначение в Арлингхерст растрогал их. Тогда, в разговоре с Роуз и ее поведении на экзамене, Генриетта сказала, что Иннес не пользуется популярностью. В криках девушек было нечто большее, чем дань обычной популярности. Студентки восхищались Иннес. Это была дань ее высоким качества.

Выдача дипломов, которая из-за дознания была перенесена со вторника на среду, была последним событием, на котором Люси присутствовала в Лейсе. Двенадцатичасовым поездом она уезжала в Лондон. В последние несколько дней ее засыпали бесконечными маленькими подарками, которые оставляли у нее в комнате, с приложенными к ним записками. Люси была очень тронута этими знаками внимания. Почти каждый раз, когда она заходила к себе, она находила что-нибудь еще. Мало кто делал ей подарки с тех пор, как она стала взрослой, и она сохранила детское ощущение радости, когда ей что-то дарили, любую мелочь. А эти подарки были выражением такой непосредственности, что у нее теплело на душе; это не была складчина, не было мероприятие типа «шапка по кругу»; каждая девушка дарила ей то, что сама придумала. Подношение Апостолов представляло собой большой кусок белого картона, на котором было написано:

УДОСТОВЕРЯЕТСЯ ПРАВО

мисс Люси Пим

ПРИХОДИТЬ В КЛИНИКУ ЧЕТЫРЕХ
АПОСТОЛОВ В МАНЧЕСТЕРЕ

и получить

КУРС ЛЕЧЕНИЯ

любого вида в любое время

Дэйкерс принесла ей небольшой неаккуратно завязанный пакет, надпись на котором гласила: «Вспоминайте каждое утро о нашей первой встрече». Открыв пакет, Люси нашла в нем плоскую губкулюфу, чтобы тереть спину. Действительно, как будто это было в другой жизни, когда над перегородкой в ванной комнате появилось это забавное, похожее на мордочку пони лицо и уставилось на нее, Люси. И в ванне тогда сидела совсем другая Люси Пим.

Верная мисс Моррис соорудила для нее маленькую фетровую сумочку — один Господь Бог знает, как этот ребенок нашел время сшить ее — а на другой чаше весов земного великолепия был саквояж из свиной кожи с ее, Люси, инициалами — подарок Бо. К нему была приложена записка: «У вас будет так много прощальных подарков, что потребуются тара, куда сложить их». Даже Джидди, с которым Люси провела как-то полчаса в беседе о ревматизме и о крысах, прислал ей горшок с каким-то растением. Люси понятия не имела, что это за растение — оно было мясистое и выглядело немного неприлично — однако, утешилась тем, что оно было маленькое. Путешествие с растением в горшке вовсе не было пределом ее мечтаний.

Между завтраком и выдачей дипломов пришла Бо помочь ей упаковать вещи, однако, самое основное Люси уже упаковала сама. Другой вопрос, закроются ли чемоданы, когда в них будет уложено все.

— Я еще вернусь перед утренней клиникой и посижу на них, — заявила Бо. — До этого часа мы свободны. Кроме клиники, нам ничего больше не нужно делать до самой пятницы, когда мы поедем домой.

— Вам жаль расставаться с Лейсом?

— Ужасно. Мне здесь было замечательно. Утешает только то, что впереди летние каникулы.

— Иннес не так давно говорила мне, что вы собираетесь вместе в Норвегию.

— Да, собирались, — сказала Бо, — но не поедem.

— О!

— У Иннес другие планы.

Было ясно, что взаимоотношения этой пары нарушились.

— Я, пожалуй, пойду посмотрю, чтобы Младшие не захватили все

лучшие места при выдаче дипломов, — произнесла Бо и ушла.

Однако существовала другая пара, взаимоотношения которой развивались прекрасно.

Нат Тарт постучала в дверь Люси и сказала, что пришла подарить дорогой мисс Пим талисман, приносящий счастье. Она вошла в комнату, посмотрела на чемоданы, из которых высовывались вещи, и произнесла со своей обычной прямоотой:

— Вы не очень хорошо умеете укладываться, да? Я тоже. Это талант пешеходов.

Люси, которая за последние дни получила массу разного рода талисманов, от обезьяны на палке от Вулворта до южноафриканской монеты в пол-пенни, с некоторым любопытством ожидала, что придумала Нат Тарт.

Это оказалась синяя бусина.

— Ее нашли при раскопках в Центральной Америке сто лет назад, она почти такая же древняя, как сам мир. Она действительно приносит счастье.

— Но я не могу взять ее у вас, — запротестовала Люси.

— О, у меня небольшой браслет из таких бусин. В раскопках нашли браслет. А я вынула оттуда одну бусину для вас. Осталось пять, этого вполне достаточно. А еще я хочу сообщить вам новость. Я не вернусь в Бразилию.

— Правда?

— Я остаюсь Англии и выхожу замуж за Рика.

Люси сказала, что очень рада слышать это.

— Мы собираемся пожениться в Лондоне в октябре, вы будете там и придете на свадьбу, хорошо?

Да, Люси с удовольствием придет на свадьбу.

— Я так рада за вас, — сказала она. После событий последних дней ей просто необходимо было прикоснуться к счастью.

— Да, все очень удачно. Мы кузены, но не очень близкие, и разумно сделать так, чтобы все осталось в семье. Я всегда хотела выйти замуж за англичанина, и Рик, безусловно, parti^[52]. Он старший партнер в фирме, хотя он еще так молод. Мои родители очень довольны. И бабушка, конечно, тоже.

— Наверно, вы сами тоже довольны? — произнесла Люси, слегка обескураженная таким прозаическим перечнем.

— О да. Рик — единственный человек в мире, который может заставить меня делать то, чего я не хочу делать. Это будет очень полезно для меня.

Нат Тарт заметила, что на лице Люси отразилось некоторое сомнение, и ее огромные глаза блеснули.

— И, конечно, он мне очень нравится, — сказала она.

После раздачи дипломов Люси выпила кофе с преподавателями и попрощалась с ними. Поскольку она уезжала в первой половине дня, все были заняты и никто не мог поехать на станцию проводить ее. Генриетта поблагодарила ее за помощь, которую она оказала, и на этот раз у нее в глазах явно стояли слезы. (Однако даже самое необузданное воображение не могло подсказать Генриетте, как велика была эта помощь). Люси должна считать Лейс своим домом, приезжать и жить здесь в любое время, как только ей захочется, или, может быть, ей захочется поработать лектором, или... или...

И Люси пришлось промолчать и скрыть ото всех, что Лейс, где она была так счастлива, был единственным местом на земле, куда она никогда не вернется. Местом, которое она хотела бы, если ей позволят собственная совесть и тень Роуз, вычеркнуть из памяти.

Преподаватели отправились выполнять свои разнообразные обязанности, а Люси вернулась к себе в комнату, чтобы закончить укладывать вещи. После того ужасного разговора утром в субботу она ни словом не перемолвилась с Иннес, практически не видела ее, за исключением тех минут, когда Иннес получала диплом из рук мисс Ходж.

Неужели перед отъездом Иннес не скажет ей ничего?

Однако, вернувшись к себе, Люси нашла на столе письмо. Она вскрыла конверт и прочла:

Дорогая мисс Пим,

Я повторяю все в письменном виде. Всю жизнь я буду искупать то, чего не могу изменить. Я расплачиваюсь охотно. Моя жизнь за ее.

Мне очень жаль, что это испортило Вам пребывание в Лейсе, и я надеюсь, что Вы не будете сожалеть о том, что сделали для меня. Обещаю доказать, что сделали это не напрасно. Быть может, лет через десять вы приедете на Запад и посмотрите, что у меня получилось. Я буду очень ждать этого дня. Это будет ориентир в мире без ориентиров.

А пока, и навечно, примите мою благодарность — благодарность, которую не выразить словами.

Мэри Иннес.

— На который час вы заказали такси? — спросила Бо, и вошла, предварительно постучавшись в комнату.

— На половину двенадцатого.

— Вот-вот придет. Вы сложили все, что должны взять? Термос? У вас его нет. Зонтик внизу? Нет зонтика. А как вы обходитесь? Ждете в парадной, пока пройдет дождь, или тащите тот, что поближе? У меня была тетя, которая всегда покупала самые дешевые зонты, какие только могла найти, а когда дождь кончался, совала их в ближайший мусорный ящик. Больше денег, чем ума, как говорила моя няня. Ну, ладно. Все сложили? Хорошенько подумайте, потому что если мы закроем эти чемоданы, открыть их снова мы уже не сможем. В ящиках ничего не осталось? Люди часто забывают вещи в глубине ящиков. — Она выдвинула маленькие ящики стола и засунула в них руки. — Половина разводов в Западном полушарии происходят из-за того, что там находят.

Бо вытащила правую руку, и Люси увидела, что она держит на ладони маленькую серебристую розетку, которая оставалась в глубине ящика, потому что Люси не могла решить, что с ней делать.

Бо повертела ее в пальцах.

— Это похоже на пуговку с моей туфли, — проговорила она.

— С вашей туфли?

— Ну да. Черные лакированные туфли, которые носят на уроках балета. Я люблю их, потому что в них очень удобно, когда ноги устали. Как в перчатках. Мне до сих пор годятся те, что я носила, когда мне было четырнадцать. У меня были огромные ноги для моих лет, и, поверьте, слабым утешением было постоянно слышать, что я вырасту высокой. — Внимание Бо снова обратилось на розетку, которую она держала в руках. — Значит, вот где я ее потеряла, — проговорила она. — А я-то раздумывала, где бы это могло быть. — Бо опустила ее в карман. — Боюсь, вам придется сесть на этот чемодан. Вы сядьте, а я повоюю с замками.

Люси села, послушно как автомат.

Как это никогда раньше я не замечала, какие у нее холодные голубые глаза. Блестящие, холодные, пустые.

Золотистые волосы упали на колени Люси, пока Бо боролась с замками. Замки, конечно, ей подчинятся. Все и вся, всегда, с самого дня ее рождения, ей подчинялось. Если же нет, она принимала меры, чтобы подчинилось. В четыре года, вспомнила Люси, она нанесла поражение миру взрослых, потому что ее желание, чтобы все было как она хочет, оказалось сильнее желаний всех других вместе взятых. Она никогда не знала крушений надежд.

Она не могла себе представить, что надежды могут рухнуть.

Если ее подруга имела несомненное право на Арлингхерст, значит, она отправится в Арлингхерст.

— Вот! Порядок. Помогите, пожалуйста, посидите и на другом, если я не справлюсь с ним сама. Вижу, Джидди подарил вам одно из своих противных растеньиц. Вот тоска. Может, вы когда-нибудь сможете поменять его на вазу для заднего крыльца.

Интересно, думала Люси, когда у Иннес появились подозрения? Почти сразу? Наверняка в первой половине дня, раньше, чем она оказалась на месте, где случилось несчастье и позеленела.

Бедная Иннес. Бедная Иннес, которой предстоит расплачиваться за это.

— Так-си! — прокричал голос в коридоре.

— Вот и ваш кэб. Я отнесу вещи. Нет-нет, они совсем легкие; не забывайте, какой курс тренировки я прошла. Мне не хочется, чтобы вы уезжали, мисс Пим. Нам будет очень не хватать вас.

Люси услышала собственный голос, говоривший полагающиеся слова. Она даже услышала, что обещает Бо приехать, быть может, к ним на Рождество, когда у Бо будут ее первые «рабочие» каникулы и она будет дома.

Бо посадила Люси в машину, ласково попрощалась с ней, сказала шоферу: «На станцию»; такси тронулось, улыбающееся лицо Бо мелькнуло за окном и исчезло из вида.

Шофер отодвинул стеклянную перегородку и спросил:

— На лондонский поезд, леди?

Да, ответила Люси, на лондонский.

Она останется в Лондоне. В Лондоне ее собственная жизнь, надежная, приятная, спокойная, и в будущем она будет довольствоваться ею. Она даже перестанет читать лекции по психологии.

И вообще, что она знает о психологии?

Как психолог, она первоклассная учительница французского языка.

Она могла бы написать книгу о несоответствии характера и черт лица человека. В этом, по крайней мере, она оказалась права. В большинстве случаев.

Брови, из-за которых люди шли на плаху.

Да, она напишет книгу о физиогномике.

Под псевдонимом, конечно. Физиогномика не очень высоко котируется среди интеллигенции.

---

notes

1

Риджент Парк — аристократический район Лондона.

2

Грингэйдж — слива-ренклюд (англ.)

З

вполголоса, приглушенно (*ит.*)

4

Jolly — джолли — веселый, радостный (*англ.*)

5

М.П. имеет в виду отношение жителей Клондайка к остальной Америке (ср.: «материк» в разговоре жителей Камчатки о России)

6

Beaux — Bo — красивый, прекрасный (*франц.*). В сочетании с фамилией «Bo Nэш» прозвище девушки напоминает об изящном распорядителе танцев XVIII столетия на модном английском курорте Бате.

7

Летний семестр в английском колледже обычно длится два месяца — июнь и июль.

8

Ревматическая боль в шейных мускулах *(лат.)*

9

Ольстер — шесть северо-ирландских провинций, входящих в состав Великобритании.

10

весь, целиком (*франц.*)

11

Nut Tart — ореховое пирожное (*англ.*) и Tart — совр. слэнг, «женщина легкого поведения».

12

профессия, ремесло (*франц.*)

13

Кланы Кэмпбеллов и Стюартов в Шотландии враждуют со времен Средневековья. Здесь, по-видимому, намек на попытки реставрации Стюартов на троне в 18 веке.

14

Евангелисты: Матфей, Марк, Лука, Иоанн.

15

Скелет из шкафа (skeleton-in-the-cupboard) (*англ.*) — фамильные тайны, секрет, о котором нельзя рассказывать посторонним.

16

все вместе (*франц.*)

17

Рю де ля Пэ — улица в Париже, где расположены фешенебельные магазины.

18

пируэт (*франц.*)

19

хозяйство (франц.)

Роман известного писателя Джона Уэйна (1965) о визите советских студентов в Англию.

21

Nature's Abhorrence — то, чего не терпит природа (*англ.*)

22

1 стоун = 14 англ. фунтам = 6.34 кг (английская мера веса).

23

вздор, чепуха (*франц.*)

24

Простите? *(нем.)*

Мисс Пим считает сочетание слов «кофе» и «чайник» нелогичным, называя фразу «ирландской» т.е. с ее точки зрения — непоследовательной. Этой сугубо английской фразы не понимает Детерро.

Яков I Стюарт — английский король (1603—1625 гг.)

G.P. — General Practitioner — участковый, районный врач (*англ.*)

до свидания (франц.)

Три Р (Three R's) — выражение для определения чтения, письма, арифметики (reading, 'riting, 'rithmetic), считающиеся основами образования.

Совет Лондонского Графства.

31

глупость (франц.)

в прошлом; здесь — постарел (*франц.*)

33

неудачный, плохой (франц.)

Фотерингой — замок, где казнили Марию Стюарт.

двухместная машина (франц.)

Имя Гиллеспи (Диззи Гиллеспи) принадлежит одному из выдающихся джазовых музыкантов США.

37

Блюдо, представляющее собой смесь из овощей и фруктов (*франц.*)

негодяйка (франц.)

эта... (франц.)

Рече — отец; мере — мать.

41

ДО ТОШНОТЫ (*лат.*)

42

по пути (франц.)

Йоханнисбергер — вино из смородины (нем.)

44

Красавица-дурнушка (*франц.*)

45

наедине (франц.)

46

пробуждение, зд. побудка (*франц.*)

47

нервный срыв (*франц.*)

Уильям Блейк (1757—1827) — выдающийся английский писатель-романтик. Здесь приведена цитата из его стихотворения «Иерусалим» в переводе С.Я. Маршака, ставшего впоследствии религиозным гимном.

49

утренний спектакль *(франц.)*

Семейство Борджиа в средневековой Италии прославилось своими преступлениями.

«бог из машины» (*лат.*). В античном театре появление с помощью механизма на сцене бога, который своим вмешательством приводит пьесу к развязке.

выгодная партия (*франц.*)

Содержание

[Джозефина Тэй МИСС ПИМ РАССТАВЛЯЕТ ТОЧКИ](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[V](#)

[VI](#)

[VII](#)

[VIII](#)

[IX](#)

[X](#)

[XI](#)

[XII](#)

[XIII](#)

[XIV](#)

[XV](#)

[XVI](#)

[XVII](#)

[XVIII](#)

[XIX](#)

[XX](#)

[XXI](#)

[XXII](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)

